

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2024 – № 4 (22)

Ярославль
2024

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. – № 4 (22). – 179 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2024-4-22. – EDN DLCFNH.
2024, № 4 (22). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Большерева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжан Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Стой Поли**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дагэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Цизюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фучи**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Шапицкая Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Бишц Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Холдев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2024

© Юго-Западный университет КНР, 2024

© Авторы статей, 2024

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky».

Southwest University of the People's Republic of China.
The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU
at the Ministry of Education of the People's Republic of China

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO,
2024. – № 4 (22). – 179 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2024-4-22. – EDN DLCFNH.
2024, № 4 (22). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatyana Gennadievna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals which publish the main results of doctoral and candidate's theses in the following areas of specialization: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences), 5.5.3. Public administration and industrial politics (political sciences), 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences), 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples in the Russian Federation (philological sciences), 5.9.2. World literatures (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.10.1. Theory and history of culture and the arts (cultural studies)

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69
(publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Registration number of the media:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications
(Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2024

© Southwest University of the People's Republic of China, 2024

© Authors of articles, 2024

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Лобазова О. Ф.* Власть и общество в России: национальная идея и гражданская идентичность 6
- Кушнарев Ф. Ю.* Образование как элемент «мягкой силы» во внешней политике России в условиях динамики политических изменений 24
- Чжан Цзэмин* Научные парадигмы и тенденции в изучении международных организаций.....37

ФИЛОЛОГИЯ

- Соколов Б. В.* Роман «Мастер и Маргарита» и пьеса «Батум» М. А. Булгакова: взаимное влияние, текстуальные параллели и общие источники.....54
- Крикливец Е. В.* Сублимация психологического анализа в поэзии А. Авругина о Великой Отечественной войне 73
- Лю Мяо* Мастерство и верность оригиналу: анализ перевода романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» Цзан Чжунлунем 93
- Егоров М. Ю.* Метаповествовательная техника в романах Э. Лимонова 1970-1980-х годов.....107

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Шеметова Т. Г.* Автомиф Корнея Чуковского: жизненные и творческие стратегии 119
- Ма Вэйхун* Региональный культурно-эстетический аспект поэзии С. А. Есенина 130
- Иванов Н. Н.* Образный мир мифологии Востока в русской литературно-художественной традиции 151
- Лань Хаофан, Аннушкин В. И.* Русская школа востоковедения и выдающиеся синологи о постижении китайской словесности и культуры 167

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

- Lobazova O. F.* Authorities and society in Russia: national idea and civil identity 7
- Kushnarev F. Yu.* Education as an element of “soft power” in Russia's foreign policy in the context of dynamic political changes.....25
- Zhang Zeming* Scientific paradigms and trends in studying international organizations 38

PHILOLOGY

- Sokolov B. V.* M. A. Bulgakov's novel The Master and Margarita and the play Batum: mutual influence, textual parallels and common sources.....55
- Kriklivets E. V.* Sublimation of psychological analysis in A. Avrutin's poetry about the Great Patriotic war 74
- Liu Miao* Mastery and true to the original: analyzing the translation of F. M. Dostoevsky's novel The Brothers Karamazov by Zang Zhonglong.....94
- Egorov M. Yu.* Meta-narrative technique in E. Limonov's novels of the 1970s-1980s.....108

CULTURAL SCIENCE

- Shemetova T. G.* Korney Chukovsky's automyth: lifetime and creative strategies.....120
- Ma Weihong* Regional cultural and aesthetic aspect in S. A. Yesenin's poetry.131
- Ivanov N. N.* The image world of Oriental mythology in the russian literary and artistic tradition 152
- Lan Haofang, Annushkin V. I.* Russian school for Oriental studies and prominent sinologists on learning Chinese literature and culture.....168

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 304.444
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-6
EDN DRMFNN

**Власть и общество в России:
национальная идея и гражданская идентичность**

Ольга Федоровна Лобазова

Доктор философских наук, профессор кафедры современных аксиологических проблем и религиозной мысли, Российский государственный социальный университет, г. Москва
lobazovaof@rgsu.net, <https://orcid.org/0000-0002-8601-6665>

Аннотация. На основании тезиса о самостоятельности и уникальности российской цивилизации как в исторической ретроспективе, так и в современной обстановке, в статье предлагаются ответы на следующие вопросы: под воздействием каких факторов складывалась общероссийская гражданская идентичность? От чего зависела степень влияния русского православия на отношения власти и общества? В каких формах местного управления реализовывалась участие социальных групп разного уровня в решении проблем государственного строительства? Какую роль в системе отношений власти и общества сыграли земства? Почему национальная идея, обеспечивающая гражданское единение, может быть выражена несколькими способами. Предлагаемые в статье выводы получены путем применения сравнительно-исторического метода на основе принципов объективности, всесторонности, историзма и поиска противоречий. В ходе рассуждений сделаны умозаключения, во-первых, о ламинарности как ключевом свойстве самосознания людей, составляющих основную активную часть народа, образующего русское государство; во-вторых, о доминантном идейном влиянии русского православия, которое формировало мировоззрение как тех, кто управлял, так и тех, кем управляли; и, в-третьих, об особом сакральном ореоле образа представителей высшей власти, существующем в массовом сознании российского населения, который меняется со временем, но полностью так и не исчезает. Основная мысль статьи заключается в том, что национальная идея российского общества формируется в современных условиях на основаниях светскости и оптимистического консерватизма и принимают участие в ее формировании как власть через своих

представителей, так и общество через институты, реализующие различные формы гражданской инициативы.

Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность; традиционные российские духовно-нравственные ценности; местное управление; земство; национальный характер; национальная идея; общинность; консерватизм

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Земский уклад: на пути укрепления общероссийской гражданской идентичности» (FSZZ-2024-0012), № 1024071600015-7-5.4.1;5.5.1;5.6.2;5.9.1;6.3.1

Для цитирования: Лобазова О. Ф. Власть и общество в России: национальная идея и гражданская идентичность // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 6-23. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-6>. <https://elibrary.ru/DRMFNN>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

Authorities and society in Russia: national idea and civil identity

Olga F. Lobazova

Doctor of philosophy, professor, department of modern axiological problems and religious thought, Russian state social university, Moscow.
lobazovaof@rgsu.net, <https://orcid.org/0000-0002-8601-6665>

Abstract. The study is based on the thesis of the independence and uniqueness of the Russian civilization both in the historical retrospective and in the modern situation. It offers the answers to the following questions: which factors influenced the formation of the Russian civil identity; what is the degree of Russian Orthodox influence on the relations between the authorities and the society; in what forms of local administration did different social groups participate to solve the state building problems; what is the role of the zemstvo (district council) in relations between the authorities and the society; why can the national idea of the civil integration be expressed in several ways? The conclusions suggested in the article are obtained by applying the comparative-historical method based on the principles of objectivity, comprehensiveness, historicism and searching for contradictions. In the course of the analysis, the following inferences are made: firstly, about laminarity as a key feature of self-consciousness of the people who constitute the main active part of the people forming the Russian state; secondly, about the dominant ideological influence of Russian Orthodoxy, which shaped the worldview of both those who ruled and those who were ruled; and, thirdly, the special sacral image of supreme power representatives that exists in the Russian mind and changes over time, but never completely disappears. The main point of the article is that the national idea of Russian society is being formed in modern conditions on the grounds of secularism and optimistic conservatism, and both the authorities through their

representatives and society through the institutions realizing various forms of civil initiative take part in its formation.

Key words: all-Russian civil identity; traditional Russian spiritual and moral values; local government; zemstvo; national character; national idea; communalism; conservatism

The article is a part of the state assignment of the Russian Federation Ministry of Science and Higher Education entitled “Zemsky Ukhlad: towards strengthening the Russian civic identity” (FSZZ-2024-0012), No. 1024071600015-7-5.4.1;5.5.1;5.6.2;5.9.1;6.3.1

For citation: Lobazova O. F. Authorities and society in Russia: national idea and civil identity. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 6-23. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-6>. <https://elibrary.ru/DRMFNN>.

Введение

Российская нация, опираясь на собственный длительный и эффективный опыт построения территориально-политической и культурной общности, закономерно осознает себя самостоятельной цивилизацией. Наше сообщество совсем не одиноко в своей уникальности – Россия располагает определенным кругом друзей, союзников и партнеров, нацеленных на сотрудничество. Мы постоянно на протяжении всего времени существования государства активно принимали участие в глобальных процессах: в христианизации, в противостоянии Орде, в освоении новых для европейцев континентов и океанов. Наша страна выполняла ведущую роль в борьбе с наполеоновской Францией и гитлеровской Германией, в противоборстве с колониальной системой и создании противовеса мировым гегемонам. Но участие России в глобальных процессах всегда происходило на условиях России, определяемых решениями политического руководства соответствующей эпохи, которые были, конечно, разными по степени позитивной результативности.

Стоит отметить, что чем выше при принятии таких решений была согласо-

ванность конкретных политических шагов и управленческих мер с глубинными архетипами российской нации, тем к более ощутимым результатам приводили действия как отдельных представителей политического руководства, так и в целом армии, флота, дипломатического корпуса и других акторов международных связей. Обратим внимание, согласованность именно с содержанием глубинных архетипов, а не общественного мнения, которое обычно формируется представителями элиты манипулятивно, меняется слишком быстро и в большой степени эмоционально окрашено. Обращение же к глубоко укорененным в российском сознании идеям (и мифам) не раз обеспечивало актуализацию всех качеств народа, которые позволили российской государственности перерасти формальные рамки территориально-политического объединения и стать цивилизацией, распространившей свое культурное влияние далеко за пределы своих физических границ.

Динамика взаимоотношений общества и власти в России

Одна из главных доминант российского общественного сознания (причем

как массового, так и концептуального уровня), обеспечивающих прочность политической организации и гармоничность культурного пространства, это идея о прочной взаимосвязи верховной власти государства и масс населения, занятых в создании экономического потенциала страны. Этой довольно здоровой идее сопутствует уже миф о том, что данная связь правителя и народа имеет мистический характер, что помешать её осуществлению могут «бо-яре» (впрочем, по мнению носителей мифа, именно этим они всегда и заняты), и если хочешь добиться справедливости, то надо обращаться прямо к верховному правителю.

Идея сакральности власти, объясняющая власть как константу, не подлежащую осуждению по критериям обыденности, но обладающую всеми качествами для установления справедливости в обыденной среде именно в силу своих надмирных свойств, живет в российском массовом сознании до сих пор, хотя и в сильно трансформированном виде. Рациональное же её зерно – представления о необходимости непрерывного диалога власти и «низовых» слоев общества – периодически актуализируется в современный период в форме дискуссий о соотношении прав и обязанностей власти и граждан, о взаимосвязи интересов целого (страны) и его частей (регионов). То и дело в теоретических спорах и политических программах возникает вопрос о наличии гражданского общества в пределах Российской Федерации, о его свойствах, задачах и перспективах.

И практически все участники обсуждений [Азаматова, 2022; Алешин, 2021; Пантелеев, 2023; Поляковская, 2022; Сулейманов, 2024] соглашались с тем, что существование гражданского

общества определяется наличием гражданских инициатив, направленных на реализацию как частных, групповых, так и общественных, государственных интересов. А формы реализации гражданских инициатив, их границы и степень влияния на разномасштабные управленческие решения имеют в российском обществе свои традиции и особенности – городское вече, сход сельской общины, казачий круг, церковные приходы, собрания мусульманской уммы, земства, советы народных депутатов советского периода и современные советы депутатов – все они основывались на актуальном на соответствующий момент понимании целей и задач рядовых подданных, а потом и граждан, в сфере государственного строительства. В российском обществе в отношении к органам местного управления и различным самостоятельным объединениям граждан, а также к взаимодействию этих структур и объединений с органами вышестоящей власти есть некоторые оттенки, которые детерминированы российской многонациональной и полирелигиозной культурой.

И это не недостаток, это – преимущество. Поскольку в текущей ситуации, когда в мировом политическом пространстве происходит передел сфер влияния, роль конкурентного ресурса могут играть самые необычные и странные национальные особенности. Не призывая опираться на действительно странные особенности, которые имеются, по-видимому, в арсенале каждого народа, а не только российского, предлагаем рассмотреть те черты национального психотипа, которые могут, с высокой степенью вероятности, влиять на активность граждан и оказывать воздействие на формы и содержание управления на местах. Рассуждать

предлагается о «русском характере», поскольку, по нашему убеждению, именно архетипы русского самосознания оказали наиболее сильное влияние на формирование российской полифоничной культуры, и в значительной степени по причине того, что «русскость», практически с самого начала применения этого термина, означала не только конкретную этническую принадлежность, но, прежде всего, включенность в определенное политическое и культурное пространство в качестве активного участника и защитника государства, в названии которого изначально фигурировало слово «Русь».

Диалектичность и разносторонность русского/российского характера признана большинством исследователей. Правда, в этом единодушии сразу видны две большие группы: одни делают акцент на негативных качествах, а другие – на позитивных. Вопрос о том, как эти качества влияют на жизнь страны (от масштабов дня до тысячелетней перспективы), решался тоже по-разному. Например, представители «западников» в свое время предлагали искоренять в народе все те черты, которые делают его антиподом населению Западной Европы, даже если эти черты и свойства народа помогали ему сохранять свою целостность в прошлом; а славянофилы были убеждены в том, что уникальные национальные черты требуют корректировки только в своей негативной части, а в целом служат исторической миссии народа России и должны сохраняться.

То, что мы называем национальным характером, не обуславливается только этнической принадлежностью, а является результатом системного воздействия всего комплекса культуры и природного (климатического) окружения, а также

откликается на социально-политические условия жизни. Поэтому с течением времени национальный характер закономерно трансформируется в некоторых своих чертах, сохраняя при этом корневые основания, поскольку базовые нарративы культуры и климат окружающей среды меняются медленнее и не в такой степени, чтобы полностью утрачить свои типичные свойства.

Наиболее сильным изменениям характер российской народа подвергся в XX веке под влиянием войн и революций. Да и события начала текущего века заставили российский народ меняться, как вслед за обстоятельствами, так и в противостоянии им. Вызовы, с которыми столкнулись российские граждане, потребовали таких усилий и принесли такие трансформации, которые по глубине могут сравниться только, пожалуй, со временем принятия Русью христианства. Но как и христианство из византийского толка перешло в русское православие, так мировоззрение глобального капитализма постепенно ассимилируется и медленно превращается в собственный российский взгляд на внешнюю и внутреннюю политику.

И это реализуется потому, что в российском характере остаются почти в неприкосновенности главные черты, комплекс которых иногда называют культурным кодом. Но в этом случае акцент делается на качествах, несомненно, позитивного значения. А вот негативные черты российского характера в составе культурного кода не упоминаются, хотя в реальности существуют. Это объяснимо, так как понятие культурного кода описывает идеал, должное. Тогда как в экспликации понятия «национальный характер» невозможно обойтись без учета целого спектра качеств, в котором даже условно

негативные черты делают целый народ и его отдельных представителей уникальными и приспособленными для решения особых стоящих порой только перед ними задач.

Для прояснения вопросов, продиктованных темой статьи, будет, пожалуй, достаточно назвать всего несколько свойств того симбиоза, который можно назвать «русскостью»:

- крепость жизненных сил, широта восприятия мира;
- постоянный интерес к проблемам глобального уровня;
- надежда на неожиданную помощь высших сил (такой своеобразный оптимистичный фатализм);
- желание минимизировать собственные усилия.

И если для краткости, только одним словом обозначить каждое из этих свойств, то получаем: выносливость, душевность, духовность, беспечность и лень. При этом сразу становится видна диалектичность в сочетании названных качеств, одни из которых прямо противоречат другим. Но так в данном случае это и не стремление описать идеал, это попытка отразить известную нам часть действительности, которая соткана из противоречий, обеспечивающих развитие жизни общества и человека.

Скорее всего, в любом народе можно найти проявление упомянутых качеств. Но в концентрированном состоянии, да еще в виде способа выживания и достижения выдающегося результата, такое встречается только в группе братских славянских народов, хотя и внутри этой группы качества белорусов и украинцев дополняются своими, только им присущими чертами, а некоторые общие свойства по степени выраженности будут различными, если сравнивать эти три народа между собой.

В оформлении этих качеств российского характера, отличительные особенности которого можно заметить не только среди этнических русских, но и среди большинства русскоговорящих, приняло активное участие православие, как богатейшая система моральных и интеллектуальных ценностей. В советский период также было осуществлено много прямых и опосредованных воздействий политического, социального и культурного свойства, в результате чего базовые черты российского характера еще более распространились и на представителей не славянских народностей.

На определенном этапе партийное руководство советского государства даже предложило обществу обновленную парадигму межэтнических отношений, введя в оборот термин «единый советский народ» для обозначения сложившейся в это время социально-культурной общности. Этот термин впоследствии подвергся критике, отмечалась его оторванность от актуальной политической реальности – ведь новым термином попытались скрыть назревавшие конфликты на почве сепаратизма и национализма, набравшего силу в рядах региональной элиты. Однако для большинства трудовой части населения единая идейная устремленность, игнорирующая этнические и вероисповедные рамки, была очевидна и естественна настолько, что ее отголоски, пройдя через несколько поколений, до сих пор ограждают российское общество от масштабных конфликтов на этнической почве.

Не советская власть создала единство в российском народе, не она первая официально обратилась к глубинным идеям согласия и сотрудничества. Все это постоянно осознавалось православными богословами и светскими мыслителями.

телями России, время от времени реализовалось в политических решениях власти и в предыдущие века. Но указанные шаги власти в советский период не позволили традиции межнационального и межконфессионального мира прерваться даже в период, когда традиционные для России религии уже не могли выполнять свою консолидирующую функцию. Тем более это не должно произойти сейчас.

В отдельных случаях можно услышать упреки в адрес российского народа за повышенный интерес к происходящему далеко за границами собственного государства, даже на другом краю Земли. Русские постоянно интересуются делами, не имеющими к ним отношения. Кто-то называет это вмешательством и отмечает (или придумывает – что чаще) отдельные случаи, которые противникам нашей страны с разной степенью успеха удается квалифицировать как помеху со стороны России. Но подлинный смысл участия российского государства и его граждан в международных процессах гораздо в большем – Россия не любопытствует и не устанавливает свой диктат, она выполняет сверхзадачу, миссию, соперничающая и участвуя по мере возможности в решении проблем. И это стержневая часть того постоянного интереса к проблемам глобального уровня, который коротко обозначен в данном тексте как духовность (на самом деле, духовность – гораздо большее, а иногда – совсем иное качество).

Отметим, что мессианские устремления в большей или меньшей степени присущи каждому народу, освоившему относительно большую территорию. Например, США и страны Западной Европы направляют гигантские усилия на контроль за остальным миром, кото-

рый воспринимается ими как джунгли, которые угрожают цивилизованно устроенному саду. Применительно к России речь должна идти не о присутствии или отсутствии мессианизма, а о своеобразных формах его проявления [Хренов, 2007] – российские мыслители во все времена отмечали, а отечественная социология уже в современный период подтверждает, наличие в массе трудового населения достаточно сильных эмоциональных откликов на социально-политические процессы в мире, интереса к событиям и выражения поддержки всем, кого, по мнению российского гражданина, обижают, притесняют, угнетают.

Именно такой по форме и содержанию мессианизм российского сознания обусловлен тем, что основным типом личности в России исторически является лиминарий. Русского человека, пишет Н. А. Хренов, «... делает лиминарием завышенная оценка по отношению к обществу – его не устраивают любые формы иерархии, поскольку лиминарий ориентирован на утверждение в обществе коммунарной модели и достижение состояния идеальной справедливости» [Хренов, 2007, с. 130].

Это стремление жить вне формальных рамок диалектически сочетается с горячим желанием россиянина находиться под защитой власти и ее представителей, которые бы гарантировали ему не просто широту этих формальных рамок, но справедливость ограничений, которые эти рамки накладывают на обычного человека. И если эти условия соблюдены, то главной задачей становится укрепление внутреннего единства, которое и обеспечит длительное существование установленного порядка. Кроме того, постоянные внешние угрозы, ликвидировать которые прихо-

дится опять же за счет привлечения представителей самой активной и трудоспособной части населения, которую после трагической убыли приходится длительно восполнять, не дают угаснуть в глубинных пластах российского самосознания постоянной готовности к защите Родины. А успех ратного дела обусловлен качествами самой Рати, то есть сообщество единомышленников, забирающих вражеские и отдающих свои жизни за Мир. И потому идея государственного и национального единства – это основополагающий элемент в согласовании интересов социальных субъектов происходящем, в том числе в процессе деятельности органов местного управления.

Кстати, поясним, почему не «местное самоуправление», а «местное управление» несмотря на то, что в российском праве и научном дискурсе исторически используется второй вариант. В данном случае, автор статьи разделяет мнение Б. Г. Хачатуряна и Б. А. Шишкина о том, что не только наименование «местное самоуправление», скопированное либеральными сторонниками Земской реформы 1864 года, но и сама реализуемая тогда и сегодня под таким названием система, осталась «не понятой населением страны в течение более 150 лет» [Хачатурян, 2023, с. 620] и в ее современном виде не приносит ощутимых позитивных результатов для Российской Федерации. Во взглядах на исторический опыт и современную ситуацию автор статьи исходит из убеждения, что местное управление с учетом инициативы граждан региона существует в реальности, а местное самоуправление – существует виртуально, в официальных документах и политическом дискурсе. И это расхождение суще-

ствовало всегда, начиная с реформирования государственного управления после отмены крепостного права.

Нельзя отрицать, что Земская реформа Александра II явилась достаточно своевременным ответом верховной власти России того периода на вызовы времени, причем таким ответом, на который эта власть оказалась готова и способна. Степень адекватности ответа власти на объективные требования процесса социально-экономического развития и субъективные запросы социальных субъектов, к чьим мнениям приходилось прислушиваться царю, до сих пор обсуждается. И мнения по поводу результатов Земской реформы высказываются различные. Традиционно в российской историографии преобладает точка зрения на решающую роль либеральных концепций и их апологетов при выработке конкретных вариантов документов, определивших содержание и формы новых учреждений местного управления. Такая точка зрения весьма распространена в современном научном дискурсе, что подтверждает целый ряд публикаций [Бояринцева, 2021; Головашина, 2022; Жамкочян, 2023]. Однако в последнее время актуализируется исследовательский интерес к роли представителей консервативных концепций местного управления. Исследования, посвященные основополагающим идеям и практической работе в земствах консервативных деятелей, активизируют общественный интерес к этой проблематике и явно отвечают запросу времени [Гайда, 2023; Головач, 2022; Каирова, 2021; Михайлова, 2014].

А запрос достаточно ясный – российское общество стремится к динамическому равновесию центра и его частей, причем как в правовом, так и в

моральном, и духовном смысле. Запрашивается общенациональная идея, которая вырабатывается для достижения единства большинства на пути к близким и дальним целям. Почему только большинства? Полного единения достичь невозможно, хотя бы потому, что оно должно быть осознанным, а на это фактически не способны маленькие дети или люди с заболеваниями ментальной сферы. Кроме того, любая идея имеет как сторонников, так и противников. Следовательно, общенациональная идея так названа не потому, что разделяется всеми, а потому, что нацелена на обеспечение достойного будущего для всех граждан государства – даже для тех, кто эту идею пока не понимает, или осознанно не поддерживает.

В условиях нашего государства – многонационального и многоконфессионального, общенациональная идея должна быть свободна от привязки к конкретному этносу или вероисповеданию. Тем более, что в современных условиях, когда в мире практически нет (а среди крупных стран точно нет) моноэтнического государства – по многим причинам смешение народов и религий стало свершившимся фактом, который диктует изменение в понимании термина «нация». В российской научной мысли уже произошло это изменение, хотя и позже, чем в политической и публицистической лексике.

И потому национальная идея, по всей видимости, должна утратить этническую и религиозную привязку и стать только общей гражданской идеей. Однако стоит помнить, что граждане государства все же обладают разной этнической и религиозной принадлежностью, которая накладывает отпечаток на характер взаимоотношений как внутри этнических и вероисповедных

групп, так и между ними, порождает как союзы, так и конфликты.

Для достижения динамического равновесия интересов разных групп и слоев населения требуется такой инструмент, который бы доминировал над всеми остальными и стоял «над схваткой», объединяя и согласовывая различные ценности. На заре российской государственности такую роль сыграло христианство византийского образца с его огромным опытом имперского объединения. В результате уже с конца X – начала XI вв. сложилась практическая синонимичность «русского» и «православного», и равная применимость понятия «русский» для обозначения принадлежности человека к этносу и государству. Русскими стали все, кто был подданными русского царя и был крещен в православии. И эти подданные имели право высказывать мнение по поводу управленческих решений, а порой и самостоятельно их вырабатывать по традиции родственной, а потом соседской общины. Общинный сход на селе и вече в древнерусских городах был прямой реализацией участия населения в местном управлении.

До сих пор все споры о наименовании и способах определения этнического происхождения актуальны по большей части для внутреннего применения, они в той или иной степени интересны только жителям России. Для всего остального мира мы всегда – при самодержавии, при Советской власти, и до сих пор – русские. Все, невзирая на разрез глаз и разницу родного языка. Но и для самих себя мы все – русские, что особенно явно стало теперь, когда идет СВО.

Закреплению идейной по своей основе самоидентификации самосознания древнерусского этноса послужило тата-

ро-монгольское иго. На этом этапе объективные условия привели к тому, что практика участия населения в обсуждении решений власти, характерная для домонгольского периода жизни русского государства, утратила свою позицию и стала угасать. Об этом пишет, например, Е. А. Братцева, указывая на то, что в данный исторический период институты самоуправления сохранились только в Новгороде и Пскове, и то в урезанном виде [Братцева, 2021].

Снижение значения решений сельских сходов происходило на фоне возрастания роли центральной власти княжеств, которая стремилась не только лишить полномочий своих общинников, но и распространить свои возможности на владения других князей; процесс централизации и объединения русских земель шел активно, поскольку был объективно обусловлен. Положительные перспективы объединения и освобождения от иноземного гнета перевешивали ущерб от снижения местной активности и в глазах власти, и самого населения. Сознательное, хотя и без процедуры голосования, делегирование населением почти всех полномочий политическому руководству произошло в условиях мобилизации на борьбу за государственную независимость с неизбежной необходимостью, потому что во время боя командует только один.

После падения в 1453 году Константинополя как центра восточно-христианского мира Московское государство приняло на себя роль нового лидера (была сформулирована концепция «Москва – третий Рим») и в мироощущение русского народа, не встретив отторжения, вошла идея о добровольном принятии статуса проводника божественной воли, который есть честь великая и тяжесть огромная. В право-

славном богословии утвердилось понятие «Святая Русь», ставшее основой русского мессианства. Однако подобные претензии на исключительность отличали, прежде всего, узкий слой властной элиты и высших церковных кругов, в массовом сознании мессианская идея становится главной позже и в несколько измененном виде, что подтверждает уже состоявшееся разделение между народным и элитарным пониманием перспектив государственного развития, что не было характерно до монгольского нашествия.

Во времена Ивана Грозного разделение общественного сознания на массовое и элитарное приобрело характер острого противоречия, что и было использовано царем, который обратился к возможностям земства в борьбе за централизацию и укрепление собственной власти. Это отмечает, например, в своей работе А. В. Карева [Карева, 2020].

Неоднократные обращения царя непосредственно к народным массам, провоцирование их на действия в поддержку внутренней политики имели успех и достигли желаемого результата. В народной памяти (в частности, в фольклоре) зафиксировано одобрение большинства действий грозного царя, направленных на урезание прав боярства. В эту эпоху центральная власть приложила немало усилий для того, чтобы внедрить в массовое сознание идеи об исключительной задаче подданных русского царя, которую придется исполнять в мировом масштабе.

Государственная общенациональная идея России выступает под знаменем православия вплоть до Петра I, который включил Русскую Православную церковь в систему государственного управления, тем самым лишив ее морального приоритета. В результате православие,

оставаясь важной скрепой российского общества, перестает быть идеологией государства – в качестве последней выступает светская имперская идея, на формирование которой неизбежно оказала воздействие европейская культура, но и необходимость учитывать особенности взаимодействия с присоединившимися к империи народами также влияла на содержание светских норм взаимоотношений власти и общества.

В более поздние периоды на самосознании граждан России не могли не сказаться секуляристские идеи XVIII в., а также спор «славянофилов» и «западников» – «западничество», как идейное течение, так или иначе разрушало концепцию этно-религиозной идентичности. Основной же удар по православию нанес 1917 г. и последовавшие за ним десятилетия советской власти. Правда, взамен религии обществу была предложена теория, которая была способна на определенное время заменить собой ранее существовавшую идеологию. Идея справедливого бесклассового общества, сопряженная с задачей торжества власти пролетариата во всем мире, прекрасно отвечала требованиям, предъявляемым к сообществам, чья идеология основывалась исключительно на вере и отвергала критические оценки. Однако рациональные составляющие этой идеи и объективное соответствие её характера глубинным чертам российского самосознания позволили коммунистической мечте не только жить в нашей стране достаточно долго, но и содействовать реальным достижениям на пути социально-экономического развития. Русский коммунизм на определенном этапе был плодотворным, но не только потому, что был коммунизмом, а потому, что был еще и русским. А задачи регулиро-

вания взаимосвязи решений власти и гражданской инициативы были воплощены в форме советов народных (на ранних этапах – рабочих и крестьянских) депутатов, включенных в систему государственного управления.

Борьба с религиозными организациями и распространением вероучений была идейной основой советского общества, но ее накал в разные периоды менялся, то обостряясь, а то полностью затухая. Одной из ошибок политического руководства послевоенного СССР стало искусственное обострение борьбы с церковью и религиозными взглядами. В результате маятник качнулся и перешел на сторону горячего интереса широких масс населения к религиозным вопросам. Тем более, что религиозные организации, представлявшие традиционные для российского общества вероисповедания, никогда не отменяли практику выработки совместных решений и не прекращали своей социальной деятельности. А официальные советские организации и объединения периода 70-80-х годов XX века погрязли в формализме, стали «бумажными» по содержанию, пропитались духом карьеризма и демагогии. В то время как принадлежность к религиозной общине давала людям ощущение личностной значимости, так как их мнение выслушивалось и чаще, чем в официальной светской среде, учитывалось. Этого было недостаточно для полной реализации гражданской инициативы, но все равно значительно отличалось искренностью отношений к людям.

Поэтому не стоит удивляться, что при формировании первых «перестроечных» представительских органов местного уровня в них собраниями жителей выдвигались священнослужители различных религиозных организаций

(чаще Русской Православной церкви). Правда, после проблем, возникших с участием священников в работе органов местного управления и породивших внутри самой РПЦ ряд богословских споров, церковь отказалась от прямого участия в политической деятельности любого уровня. Но это не умаляет влияния, которое могут оказывать религиозные деятели на верующих, некоторые из которых еще активнее стремятся вступить в диалог с властью. И задача вероисповедных организаций конкретизируется (но тем не упрощается) – научить своих последователей подлинной веротерпимости в отношении друг друга, иначе социальное согласие и гражданское единство будут находиться под угрозой.

Единство и целостность любого общества обеспечиваются наличием общих ценностей и символов, их выражающих. Осознание этих ценностей на определенном этапе требует их вербализации и проверки через широкое обсуждение – так общество знакомится с тем, что, возможно, обретет статус национальной идеи и определит жизнь людей на долгие годы. Концепции, которые претендуют на роль основы национальной идеи, весьма разнообразны – евразийство, «русская идея» как идея ведущей исторической роли России, новое западничество как окончательное включение в англо-саксонский мир, «просвещенный либерализм», панславизм и многие другие.

Во всей этой палитре взглядов и позиций находит свое место и концепция консерватизма, в современных условиях не связанного исключительно с простым сохранением прежних, устаревших норм. Президент РФ В. В. Путин, выступая 21 октября 2021 г. на Валдайском форуме, назвал умеренный кон-

серватизм «самой разумной линией поведения», и охарактеризовал современный российский консерватизм, сторонником которого является, как оптимистичный [Заседания МДК «Валдай»].

Полагаем, что отправной точкой и одновременно историческим основанием для такой трактовки российской национальной идеи является положение о самобытности России, русских и россиян в целом, получившей наиболее яркое воплощение в славянофильстве. Так, Н. Я. Данилевский считал Россию особой цивилизацией, особым миром со своими особыми интересами и собственной логикой развития и утверждал, что Европа принципиально враждебна России, подобно тому, как Россия враждебна Западу [Данилевский, 1991]. Славянофилов постоянно критиковали и современники, и потомки за кажущееся стремление в прошлое, за постоянное обращение к народной традиции, за неприятие основы западного прогресса. Но теперь, когда страны Запада демонстрируют полный отказ от ценностей, обеспечивающих элементарное физическое продолжение человеческого рода, обращение к традициям, благодаря которым человечество не вымерло под давлением неблагоприятных явлений природы и собственного безумия, ценность взглядов славянофилов становится очевидной, хотя и не имеет статуса абсолютной истины, так как славянофильство рассматривает Россию как воплощение определённого типа мировой идеи – православия, а конкретную судьбу страны – в соотнесенности с судьбой этой идеи.

В нашем обществе все религиозные организации, в том числе и традиционные для России, находятся в правовом поле и, обладая определенными правами, имеют обязанности перед государ-

ством, когда включаются в общественные процессы в ходе внерелигиозной деятельности. Имея собственные принципы регулирования активности прихожан и опыт социально значимой деятельности, религиозные организации традиционных для России вероисповеданий предоставляют всему обществу пример осуществления диалога народа с властью, поскольку бережно хранят достояние, называемое в православии соборностью, но существующее и в иных вероисповеданиях для обозначения собрания верующих, пришедших не для культовых действий, а для решения вопросов своей мирской жизни.

Предлагаемая русским православием соборность в социальном плане означает возможность решать социально значимые проблемы сообща, учитывая баланс интересов участников. В понятие «соборность» включается не только уважение к специфике народов, социальных групп, политических партий, отдельных людей, но и призыв к духовно-нравственному единению во имя Российского государства, следовательно, в современной ситуации эта ценность религиозного характера приобретает все черты ценности социально-политической, что актуализирует ее как средство консолидации общественных субъектов с весьма разными мировоззренческими позициями.

Правда, все то, что подразумевает соборность, на практике так и не было реализовано без изъянов и отклонений от идеала (впрочем, как и другие ценности). И потому у идеи соборности есть оппозиция, которая считает, что на практике идеи соборности проявляются лишь в отдельные моменты высшего духовного подъема, а в остальное время на уровне повседневного бытия то, что многие богословы и светские авторы

принимают за проявления соборности, в действительности есть лишенный духовных оснований инфантилистский или архаичный коллективизм. В нем нет действительного уважения к индивидуальности со стороны коллектива, а индивид только пользуется ресурсами общности, маскируя отсутствие подлинного интереса и уважения к совместным делам. На основе этих искажений возникло явление «коммунальности», сущностью которого стало маргинальное, антисоциальное паразитирование индивида за счет коллектива, которое сопровождается манипулированием коллективистскими стереотипами. Коммунальность в ее современном виде является главным препятствием на пути становления гражданского общества, она постоянно подменяет гражданское самосознание корпоративно-клановым.

Особенно это видно, если рассматривать конкретные формы активности граждан, поводом которых стали местные проблемы. Частная гражданская инициатива на то и частная, чтобы реализовываться за счет собственных ресурсов. Но решение вопросов местного характера в большинстве случаев активные граждане предлагают решать за счет государственного бюджета, источники наполнения статей которого порой совсем не волнуют активистов. В этих условиях самодеятельность местных представительских органов или малоэффективна, или вынуждает администрацию приступать к «ручному управлению» деятельностью представительских органов, что противоречит как задачам представительских органов, так и функциям администрации. Все это в совокупности приводит к разочарованию в системе местного управления, порождает необоснованное стремление ситуативно «поправлять» законы и

непрерывно обновлять кадры. Заинтересованность граждан утрачивается, доверие к власти снижается, создается простор для манипуляций групповыми настроениями и возрастает риск провокаций на протестные действия. И упреки от населения в этой ситуации адресуются уже центральной власти, которая назначается ответственной за всё – за порядок и в подъездах, и в головах.

Так хочет ли общество (в лице составляющих его малых поселенческих групп) на самом деле больше полномочий в решении вопросов своего каждодневного существования, то есть своей ответственности за состояние дорог, общественного транспорта, образования, медицины, коммунального хозяйства? Или хочет больше возможностей, гарантированных центральной властью? В практике современной России есть прекрасные отдельные примеры, когда местное управление эффективно справляется с проблемами своей малой территориальной единицы. Но, к сожалению, противоположных примеров гораздо больше – и потому, что там люди не такие умелые, и потому, что средств не выделено, и потому, что деньги не получилось освоить. Да еще и коррупция, растраты, хищения. Получается, что для успеха нужно сочетание всех факторов, а для неудачи хватает и одного. Кроме того, обострению проблемы служит зачастую исключительно личностный характер конфликтов, возникающих между членами представительских органов и работниками администраций. Ситуация не нова, с завидной периодичностью она повторяется на всех этапах реформирования местного управления. Еще в 1899 г. один из будущих идеологов консерватизма С. Ф. Шарапов в своей статье «Самодержавие и самоуправление» писал:

«Наша земская жизнь с самого введения у нас земских учреждений пошла вкривь и вкось не только вследствие несовершенств Земского Положения, но также вследствие возникшего немедленно антагонизма между земством и бюрократией» [Шарапов, 2011, с. 45].

Следовательно, одной из задач формирования национального единства является налаживание эффективной работы местного управления и оптимизации форм гражданской активности соответствующего уровня. А это означает, что нужно приучать людей к тем формам общественной деятельности, которые и действительно приносят пользу местному сообществу и всему государству, и дают человеку возможность проявить свои творческие способности и лидерские качества, почувствовать себя на своем месте в большой совместной работе по наведению порядка в общем доме. Значительно помочь в этом могла бы четко и ясно сформулированная государственная идея.

Заключение

Основная идея («государственная идея», «державная идея»), которая объективно может оставлять основу современного государственного строительства России, должна быть светской, и не обязательно иметь отдельный, а тем более оформленный в виде закона текст. Эта основная идея уже получила неоднократное разъяснение в речах Президента РФ по главным вопросам текущего момента (примером тому – выступление перед началом СВО). Основные параметры задач ближайших этапов государственного строительства оглашаются Президентом в ежегодных посланиях Законодательному Собранию РФ, которые и носят характер официальной государственной программы, в том числе в области идеологии.

В последнее время раздаются голоса в пользу создания некоего отдельного текста, в котором именно верховная власть сформулировала бы основные тезисы, отражающие комплекс идей, определяющих вектор развития общества. Часть общества по-прежнему нуждается в официальной идеологии, отказ от которой закреплен в Конституции. Такое отношение к власти и закону, когда, с одной стороны, от власти требуют соблюдать закон, а с другой стороны, призывают его нарушить, свидетельствует о том, что уважение к власти очень сильно перевешивает уважение к закону. Мало того, на власть возлагаются настолько большие надежды, что выполнить все требования она сможет только в том случае, если действительно наладит связь со сверхъестественными силами (как, впрочем, мифы массового сознания и утверждают).

Однако, изложение государственной идеи в неких текстах может произойти и без участия официальных властных структур, силами других общественных институтов, общественных объедине-

ний самостоятельных и ответственных граждан. Принцип соборности уже сейчас может стать основой диалога власти и общества, а форма для обеспечения длительности и детальности этого диалога уже существует – это местное управление, основанное на участии граждан в разработке и принятии решений, связанных с проблемами местности их постоянного проживания.

Не будем утверждать, что переименование «местного самоуправления» (как этот термин звучит в законе) в «земство» кардинально изменит сущность явления. Как и простое избавление от части «само» в составе слова «самоуправление». Но исследование и обсуждение вопросов о земской системе представляется стимулирующим фактором для совершенствования системы взаимодействия власти и общества. А достижение баланса во взаимоотношениях власти и общества, который бы отвечал тактическим и стратегическим задачам нашего развития, обеспечит гармоничное развитие российского общества даже в сложных условиях.

Библиографический список

1. Азаматова Г. Б. Этические аспекты в деятельности местного самоуправления: анализ земского опыта (II половина XIX – начало XX в.) // Модернизация культуры: потенциал искусства, науки, образования : материалы VIII Международной научно-практической конференции. Самара : Самарский государственный институт культуры, 2022. С. 55–58.
2. Алешин П. Н. Региональные особенности формирования земских органов власти в пореформенной России // Современная научная мысль. 2021. № 6. С. 69–75.
3. Бояринцева И. А. Модели местного самоуправления в императорской России XIX века и современные параллели // Вестник науки и образования. 2021. № 4-1 (107). С. 28–31.
4. Братцева Е. А. Самоуправление в дореволюционной России (историко-правовой аспект) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5 (81). С. 219–224.
5. Гайда Ф. А. Опыт «системы Муравьева» во внутренней политике России конца XIX – начала XX века // Тетради по консерватизму. 2023. № 4. С. 135–140.

6. Головач Е. И. Отношение либеральных и правомонархических партий к введению земств в Витебской, Минской и Могилевской губерниях // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 36–39.
7. Головашина О. В. Местное самоуправление и традиционные институты: проблемы влияния историко-культурного наследия в пореформенной России / О. В. Головашина, С. К. Лямин // Былые годы. 2022. № 17 (4). С. 1804–1811.
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва : Книга, 1991. 577 с.
9. Жамкочян А. Х. О местном самоуправлении в России: историко-правовой аспект // Закон и право. 2023. № 9. С. 41–43.
10. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2022 года. Выступления и стенограммы. Сайт. Президент России. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 25.10.2024).
11. Каирова А. И. Идеи парламентаризма в программах центристских политических партий России в начале XX века / А. И. Каирова, А. В. Крупина // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1-4 (103). С. 80-85.
12. Карева А. В. Эволюция российского местного самоуправления // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2020. № 4. С. 96–103.
13. Михайлова Е. М. Проблематика земского самоуправления в общественно-политических воззрениях правого консерватизма // Вестник Российского университета кооперации. 2014. №1(15). С. 103–106.
14. Пантелеев И. В. Земская деятельность в дореволюционной России: разноаспектный анализ // Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения «Помните наставников ваших» (Евр. 13:7), посвященные году педагога и наставника. Материалы XIX Международного форума. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. С. 180–182.
15. Поляковская Н. М. Правительственные проекты реформирования местного самоуправления в России в 1906-1911 гг. // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6. № 2. С. 231–239.
16. Сапронова И. Ю. Земская реформа в России // Мобилизационное общество и детерминанты его развития. Материалы Всероссийской конференции. Ставрополь : Изд-во Северо-Кавказский социальный институт, 2023. С. 72–77.
17. Сулейманов Б. Б. Российская модель местного самоуправления: некоторые вопросы теории и истории // Итоги и перспективы конституционного развития России. Материалы XV Международного Конституционного Форума. Саратов : Саратовский источник, 2024. С. 134–138.
18. Хачатурян Б. Г. О чём говорит термин «местное самоуправление», используемый в российском праве / Б. Г. Хачатурян, Б. А. Шишкин // Управление и экономика народного хозяйства России : сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2023. С. 620–625.
19. Хренов Н. А. Русский Протей. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 400 с.
20. Шарапов С. Ф. Самодержавие и самоуправление // Шарапов С. Ф. Россия будущего / Сост., предисл., примеч., именной словарь А. Д. Каплина / отв. ред. О. А. Платонов. Москва : Институт русской цивилизации, 2011. С. 39–48.

Reference list

1. Azamatova G. B. *Jeticheskie aspekty v dejatel'nosti mestnogo samoupravlenija: analiz zemskogo opyta (II polovina XIX – nachalo XX v.) = Ethical aspects in the work of local self-government: analysis of zemstvo experience (second half of XIX - early XX century) // Modernizacija kul'tury: potencial iskusstva, nauki, obrazovanija. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Samara : Samarskij gosudarstvennyj institut kul'tury, 2022. S. 55–58.*
2. Aleshin P. N. *Regional'nye osobennosti formirovanija zemskih organov vlasti v poreformennoj Rossii = Regional specifics of forming zemstvo government bodies in post-reform Russia // Sovremennaja nauchnaja mysl'. 2021. № 6. S. 69–75.*
3. Bojarinceva I. A. *Modeli mestnogo samoupravlenija v imperatorskoj Rossii XIX veka i sovremennye paralleli = Local self-government models in XIX century imperial Russia and modern parallels // Vestnik nauki i obrazovanija. 2021. № 4–1 (107). S. 28–31.*
4. Bratceva E. A. *Samoupravlenie v dorevoljucionnoj Rossii (istoriko-pravovoj aspekt) = Self-government in pre-revolutionary Russia (historical and legal aspect) / Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGJuA). 2021. № 5 (81). S. 219–224.*
5. Gajda F. A. *Opyt «sistemy Murav'eva» vo vnutrennej politike Rossii konca XIX – nachala XX veka = The “Muravyov system” experience in Russian home policy at the end of XIX - early XX century // Tetradi po konservatizmu. 2023. № 4. S. 135–140.*
6. Golovach E. I. *Otnoshenie liberal'nyh i pravomonarhicheskikh partij k vvedeniju zemstv v Vitebskoj, Minskoj i Mogilevskoj gubernijah = Attitude of liberal and right-monarchist parties to the introduction of zemstvos in Vitebsk, Minsk and Mogilev provinces // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Serija A. Gumanitarnye nauki. 2022. № 1. S. 36–39.*
7. Golovashina O. V. *Mestnoe samoupravlenie i tradicionnye instituty: problemy vlijanija istoriko-kul'turnogo nasledija v poreformennoj Rossii = Local self-government and traditional institutions: historical and cultural heritage impact in post-reform Russia / O. V. Golovashina, S. K. Ljamin // Bylye gody. 2022. № 17 (4). S. 1804–1811.*
8. Danilevskij N. Ja. *Rossija i Evropa = Russia and Europe. Moskva : Kniga, 1991. 577 s.*
9. Zhamkochjan A. H. *O mestnom samoupravlenii v Rossii: istoriko-pravovoj aspekt = On local self-government in Russia: historical and legal aspect // Zakon i pravo. 2023. № 9. S. 41–43.*
10. *Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» 21 oktjabrja 2022 goda. Vystuplenija i stenogrammy. Sajt. Prezident Rossii. Moskva = Valdai International Discussion Club meeting on October 21, 2022. Speeches and transcripts. Website. President of Russia. Moscow. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695> (data obrashhenija: 25.10.2024).*
11. Kairova A. I. *Idei parlamentarizma v programmah centristskih politicheskikh partij Rossii v nachale HH veka = Parliamentarism ideas in centrist political parties' programs in Russia at the beginning of XX century / A. I. Kairova, A. V. Krupina // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2021. № 1–4 (103). S. 80–85.*
12. Kareva A. V. *Jevoljucija rossijskogo mestnogo samoupravlenija = Evolution of local self-government in Russia // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Serija: Chelovek i obshhestvo. 2020. № 4. S. 96–103.*

13. Mihajlova E. M. Problematika zemskogo samoupravlenija v obshhestvenno-politicheskikh vozzrenijah pravogo konservatizma = Problems of zemstvo self-government in the socio-political views of right-wing conservatism // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. 2014. №1(15). S. 103–106.

14. Panteleev I. V. Zemskaja dejatel'nost' v dorevoljucionnoj Rossii: raznoaspektnyj analiz = Zemstvo activities in pre-revolutionary Russia: multidimensional analysis // Zadonskie Svjato-Tihonovskie obrazovatel'nye chtenija «Pominajte nastavnikov vashih» (Evr. 13:7), posvjashhennye godu pedagoga i nastavnika. Materialy HIX Mezhdunarodnogo foruma. Lipeck : Lipeckij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet imeni P. P. Semenova-Tjan-Shanskogo, 2023. S. 180–182.

15. Poljakovskaja N. M. Pravitel'stvennye proekty reformirovanija mestnogo samoupravlenija v Rossii v 1906–1911 gg. = Government projects of reforming local self-government in Russia in 1906–1911 // Sibirskij antropologičeskij zhurnal. 2022. T. 6. № 2. S. 231–239.

16. Sapronova I. Ju. Zemskaja reforma v Rossii = Zemstvo reform in Russia // Mobilizacionnoe obshhestvo i determinanty ego razvitija. Materialy Vserossijskoj konferencii. Stavropol' : Izd-vo Severo-Kavkazskij social'nyj institut, 2023. S. 72–77.

17. Sulejmanov B. B. Rossijskaja model' mestnogo samoupravlenija: nekotorye voprosy teorii i istorii = Russian local self-government model: some issues of theory and history // Itogi i perspektivy konstitucionnogo razvitija Rossii. Materialy HV Mezhdunarodnogo Konstitucionnogo Forumu. Saratov : Saratovskij istochnik, 2024. S. 134–138.

18. Hachaturjan B. G. O chjom govorit termin «mestnoe samoupravlenie», ispol'zue-myj v rossijskom prave = What does the term “local self-government” mean in Russian law? / B. G. Hachaturjan, B. A. Shishkin // Upravlenie i jekonomika narodnogo hozjajstva Rossii : sbornik statej VII Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. Penza : Penzenskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2023. S. 620–625.

19. Hrenov N. A. Russkij Protej = Russian Proteus. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2007. 400 s.

20. Sharapov S. F. Samoderzhavie i samoupravlenie = Autocracy and self-government // Sharapov S. F. Rossija budushhego / Sost., predisl., primech., imennoj slovar' A. D. Kaplina / Otv. red. O. A. Platonov. Moskva : Institut russkoj civilizacii, 2011. S. 39–48.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 24.09.2024; approved after reviewing 15.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 32.327;37.014; 316.4
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-24
EDN FIDYQE

**Образование как элемент «мягкой силы» во внешней политике России
в условиях динамики политических изменений**

Филипп Юрьевич Кушнарев

Кандидат политических наук, доцент кафедры социальной политики,
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
kushnarevcustoms@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5914-0222>

Аннотация. В статье анализируются особенности политики «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в условиях Украинского кризиса. В статье изучаются трудности, с которыми столкнулись граждане из КНР после начала «культуры отмены» всего, что связано с Россией. Рассматривается, как в новых геополитических условиях ощущают себя простые граждане Китая и какую стратегию они выбирают для себя и своих детей. Выявлено, что несмотря на то, что после начала Украинского кризиса во многих европейских государствах началась политика «культуры отмены» всего российского, количество студентов и магистрантов из Китая, обучающихся в российских вузах, принципиально не сократилось, а число желающих обучаться в РФ среди граждан КНР даже возросло. Это связано со множеством факторов, главным из которых является эффективная политика ректоров российских университетов, активно использующих инструменты привлечения иностранных абитуриентов. Установлено, что значительная часть студентов и магистрантов, обучающихся в российских вузах из Китая, не поддерживают так называемую «культуру отмены» всего русского. Большинство граждан КНР, получающих образование в РФ, считают политику «культуры отмены» глупостью. Кроме того, большая часть студентов и магистрантов разделяют позицию России в отношении урегулирования конфликта на Украине. Выявлено, что значительная часть респондентов, вне зависимости от гендерных особенностей, не испытывают дискомфорта от постоянного санкционного давления на Российскую Федерацию. По результатам исследования предлагаются мероприятия по совершенствованию политики «мягкой силы» РФ.

Ключевые слова: «мягкая сила»; имидж государства; вузы; скрытые ресурсы; социальная мобильность; репутация вуза; Российская Федерация; Китай

Для цитирования: Кушнарев Ф. Ю. Образование как элемент «мягкой силы» во внешней политике России в условиях динамики политических изменений // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 24-36. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-24>. <https://elibrary.ru/FIDYQE>.

Original article

Education as an element of “soft power” in Russia's foreign policy in the context of dynamic political changes

Philip Yu. Kushnarev

Candidate of political sciences, associate professor, department of social policy, P. G. Demidov Yaroslavl state university
kushnarevcustoms@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5914-0222>

Abstract. The article analyzes the specifics of the “soft power” policy in the RF foreign policy under the circumstances of the Ukrainian crisis. The article studies the difficulties faced by citizens from the PRC once the “culture of abolition” of everything related to Russia began. The author examines the feelings of ordinary Chinese citizens in the new geopolitical environment and the strategies they choose for themselves and their children. Despite the fact that after the beginning of the Ukrainian crisis many European countries started the “culture of abolition” for everything Russian, the number of students and postgraduates from China studying in Russian universities has not decreased significantly, and the number of those wishing to study in the RF among Chinese citizens has even increased. This is due to many factors, the key one being the effective policy of Russian university rectors who are working actively to attract foreign applicants. The author has found that a significant number of Chinese students and Master students studying in Russian universities do not support the so-called “culture of abolition” for everything Russian. Most PRC citizens studying in the RF consider the “culture of abolition” policy to be stupid. In addition, the majority of undergraduate and Master students share Russia's position on resolving the conflict in Ukraine. The study shows that a large number of the respondents, regardless of gender characteristics, do not feel uneasy about the constant sanction pressure on the Russian Federation. The results of the study lead to suggested measures for enhancing the Russian “soft power” policy.

Key words: “soft power”; state image; universities; hidden resources; social mobility; university reputation; Russian Federation; China

For citation: Kushnarev F. Yu. Education as an element of “soft power” in Russia's foreign policy in the context of dynamic political changes. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 24-36. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-24>. <https://elibrary.ru/FIDYQE>.

Актуальность исследования

В последние годы мир стремительно становится многополярным. Появляются новые политические и экономические центры, в частности существенно возросла роль в мировой политике и экономике таких стран, как Россия, Китай, Индия, Иран. Правительства многих стран, не дожидаясь разрешения

конфликта на Украине, подают заявки на присоединение к БРИКС. В результате данное межгосударственное объединение динамично расширяется, растет взаимный товарооборот между странами, в расчетах между государствами происходит переход от долларов к национальным валютам. Но это позиция политиков, которые осознают пе-

ремены, понимают происходящие в мире политические процессы и стремятся присоединиться к тем странам и союзам, у которых более оптимистичные позиции в долгосрочной перспективе. Возникают вопросы: как в новых геополитических условиях ощущают себя простые граждане? Какую стратегию они выбирают для себя и своих детей? Наблюдается ли отток иностранных студентов из России? Сокращается ли количество иностранных граждан, желающих поступать в российские вузы? Прошло уже несколько лет после начала Украинского кризиса, и можно делать некоторые выводы и прогнозы относительно привлекательности российского образования в новых условиях.

Учитывая все вышеизложенное, нами была предпринята попытка проанализировать, как события на Украине повлияли на желание иностранных граждан из Китая продолжить учебу в российских вузах.

Постановка проблемы

Политологи активно анализируют происходящие в мире процессы. В частности, в последнее время выходят научные статьи, в которых предпринята попытка проанализировать, как появление новых центров в мире повлияло на образовательную мобильность [Антонина, 2020; Гаврилов, 2017; Sun, 2017].

Политологи пришли к выводу, что в мире существенно возросла конкуренция между ведущими вузами мира. Правительства стран и ректорское сообщество активно изыскивают новые инструменты, способные привлечь и удержать иностранных студентов [Dursun, 2021; Calitz, 2020; Коваленко, 2021].

Ученые отмечают, что большинство иностранных абитуриентов по-прежнему стремятся учиться в США,

Великобритании, Франции и Германии, ориентируясь на международные рейтинги, которые, как правило, составляются в тех странах, где находятся так называемые «лучшие вузы мира». Большинство молодых людей ориентируются на рейтинг по версии QS, который составляется британской компанией, и неудивительно, что по ее версии множество лучших вузов в мире находится именно в Великобритании [Таланов, 2022; Asquer, 2020; Wen, 2018].

Многие страны, в которых есть вузы, осуществляющие серьезную подготовку, не имеют собственного рейтинга вузов, который считался бы международным рейтингом. По этой причине о них не известно иностранным абитуриентам. Иностранные абитуриенты изучают и национальные рейтинги вузов, а не только мировые рейтинги, хотя в первую очередь и ориентируются на международные рейтинги [Waheed, 2020; Del-Castillo-Feito, 2019; Chandra, 2019].

После начала Украинского кризиса ученые обратили серьезное внимание на реальные доходы иностранных студентов, обучающихся в российских вузах. Как правило, эти студенты вовлечены во вторичную занятость (подрабатывают). У той части иностранных студентов, которые платят за обучение самостоятельно, родители не всегда могут поддержать их финансово. Несмотря на то, что в России выросла учетная ставка (кредиты стали дороже), а также увеличилась инфляция, исследователи пришли к выводу, что только незначительное число иностранных студентов отказались продолжить обучение в РФ [Чжан, 2024].

Из-за кризиса на Украине многие социологи и политологи активно стали изучать как политика «мягкой силы» повлияла на количество поступающих в

российские вузы. Исследования демонстрируют, что после начала СВО из-за некоторой неопределенности, в первую очередь в финансовых кругах (кредиты, инфляция, рост курса валют и т. д.), а не из-за имиджа РФ, незначительно снизился поток иностранных абитуриентов, желающих учиться в России. Кроме того, политологи отмечают, что произошли изменения в мобильности студентов (абитуриентов). Если раньше, до кризиса на Украине, приезжало много абитуриентов из стран Балтии и ряда других стран, относящихся, к так называемым странам Запада, то теперь, в основном, приезжают из Юго-Восточной Азии и ближнего зарубежья (Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и т. д.) [Бинцин, 2022; Aledo-Ruizetal, 2022; Артеев, 2021].

Многие исследователи обращаются к истории в своих исследованиях. Политика «культуры отмены» проявилась в огромных масштабах во время господства нацистской идеологии в Германии (1933-1945 гг.) [Кушнарев, 2022].

Ряд исследователей пришел к выводу, что изменение в предпочтении у абитуриентов происходит, и они связаны с тем, что новым экономическим центром стал Китай. Соответственно, для многих абитуриентов стали популярными культура, экономика, образование Китая [Cunningham, 2019; Manzoor, 2021; El-Kassem, 2020; Sun, 2017].

Проведенный нами вторичный анализ показал, что еще задолго до Украинского кризиса наблюдался рост интереса к Российскому высшему образованию. В 2017 году Россия смогла выплатить основные долги перед МВФ, которые образовались после распада СССР. В этот же период в мировые рейтинги постоянно стали входить не только Московский (МГУ) и Санкт-Петербургский (СПбГУ) классические

университеты, но и многие вузы РФ, расположенные в Сибири. Правительство РФ все больше увеличивало финансирование российских вузов. Они становились все более привлекательными для иностранных абитуриентов [Шатилов, 2020; Гомелаури, 2020; Сутырин, 2020; Бабуркин, 2017; Игнатенкова, 2021].

Выводы, полученные отечественными и зарубежными авторами, учитывались нами при разработке программы исследования.

Эмпирическая база исследования

В мае 2024 г. осуществлен онлайн-опрос студентов и магистров вузов, где больше всего обучается студентов из КНР:

- Российский университет дружбы народов;
- Московский педагогический государственный университет;
- Московский государственный лингвистический университет;
- Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Выборка квотная. Выборочная совокупность, n=600.

Переменные квотирования: возраст, пол, форма обучения (бюджетное/внебюджетное обучение).

Проведена серия глубинных интервью с иностранными студентами, магистрами, n=50.

Авторские гипотезы

Несмотря на то, что после начала Украинского кризиса во многих европейских государствах началась политика «культуры отмены» всего, что связано с Россией, количество студентов и магистрантов, обучающихся в российских вузах из Китая, принципиально не сократилось, а количество желающих обучаться в РФ среди граждан КНР возросло. Это связано со множеством факторов, главным из которых является правильная политика ректоров российских вузов, актив-

Мир русскоговорящих стран

но использующих инструменты привлечения иностранных абитуриентов.

Результаты исследования

Сначала мы изучали, с какими трудностями столкнулись наши респонденты

(граждане из КНР) после начала «культуры отмены» всего русского, которую, в свою очередь, спровоцировал Украинский кризис (таблица 1).

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос: «С какими сложностями Вы столкнулись после начала напряженной фазы Украинского кризиса?»*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=600					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
	Год поступления					
	2023	2022	2021	2020	2023	2022
Стрессы, депрессия из-за неопределенности, санкции, рост цен, инфляция, рост курс валют	54	77	65	49	39	26
Пришлось брать в банке кредит	53	76	64	47	37	25
Многие банки попали под санкции, появились сложности с переводом денег	52	75	63	46	35	24
Страх, что отменят в РФ магистратуру и бакалавриат	46	78	64	51	44	25
Вынужден(а) был искать подработку, так как упали доходы личные и доходы семьи	45	77	62	47	37	19
Пришлось съехать из общежития и искать съемную квартиру или вернуться на некоторое время на Родину	44	75	59	45	34	15
Конфликты с родителями с близкими и друзьями из-за разных оценок происходящего на Украине	—	5	—	—	—	—
Другое	7	8	6	6	7	5

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Мы видим, что сложности, в первую очередь, возникли у тех, кто заканчивал обучение на втором курсе в 2022 году и тех, кто в этом году был зачислен. Те, кто уже заканчивал третий и четвертый курсы испытывали стресс в меньшей степени, чем те, кто был на младших курсах. Кроме того, мы видим, что в основном у иностран-

ных граждан из Китая все проблемы были связаны с некоторыми финансовыми трудностями, а не с взаимодействием с людьми.

Далее мы анализировали, столкнулись ли респонденты с «культурой отмены» всего русского после начала напряженной фазы Украинского кризиса (таблица 2).

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос: «Столкнулись ли Вы с «культурой отмены» всего русского после начала напряженной фазы Украинского кризиса?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=600					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
	Год поступления					
	2023	2022	2021	2020	2023	2022
Да	50	65	63	60	58	54
Нет	45	29	32	35	37	41
Воздержался от ответа	5	6	5	5	5	5

Мы видим, что большинство студентов и магистрантов из КНР столкнулись с политикой «культуры отмены» против всего русского.

Респонденты могли пояснить свои ответы, для этого были предусмотрены открытые вопросы в анкете. Так, значительная часть (90 %) опрошенных пояснила, что обратили внимание на то, что после начала СВО во многих иностранных СМИ появились критиче-

ские статьи о Российской Федерации. Также в некоторых странах, которые респонденты посещали в рамках туризма, были отменены концерты, выставки, приостановлены показы российских фильмов.

Далее мы изучали, есть ли среди иностранных граждан, обучающихся в российских вузах, те, кто после начала СВО резко поменял мнение о РФ, ее населении, культуре и т. д. (таблица 3).

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос: «Присоединились ли Вы к политике «культуры отмены» всего русского после начала напряженной фазы Украинского кризиса?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=600					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
	Год поступления					
	2023	2022	2021	2020	2023	2022
Нет	95	90	94	95	95	95
Да	—	5	—	—	—	—
Воздержался от ответа	5	5	6	5	5	5

Мы видим, что значительная часть студентов, магистрантов, обучающихся в российских вузах, не поддержали «культуру отмены» против всего русского.

Далее мы изучали причины того, почему иностранные студенты и маги-

стры не присоединились к «культуре отмены» (таблица 4). Выборка иная. Так как в таблице 4 представлены ответы только тех, кто не присоединился к политике «культуры отмены».

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы не присоединились к политике «культуры отмены» всего русского после начала напряженной фазы Украинского кризиса?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=595					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
	Год поступления					
	2023	2022	2021	2020	2023	2022
Это глупо и неправильно	89	95	90	92	91	90
Такие действия мировой культуре только вредят	88	93	88	91	90	89
Это несправедливо	87	90	86	89	88	90
Люблю русскую культуру	84	90	86	87	89	91
Моя страна (Китай) поддерживает РФ, значит, и я должен быть лояльным к РФ	78	82	84	86	87	88
Считаю, что РФ делает все правильно, поддерживаю цели СВО	73	74	81	87	89	88
Другое	6	7	5	6	5	5
Воздержались от ответа	5	5	5	5	6	5

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Мы видим, что большинство опрошенных считают политику «культуры отмены» глупостью и разделяют политику РФ в сфере разрешения конфликта на Украине.

Далее мы изучали, испытывают ли респонденты дискомфорт от того, что учатся в стране, против которой введено большое количество санкций (таблица 5).

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: «Испытываете ли Вы дискомфорт от того, что учитесь в стране, против которой огромное количество санкций?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=600					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
	Год поступления					
	2023	2022	2021	2020	2023	2022
Нет	95	95	90	94	95	95
Да	—	5	5	—	—	—
Воздержался от ответа	5	—	5	6	5	5

Мы видим, что значительная часть респондентов не зависимо от гендерных особенностей, не испытывают

дискомфорт от постоянного санкционного давления на РФ.

Проведена серия глубинных интервью с иностранными студентами, ма-

гистрами, n=50. Далее приводим типичные высказывания респондентов.

Иузе, 22 года.

«Когда началось СВО, я учился на втором курсе, скажу, что было очень неприятно слышать в иностранных СМИ, и читать в интернете информацию, в которой все русское осуждалось. Мы изучали политологию, и нас учили тому, что важно критически относиться к любой информации в СМИ. Я живу в общежитии, и помню, что многие студенты из Западной Европы летом 2022 года искали возможность вернуться в свою страну, чтобы там продолжить свое образование. При этом я помню, что из моих соотечественников никто не планировал забрать документы из вуза».

Маньчжоу, 22 года.

«Я люблю историю России, я знаю, что у такой могучей страны как РФ всегда было много врагов, поэтому я не удивился, что страны коллективного Запада начали массированную атаку на РФ после начала СВО. США и для КНР не являются другом. Очевидно, что США во главе Западного мира старается удержать свою гегемонию. Но мир стремительно становится многополярным, это объективный процесс. Относительно политики «культуры отмены» всем очевидно, что русские внесли и вносят огромный вклад в развитие мировой культуры».

Гуантин, 23 года.

«Мои родители учились в РФ, и с детства привили мне уважение ко всему русскому: музыке, чтению. Поэтому не удивительно, что я учусь в том же вузе, в котором когда-то учились мои родители. После 24 февраля 2022 года мое отношение к России изменилось, я ее и так уважала, а после начало СВО стала ей восхищаться.

РФ сильная страна, с которой моя страна дружит, поддерживает партнерские отношения. Я понимаю, что если РФ проиграет, то США всю свою агрессию направят на КНР. Мои друзья тоже восхищаются российскими солдатами, защищающими суверенитет РФ. Я вижу, я ощущаю, что желающих из Китая приезжать на учебу в РФ все больше и больше. Я из Великой страны, но нам есть еще чему поучиться у РФ».

Йицзюнь, 23 года.

«Мне нравится учиться в России, здесь уникальные преподаватели, красивые необычные города. Я часто езжу из Москвы в Санкт-Петербург. Мне нравится Санкт-Петербург. Я много путешествовала по Европе и видела что-то похожее. После начала СВО количество туристов в Санкт-Петербурге сократилось. Но сейчас я вижу, что и в Москве и Санкт-Петербурге много туристов. Мне было не понятно, как можно осуждать культуру, отказываться от русских выставок, книг, музыки и т. п. Мое отношение к России и ее людям изменилось только в лучшую сторону. Я осознанно выбрала для обучения РУДН, и продолжу получать там образование. Я вижу, как РФ борется за свой технологический суверенитет, и как много стран стремятся вступить в БРИКС. Практически два года никто Россию не называет заправкой, бензоколонкой. Дискомфорт испытывала только от неопределенности после начала СВО. Было не понятно, насколько затянется ситуация, сколько еще будут действовать санкции против РФ, а также каким будет рост цен и уровень инфляции. Но, как видно, российская экономика устояла. Цены, конечно, выросли, но не критич-

но, и в магазинах по-прежнему есть все необходимое».

Чжихао, 23 года.

«Моя бабушка училась в РУДН, по этому, когда пришло время выбирать, где учиться, было принято решение поступать в тот же вуз, где училась она. Бабушка рассказывала мне, что переживала, что после распада СССР Россия больше не будет великой державой. Многие мои знакомые, которые старше меня на 5-7 лет, также выбрали для обучения российские университеты. Поэтому еще до приезда в Россию я уже имела представление о кампусах, ценах и преподавателях РУДН. К сожалению, многие факультеты РУДН не дублируют информацию о себе на китайском, хотя я точно знаю, что многие из КНР очень желают поступить именно в РУДН».

Из типичных ответов видно, что студенты и магистранты из Китая, после начала кризиса на Украине, не стали пересматривать свои образовательные стратегии. Кроме того, мы видим, что их отношение к РФ, которое было и без того хорошее, еще улучшилось.

Заключение

Проведенное нами исследование демонстрирует, что, несмотря на Укра-

инский кризис, растет студенческая и преподавательская мобильность между РФ и Китаем. Больше 40 тысяч граждан из Китая учатся в настоящее время в России, причем не только на бакалавриате, но и в аспирантуре. Это говорит об увеличивающемся престиже российской науки в Китае.

Для популяризации российского высшего образования среди абитуриентов из КНР необходимо:

- систематически в КНР проводить тематические выставки, приглашать с выступлениями в школы КНР известных ученых из РФ;
- вузам РФ активно продвигать свои учебные заведения, через своих бывших выпускников;
- для выпускников российских вузов из КНР делать скидки на получение образование по программе магистратуры в вузах РФ;
- российским преподавателям записывать тематические лекции на китайском языке и выставлять их в открытом доступе на сайте российских вузов;
- открывать большее число домов Дружбы в провинциях КНР.

Библиографический список

1. Антонова Н. Л. «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства / Н. Л. Антонова, А. Д. Сущенко, Н. Г. Попова // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 1. С. 31–58.
2. Артеев С. П. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 1. С. 32–57.
3. Бабуркин С. А. Межнациональные отношения в вузах центральной России (на материалах Ярославской области) // AlmaMater (Вестник высшей школы). 2017. № 1. С. 27–32.
4. Березин Д. Т. Влияние COVID-19 на систему высшего образования / Д. Т. Березин, Е. С. Румянцева [и др.] // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2020. № 10. С. 12–22.

5. Бинцин Ч. «Мягкая сила» в концепции внешней политики Китая // Информационные войны. 2022. № 1 (61). С. 23–25.
6. Гаврилов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Alma mater (Вестник высшей школы). 2017. № 6. С. 24–30.
7. Гомелаури А. С. К вопросу восприятия феномена «мягкой силы» в контексте Российской внешней политики // Вопросы политологии. 2020. Т. 10, № 11 (63). С. 3316–3323.
8. Игнатенкова И. А. Реализация стратегических национальных интересов России посредством политики «мягкой силы» на примере развития экспорта образования // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 6-3 (76). С. 234–237.
9. Коваленко Г. В. Методы реализации концепции «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Душанбе. 2021. № 4 (20). С. 16–24.
10. Кушнарев Ф. Ю. Бренд страны, региона и города, как фактор «мягкой силы» России // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 44–68.
11. Сутырин В. В. За пределами «мягкой силы»: гуманитарное влияние и сотрудничество во внешней политике // Международная жизнь. 2020. № 9. С. 44–57.
12. Таланов С. Л. Место образования в политике «мягкой силы» России: стратегические направления и инструменты // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 22–47. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-22-47>. <https://elibrary.ru/zbzdhy>.
13. Чжан Ц. Основные проблемы и направления современного образовательного туризма // НОМО ITER: путешествие как феномен культуры : коллективная монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. С. 283–292. (Россия и Китай: научное сотрудничество “中俄学术合作”丛书).
14. Шатилов А. Б. Академическая мобильность иностранных студентов гуманитарных и обществоведческих направлений в рамках «мягкой силы» Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 6 (42). С. 10–13.
15. Aledo-Ruiz, M. D., Martínez-Caro, E., & Santos-Jaén, J. M. The influence of corporate social responsibility on students' emotional appeal in the HEIs: The mediating effect of reputation and corporate image. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2022. № 29(3). pp. 578–592. <https://doi.org/10.1002/csr.2221592ALEDO-RUIZET AL>.
16. Asquer, A., and Alzahrani A. Public Services Reforms in Neo-Patrimonial Systems: The Commercialization of Healthcare and Education in Saudi Arabia // *Public Management Review*. 2020. 22 (2). Pages 255–277. doi:<https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1584232>.
17. Bao W. COVID -19 and online teaching in higher education: a case study of Peking University // *Human Behav. Emerg. Technol.*, 2020. № 2 (2). pp. 113–115.
18. Calitz A.P., Cullen M.D.M., Jooste C. The influence of safety and security on students' choice of university in South Africa // *J. Stud. Int. Educ.*, 2020. № 24 (2). pp. 269–285.
19. Chandra T.L. Hafni, S. Chandra, A.A. Purwati, and J. Chandra. The influence of service quality, university image on student satisfaction and student loyalty. *Benchmarking: An International Journal*. 2019. № 26 (5). pp. 1533–1549.

20. Cunningham J.A., Lehmann E.E., Menter M., Seitz N. The impact of university focused technology transfer policies on regional innovation and entrepreneurship // *J. Technol. Tran.*, 2019. № 44 (5), pp. 1451–1475.
21. Del-Castillo-Feito, C., A. Blanco-González, and E. González-Vázquez. The relationship between image and reputation in the Spanish public university. *European Research on Management and Business Economics*. 2019. № 25 (2). pp. 87–92.
22. Dursun, O., & Altın Gumussoy, C. The effects of quality of services and emotional appeal on university reputation: stakeholders' view. *Quality Assurance in Education*, 2021. № 29, pp. 166–182.
23. El-Kassem R.C. A structural equation model of perceived university image in Qatar: student perspective // *Int. J. Manag.*, 2020. № 11 (8). pp. 721-730.
24. Iloh C. An alternative to college «choice» models and frameworks: the Iloh model of college-going decisions and Trajectories // *Coll. Univ.*, 2019 № 94 (4). pp. 2–9.
25. Manzoor S.R., Ho J.S.Y., Al Mahmud A. Revisiting the 'university image model' for higher education institutions' sustainability // *J. Market. High Educ.*, 2021. № 31 (2). pp. 220–239.
26. Sun, J.J.-M, Hu, P., Ng, S.H. Impact of English on Education Reforms in China: With Reference to the Learn-English Movement, the Internationalisation of Universities and the English Language Requirement in College Entrance Examinations. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2017. Vol. 38 (3), pp. 192–205.
27. Sun, Y. Cultural Innovation: Localization and Internationalization of Higher Education in China. *Pedagogical Review*. 2017. No. 4 (18), pp. 19–26.
28. Waheed A., Zhang, Q., Rashid, Y., & Zaman Khan, S. The impact of corporate social responsibility on buying tendencies from the perspective of stakeholder theory and practices. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2020. № 27(3). pp. 1307–1315.
29. Wen W., Hu, D., Hao, J. International Students' Experiences in China: Does the Planned Reverse Mobility Work? *International Journal of Educational Development*. 2018. Vol. 61, pp. 2014–212.

Reference list

1. Antonova N. L. «Mjagkaja sila» vysshego obrazovanija kak faktor mirovogo liderstva = “Soft power” of higher education as a factor of world leadership / N. L. Antonova, A. D. Sushhenko, N. G. Popova // *Obrazovanie i nauka*. 2020. T. 22, № 1. S. 31–58.
2. Arteev S. P. Vneshnjaja politika Rossii: «mjagkaja sila» regionov = Russian foreign policy: regional “soft power” // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika*. 2021. T. 13, № 1. S. 32–57.
3. Baburkin S. A. Mezhnacional'nye otnoshenija v vuzah central'noj Rossii (na materialah Jaroslavskoj oblasti) = Inter-ethnic relations in universities of central Russia (based on the materials of the Yaroslavl region) // *AlmaMater (Vestnik vysshej shkoly)*. 2017. № 1. S. 27–32.
4. Berezin D. T. Vlijanie COVID-19 na sistemu vysshego obrazovanija = COVID-19 impact on the system of higher education / D. T. Berezin, E. S. Rumjanceva [i dr.] // *Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly*. 2020. № 10. S. 12–22.
5. Bincin Ch. «Mjagkaja sila» v koncepcii vneshnej politiki Kitaja = “Soft power” in China's concept of foreign policy // *Informacionnye vojny*. 2022. № 1 (61). S. 23–25.

6. Gavrilov A. V. *Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России = Education as an instrument of “soft power” in Russia's foreign policy* // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). 2017. № 6. S. 24–30.
7. Gomelauri A. S. *K voprosu vosprijatija fenomena «mjagkoj sily» v kontekste Rossijskoj vneshnej politiki = Toward understanding the “soft power” phenomenon in the context of Russian foreign policy* // Voprosy politologii. 2020. T. 10, № 11 (63). S. 3316–3323.
8. Ignatenkova I. A. *Realizacija strategicheskikh nacional'nyh interesov Rossii posredstvom politiki «mjagkoj sily» na primere razvitija jeksporta obrazovanija = Realizing Russia's strategic national interests through the “soft power” policy by means of education export* // Evrazijskoe Nauchnoe Ob#edinenie. 2021. № 6–3 (76). S. 234–237.
9. Kovalenko G. V. *Metody realizacii koncepcii «mjagkoj sily» vo vneshnej politike gosudarstva = Methods for realizing the concept of “soft power” in the state's foreign policy* // Vestnik Filiala Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova v gorode Dushanbe. 2021. № 4 (20). S. 16–24.
10. Kushnarev F. Ju. *Brend strany, regiona i goroda, kak faktor «mjagkoj sily» Rossii = The brand of the country, region and city as a factor of Russia's “soft power”* / Mir russkogovorjashhih stran. 2022. № 3 (13). S. 44–68.
11. Sutyryn V. V. *Za predelami «mjagkoj sily»: gumanitarnoe vlijanie i sotrudnichestvo vo vneshnej politike = Beyond “soft power”: humanitarian influence and cooperation in foreign policy* // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2020. № 9. S. 44–57.
12. Talanov S. L. *Mesto obrazovanija v politike «mjagkoj sily» Rossii: strategicheskie napravlenija i instrumenty = The place of education in Russia's “soft power” policy: strategic directions and tools* // Mir russkogovorjashhih stran. 2022. № 2 (12). S. 22–47. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-22-47>. <https://elibrary.ru/zbzdhy>.
13. Chzhan C. *Osnovnye problemy i napravlenija sovremennogo obrazovatel'nogo turizma = The main problems and directions of modern educational tourism* // HOMO ITER: puteshestvie kak fenomen kul'tury : kollektivnaja monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2024. S. 283 – 292. (Rossija i Kitaj: nauchnoe sotrudnichestvo “中俄学术合作”丛书).
14. Shatilov A. B. *Akademicheskaja mobil'nost' inostrannyh studentov gumanitarnyh i obshhestvovedcheskih napravlenij v ramkah «mjagkoj sily» Rossijskoj Federacii = Academic mobility of foreign students in humanities and social sciences as part of the “soft power” of the Russian Federation* // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2019. T. 9, № 6 (42). S. 10–13.
15. Aledo-Ruiz M. D., Martínez-Caro E., & Santos-Jaén J. M. *The influence of corporate social responsibility on students' emotional appeal in the HEIs: Themediating effect of reputation and corporate image. Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2022. № 29(3). pp. 578–592. <https://doi.org/10.1002/csr.2221592ALEDO-RUIZET AL>.
16. Asquer A., and Alzahrani A. *Public Services Reforms in Neo-Patrimonial Systems: The Commercialization of Healthcare and Education in Saudi Arabia* // Public Management Review. 2020. 22 (2). Pages 255–277. doi:<https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1584232>.
17. Bao W. *COVID -19 and online teaching in higher education: a case study of Peking University* // Human Behav. Emerg. Technol., 2020. № 2 (2). pp. 113–115.

18. Calitz A.P., Cullen M.D.M., Jooste C. The influence of safety and security on students' choice of university in South Africa // *J. Stud. Int. Educ.*, 2020. № 24 (2). pp. 269–285.
19. Chandra T.L. Hafni, S. Chandra, A.A. Purwati, and J. Chandra. The influence of service quality, university image on student satisfaction and student loyalty. Benchmarking: An International Journal. 2019. № 26 (5). pp. 1533–1549.
20. Cunningham J.A., Lehmann E.E., Menter M., Seitz N. The impact of university focused technology transfer policies on regional innovation and entrepreneurship // *J. Technol. Tran.*, 2019. № 44 (5), pp. 1451–1475.
21. Del-Castillo-Feito C., A. Blanco-González and E. González-Vázquez. The relationship between image and reputation in the Spanish public university. *European Research on Management and Business Economics*. 2019. № 25 (2). pp. 87–92.
22. Dursun O., & AltinGumussoy C. The effects of quality of services and emotional appeal on university reputation: stakeholders' view. *Quality Assurance in Education*, 2021. № 29, pp. 166–182.
23. El-Kassem R.C. A structural equation model of perceived university image in Qatar: student perspective // *Int. J. Manag.*, 2020. № 11 (8). pp. 721–730.
24. Iloh C. An alternative to college «choice» models and frameworks: the Iloh model of college-going decisions and Trajectories // *Coll. Univ.*, 2019 № 94 (4). pp. 2–9.
25. Manzoor S.R., Ho J.S.Y., Al Mahmud A. Revisiting the 'university image model' for higher education institutions' sustainability // *J. Market. High Educ.*, 2021. № 31 (2). pp. 220–239.
26. Sun J.J.-M, Hu P., Ng S.H. Impact of English on Education Reforms in China: With Reference to the Learn-English Movement, the Internationalisation of Universities and the English Language Requirement in College Entrance Examinations. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2017. Vol. 38 (3), pp. 192–205.
27. Sun Y. Cultural Innovation: Localization and Internationalization of Higher Education in China. *Pedagogical Review*. 2017. No. 4 (18), pp. 19–26.
28. Waheed A., Zhang, Q., Rashid, Y., & Zaman Khan, S. The impact of corporate social responsibility on buying tendencies from the perspective of stakeholder theory and practices. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2020. № 27(3). pp. 1307–1315.
29. Wen W., Hu D., Hao J. International Students' Experiences in China: Does the Planned Reverse Mobility Work? *International Journal of Educational Development*. 2018. Vol. 61, pp. 2014–212.

Статья поступила в редакцию 20.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 20.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 339.9
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-37
EDN JTMTJH

**Научные парадигмы и тенденции
в изучении международных организаций**

Чжан Цзэмин

Аспирант Факультета международных отношений, Школа социальных наук,
Университет Цинхуа
zzm22@mails.tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>.

Аннотация. В статье исследуются теоретические парадигмы и тенденции в изучении международных организаций, фокусируясь на их роли в глобальном управлении и подчеркивая важность международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций, Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, в решении глобальных вызовов, включая изменение климата, терроризм и бедность. Эти организации не только способствуют международному сотрудничеству, но и играют ключевую роль в поддержании мира и безопасности. В статье отмечается, что международные организации стали более разнообразными и специализированными. Они охватывают широкий спектр областей, включая политику, экономику, социальное развитие и защиту прав человека. Также обсуждается растущее влияние международных неправительственных организаций, которые теперь играют значимую роль в международных делах. Одной из ключевых тем является легитимность и автономия международных организаций. Автор утверждает, что их независимость обеспечивает им важную роль в глобальном управлении, а профессионализм и экспертные знания способствуют усилению их влияния. В статье также затрагивается вопрос соперничества великих держав, которое влияет на эффективность и легитимность международных организаций. В этой статье также рассматривается теоретическая парадигма исследований международных организаций в аспекте перехода от традиционного понятия «международная организация как независимая переменная» к «международной организации как зависимой переменной», и исследуются такие вопросы, как стратегическая конкуренция между великими державами, автономия международных организаций, угасание интереса к построению теории и дисциплинарное беспокойство. В заключении подчеркивается, что развитие международных организаций связано с изменениями в международной политической и экономической среде, продолжение их исследования важно для понимания глобальных тенденций и улучшения системы управления.

Ключевые слова: международные организации; теоретические исследования; глобальное управление; региональные страновые исследования; теория принципов

© Чжан Цзэмин, 2024

пала-агента; Организация Объединенных Наций; Шанхайская организация сотрудничества; Всемирная торговая организация; Международный валютный фонд

Статья была написана при поддержке специального проекта для аспирантов Центра российских исследований Пекинского Педагогического Университета.

Для цитирования: Цзэмин Чжан Научные парадигмы и тенденции в изучении международных организаций // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 37-53. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-37>. <https://elibrary.ru/JTMTJH>.

Original article

Scientific paradigms and trends in studying international organizations

Zhang Zeming

Postgraduate student, department of international relations, School of Social Sciences, Tsinghua University

zzm22@mails.tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

Abstract. The article examines theoretical paradigms and tendencies in studying international organizations. It focuses on their role in global administration and emphasizes the importance of such international organizations as the UN, WTO, and IMF in addressing global challenges, which include climate change, terrorism, and poverty. These organizations not only promote international cooperation but also play a key role in maintaining peace and security. The article points out that international organizations have become more diverse and specialized. They cover a wide range of fields, including politics, economy, social development and human rights protection. Besides, the growing influence of international non-governmental organizations, currently playing a significant role in international affairs, is also discussed. One of the key topics is the legitimacy and autonomy of international organizations. The author argues that their independence ensures their important role in global governance, while their professionalism and expertise contribute to their growing influence. The article also addresses the issue of great states' rivalry, which affects the international organizations' efficiency and legitimacy. This article also examines the theoretical paradigm of studying international organizations in terms of the shift from the traditional concept of 'international organization as an independent variable' to 'international organization as a dependent variable', and studies such issues as strategic competition between the great states, the autonomy of international organizations as well as the fading interest in theory building and the disciplinary anxiety. The conclusion highlights that the development of international organizations is related to the changes in the international political and economic environment and that continuing their studies is important for understanding global trends and improving the system of administration.

Key words: international organizations; theoretical analysis; global governance; regional country studies; principal-agent theory; United Nations Organization; Shanghai Cooperation Organization; World Trade Organization; International Monetary Fund

Article has been supported by a special project for postgraduate students at the Center for Russian Studies, Beijing Pedagogical University.

For citation: Zhang Zeming Scientific paradigms and trends in studying international organizations. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 37-53. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-37>. <https://elibrary.ru/JTMTJH>.

Введение

По мере того, как мы вступаем во второе десятилетие XXI века, изменения в мире, времени и истории развиваются масштабным образом, а дефицит мира, развития, безопасности и управления усугубляется, вновь ставя будущее и судьбу человечества перед вопросом: куда двигаться дальше? Поскольку мир продолжает развиваться в направлении многополярности и экономической глобализации, тенденция времени к миру, развитию, сотрудничеству и взаимовыгодным решениям неуклонна, и люди по-прежнему говорят о единстве, содействии сотрудничеству и стремлении к прогрессу [Министерство иностранных дел КНР, 2023]. Отвечая на веяния времени, различные страны и международные организации выдвинули свои собственные программы и инициативы в области глобального управления. Однако сложность глобального управления обуславливает разнообразие его субъектов, среди которых все большее значение приобретают международные организации. Являясь платформами и механизмами сотрудничества между странами в политической, экономической, социальной и других областях, международные организации играют важную роль в содействии развитию и совершенствованию системы глобального управления. Страны всего мира сталкиваются с общими вызовами и проблемами, такими как изменение климата, терроризм и бедность, которые не имеют границ и требуют от

стран совместной работы для их решения. Международные организации предоставляют странам платформу для консультаций, сотрудничества и выработки совместных решений, способствуя процессу глобального сотрудничества. Кроме того, международные организации играют важнейшую роль в поддержании мира и безопасности во всем мире. Будучи одной из самых представительных международных организаций, Организация Объединенных Наций поддерживает мир и безопасность во всем мире, проводя миротворческие операции и предотвращая конфликты. Другие международные организации, такие как Организация Договора о Коллективной Безопасности (*далее ОДКБ*) и Шанхайская организация сотрудничества (*далее ШОС*), также играют важную роль в поддержании регионального мира и стабильности. Кроме того, международные организации играют важную роль в содействии глобальному экономическому развитию и либерализации торговли. Такие международные организации, как Всемирная торговая организация (*далее ВТО*) и Международный валютный фонд (*далее МВФ*), стремятся содействовать глобальному экономическому сотрудничеству, разрушать торговые барьеры и способствовать стабильному глобальному экономическому росту.

Согласно определению Большой Российской Энциклопедии, международные организации – это объединения государств или национальных обществ

(ассоциаций) неправительственного характера для достижения общих целей в какой-либо области; одна из форм международного сотрудничества [Международные организации, 2024]. Более принятое в китайских научных кругах определение звучит так: «Международная организация – это организация с характеристиками международного поведения, постоянное учреждение с определенными правилами и нормами, созданное двумя или более государствами (или другими субъектами международного права) в соответствии с договорами или другими официальными юридическими документами, заключенными ими для достижения общих политических и экономических целей» [Ли Хуа, 2014, с. 41–42]. Отметим, что между этими двумя определениями разница невелика.

В зависимости от их деятельности, международные организации можно классифицировать как всеобъемлющие или специализированные. Первые, такие как Организация Объединенных Наций, имеют универсальное членство и выполняют целый ряд функций, включая обеспечение политики, безопасности, экономического и социального развития, научно-технического и культурного сотрудничества, а также защиту прав человека. Последняя функция представлена различными специализированными учреждениями ООН, а также Международной организацией труда, Всемирной организацией здравоохранения, Всемирной торговой организацией и Комитетом всемирного наследия. В зависимости от географического охвата государств-членов их можно разделить на *глобальные и региональные*. *Региональные всеобъемлющие организации* – это организации, выполняющие политические, охраняющие

и социально-экономические функции, такие как Организация американских государств, Европейское сообщество и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии. *Региональные специализированные организации* можно разделить на такие категории, как экономические и торговые, военные союзы, научные, технические и культурные. Кроме того, существует несколько организаций, таких как Организация Североатлантического договора, Организация Варшавского договора и Комиссия экономической взаимопомощи. Все они имеют специализированные функции, но страны-участницы не делятся строго на регионы, а скорее на социальные системы, идеологии и военно-стратегические отношения. По *правовому статусу* различают межправительственные (межгосударственные) *международные организации* и *неправительственные международные организации*.

Легитимность международных организаций и их характеристики

Независимость международных организаций как важных международных акторов, обладающих независимостью и автономией, исходит не только из их природы как бюрократических институтов, но и отражается в их процессах принятия решений и инновационных институциональных процессах. Предоставление, экспертный и моральный авторитет международных организаций – важный источник их независимости, а процедуры голосования и основные органы принятия решений международных организаций являются важными проявлениями их автономии. Независимый и автономный авторитет международных организаций обеспечивает им возможность участвовать в глобальном управлении, устанавливая

правила для всего мира, и в то же время предоставляет важные площадки и обеспечивает легитимность для сотрудничества между ключевыми государствами.

а) Экономическое измерение: рост социальных сил в позиционировании отношений между правительствами и рынком

Экономические силы определяют рост глобального управления. После окончания холодной войны система рыночной экономики сыграла огромную роль в экономическом развитии и распределении ресурсов стран по всему миру, и, таким образом, система рыночной экономики стала институциональной основой глобального управления. Однако возникновение системы рыночной экономики означает, что доминирующее положение традиционного правительства пошатнулось, и с тех пор новое положение рынка, как субъекта отношений с правительством, обозначило новую проблему. Для прояснения различной природы рынка и правительства в экономической деятельности и определения границы между ними, нам крайне необходимо понять взаимоотношения между ними. В реальной работе рыночная логика делает акцент на установлении и гарантии индивидуальных/свободных прав. Конституции разных стран содержат конкретные положения о правах отдельных граждан. В частности, право человека свободно распоряжаться собственностью, своей личностью и своим временем, и основывается на предпосылке, что они не препятствуют и не ущемляют свободные права других людей. Также стихийно рыночная экономическая система функционирует в процессе экономического развития. Поэтому почти все капиталистические

страны, включая те, где правят социал-демократы, видят эту тенденцию и выдвигают лозунг «назад к рынку», пытаясь полностью решить проблему, опираясь на рынок. Существуют также страны с плановой экономикой, например, бывшие страны Восточной Европы, которые, потерпев неудачу в развитии плановой экономики, также перешли к рыночной экономике благодаря проведению политики реформ и открытости. Несомненно, создание экономической системы рыночной экономики послужило сильнейшей мотивацией для тенденции к социализации международной политики.

При функционировании системы рыночной экономики, в отсутствие вмешательства государства, необходимо стимулировать взаимодействие между странами через рыночные интересы. В этом процессе правительство играет более регулируемую роль, а функции государства в большей степени переходят в частную сферу, чтобы способствовать развитию предприятий через предоставление общественных услуг, что выдвигает новые требования к развитию функций правительства и дает надежду на то, что правительство будет максимизировать выгоды и минимизировать потери, принимая во внимание интересы национальных предприятий, а также принципы рынка. Это, несомненно, требует уменьшения роли правительства в международной политике и увеличения пространства для развития роли социально-экономических агентов. Развитие рыночной экономики привело к появлению непубличных экономических компонентов, отличных от государственной экономики, что сделало экономические компоненты внутри стран все более диверсифицированными и

сложными, разрушив ситуацию монолитного политического правления, и одновременно способствовало развитию тенденции диверсификации субъектов государственной власти. Экономические либералы считают, что благодаря внедрению рыночной системы *laissez-faire* будет создан единый рынок во всем мире, устранены тарифные барьеры и уменьшено вмешательство национальных правительств в экономическое развитие. Таким образом, установление такой рыночной системы во всем мире является экономической мотивацией для глобального управления.

**б) Политическое измерение:
неизбежный результат
децентрализации внутренней
политической власти**

Развитие капитализма способствовало формированию гражданского общества, которое является неизбежной тенденцией социального развития. Возникновение гражданского общества обеспечивает широкую политическую основу для глобального управления. Становление рыночной экономики в разных странах и смягчение политической обстановки оставили больше возможностей для развития гражданского общества. Конечно, ранее во многих странах, особенно в Европе (включая бывшие страны Восточной Европы и Советский Союз), статус-кво развития гражданского общества был весьма хрупким или не существовал вовсе, и поэтому эти страны стали наиболее очевидными зонами для возникновения гражданского общества.

С точки зрения процесса глобализации, развитие отечественного гражданского общества все больше выходит за пределы национальных границ и в определенной степени способствует развитию глобального гражданского

общества. Правила и движения международного сообщества находят отклик внутри страны, а национальные правительства и бизнес способны принимать и действовать в соответствии с международной практикой. Современные международные организации постоянно влияют на повседневную жизнь граждан в ходе своей деятельности, а рост общественных движений привел к развитию организаций гражданского общества как непосредственного фактора возникновения глобального управления.

**в) Идеологическое измерение:
возникновение универсальной
глобальной этики**

Развитие времени и научно-технический прогресс способствовали использованию быстрых и удобных средств передвижения, сокращению расстояния между странами и облегчению экономических и торговых обменов между ними. После Второй мировой войны растущее влияние международных организаций, во главе с Организацией Объединенных Наций, открыло более широкий и глубокий спектр взаимодействия между странами, что привело к более частым обменам в области мысли и культуры. В традиционных обществах обмен и распространение информации развивались очень медленно, что мешало общению между правительством и народом, но сегодня, с развитием таких технологий, как интернет и СМИ, информация, которая раньше была монополизирована высокопоставленными лицами, принимающими решения, и высокопоставленными чиновниками, стала известна простым людям. Более очевидно, что голос народа начал оказывать влияние на международной политической арене, заменив прежнее пассивное

принятие международных дел на активную конструктивную позицию. Тенденция все большего интереса граждан к политической жизни отражает трансформацию субъективного сознания в гражданское на волне демократизации в мире, и вместе с улучшением и прогрессом знаний людей наблюдается устойчивая тенденция появления международных организаций в сознании людей всех стран. В некоторых странах, по мере удовлетворения минимальных материальных потребностей людей, многие начинают искать духовную самореализацию на уровне сознания, например, философские убеждения и универсальную этику. Такие ценности, как права человека, равенство, демократия, свобода, мир и равенство, все чаще становятся общим мнением всех народов и признаются людьми в разных странах. Успех Всемирного этического конгресса – важный пример стремления к универсальной этике в эпоху глобализации. Несомненно, этот поиск общих ценностей в мире стал движущим фактором глобального управления в идеологической сфере.

С начала XXI века под влиянием процесса глобализации мировые экономические и научно-технические связи и сотрудничество стали более тесными, а взаимозависимость между странами значительно усилилась, и в то же время международная безопасность, включая экономическую, столкнулась со множеством серьезных проблем. На этом фоне международные организации играют важную роль в решении основных вопросов международных отношений, имеющих глобальное и региональное значение, и соответственно, они вступили в новый этап исторического развития. В насто-

ящее время международные организации в потоке имеют некоторые основные характеристики:

Во-первых, их количество велико. Согласно статистике *Ежегодника Международных Организаций*: в 1909 году в мире насчитывалось 213 международных организаций всех видов, из которых 37 были межправительственными международными организациями; в 1956 году – 1 117; в 1978 году – 8 200; в 1990 году в мире насчитывалось 26 656 международных организаций, из которых более 500 были важными межправительственными организациями; в 1998 году число международных организаций всех видов по всему миру составило 48 835. В 1998 году число международных организаций достигло 48 350, из которых 6 250 были межправительственными, что составило 14,74 % от общего числа [Dembinski, 1988]. Согласно Глобальной базе данных гражданского общества (Global Civil Society Database), по состоянию на июнь 2024 года было зарегистрировано 77 669 международных организаций [GCSD, 2024]. Исходя из приведенных данных, число международных организаций постоянно растет, и с момента окончания холодной войны к ним добавилось около 20 000 новых.

Во-вторых, это большое разнообразие. В то время как их количество росло, разнообразие международных организаций постепенно расширялось, а сфера их деятельности становилась все более широкой. После окончания Второй мировой войны стало ясно, что международные организации вышли из единой категории межправительственных организаций административного сотрудничества и политических организаций, преодолевая узкий и ограни-

ченный характер своей деятельности и продвигаясь к все более широкому спектру областей. В дополнение к важной глобальной международной политической организации, Организация Объединенных Наций (*далее ООН*), которая продолжает играть важную роль, количество, роль и влияние глобальных экономических организаций стали важным аспектом международных организаций. *Три основные глобальные экономические организации* – Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд и Всемирный банк – внесли значительный вклад в обеспечение глобальной экономической стабильности и развития. Кроме того, появились международные организации в области защиты окружающей среды, науки, образования и культуры, что подчеркивает растущую активность и влияние международных организаций и механизмов.

В-третьих, создание сетей. Международные организации похожи на огромную сеть, которая пересекает весь мир и человеческое общество. На национальном уровне большинство стран, будь то сверхдержавы, такие как США, или другие небольшие и слабые страны, являются членами некоторых глобальных международных организаций, и становится все более распространенным фактом, когда страна входит в состав десятков или даже сотен международных организаций. Эти страны преследуют свои собственные национальные интересы в международных организациях, стремясь при этом к общему развитию для всех стран. Международные организации подобны ячейкам международного сообщества, они координируются друг с другом и реагируют друг на друга, образуя большую и сложную сеть.

В-четвертых, специализация. Специализация международных организаций означает, что они обладают опытом и навыками в конкретных областях и способны эффективно работать и управлять соответствующими делами. По мере того, как глобальные проблемы становятся все более сложными и диверсифицированными, необходимость в том, чтобы международные организации реагировали на вызовы и предлагали эффективные решения, становится все более насущной. В результате международные организации начали уделять особое внимание повышению уровня своего профессионализма, чтобы лучше выполнять свои обязанности и миссии. Например, ООН и ее специализированные агентства, а также международные финансовые институты, такие как Всемирный банк и МВФ, постоянно повышают свой профессионализм, чтобы лучше реагировать на глобальные вызовы. Профессионализм международных организаций отражается не только в их кадровом составе, но и в способах работы и механизмах управления. Все большее внимание международные организации уделяют набору и обучению людей, обладающих профессиональными знаниями и навыками, чтобы обеспечить максимальную эффективность в конкретных областях. В то же время международные организации постоянно совершенствуют свои механизмы принятия решений и операционные процессы, чтобы повысить эффективность и результативность.

Стоит отметить, что в последние годы изменения и трансформации в международных организациях стали важной чертой современных международных отношений, а обновление международных организаций с целью адап-

тации к меняющимся международным реалиям стало неотъемлемой темой в изучении глобализации. Эта особенность неразрывно связана с изменениями в международном ландшафте, процессом экономической глобализации, ростом международных неправительственных организаций и углублением теоретических исследований в данной дисциплине.

С точки зрения международной политической ситуации, после окончания холодной войны первоначальная биполярная международная модель исчезла, и те международные организации, которые были созданы в ответ на биполярную модель, попали под воздействие некоторых организаций и документов, таких как Совет Экономической Взаимопомощи и Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, которые утратили свою силу в настоящее время. Для того, чтобы приспособиться к изменениям в международной модели после холодной войны и потребностям новой ситуации, одна за другой было создано большое количество новых международных организаций, которые начали играть важную роль. Хотя ряд важных международных организаций, представленных ООН, не теряет свои позиции, их институты и механизмы должны быть соответствующим образом скорректированы в свете изменений международной ситуации, и их реформы стали основными вихрями в потоке изменений в международных организациях сегодня, играя ведущую роль.

С точки зрения экономики, процесс глобализации объективно создал спрос на глобальное управление глобальными проблемами, и поэтому международные организации сталкиваются с дилеммой в выполнении своих управ-

ленческих функций. В то же время западные страны во главе с США не довольствуются интеграцией глобального рынка, а хотят реализовать глобальные универсальные ценности в рамках, так называемых «универсальных прав человека» и «либеральной демократии», а также политических рамок и установить «мир во всем мире под руководством США» на уровне международной системы, а глобальная политическая интеграция должна быть в конечном итоге достигнута путем экономической глобализации. Перед лицом такого спора между многосторонностью и односторонностью люди возлагают большие надежды на международные организации, такие как ООН, надеясь, что они будут реформировать и совершенствовать свои механизмы, чтобы обеспечить развитие этого многостороннего международного механизма в направлении справедливости, безопасности и устойчивости.

Возникновение международных неправительственных организаций (*далее МНПО*) оказало глубокое влияние и на международные организации. Теоретически говоря, международные неправительственные организации – это понятие, отдельное от НПО, механизм, который отличается от групп гражданского общества, профсоюзов или отдельных людей в местном и национальном смысле, а скорее некоммерческая группа, которая пересекает национальные границы и не зависит от правительств и предприятий, с более очевидными признаками интернациональности. Они не подчиняются никаким правительствам или предприятиям и, как правило, являются неофициальными международными ассоциациями, созданными для развития международного сотрудничества в области политики, экономики, науки и техники,

культуры, религии, гуманизма и других видов деятельности человека. Традиционно неправительственные международные организации не признавались международным сообществом и не могли играть роль в международных делах в качестве субъектов международного права. Однако с начала XXI века международные неправительственные организации процветают в условиях глобализации и теперь широко вовлечены в основные международные дела, которые раньше находились в юрисдикции правительственных или межправительственных международных организаций, например, в области прав человека, охраны окружающей среды, защиты беженцев, разоружения и т. д. Некоторые важные международные неправительственные организации также создали консультативные отделы в учреждениях ООН, оказывая наиболее сильное влияние на принятие решений в ООН.

Теоретические парадигмы в изучении международных организаций

Появление и развитие международных организаций также способствовало изучению международных организаций в области международных отношений. Как теоретическое исследование, изучение международных организаций сформировалось в начале XX века и получило значительное развитие после окончания Второй мировой войны, с богатым теоретическим подтекстом и формированием различных школ мысли, каждая из которых имеет свою собственную теоретическую систему. В этой области конструктивистская теория является основной, которая дает уникальную и глубокую интерпретацию функций и роли международных организаций. Конструктивистская теория утверждает,

что радикальные изменения в международных отношениях требуют рассматривать государство с внешней точки зрения, то есть с точки зрения международного сообщества, а не с точки зрения государства на международное сообщество. Эта новая исследовательская парадигма утверждает, что государство было социализировано международным сообществом, то есть международные организации могут дать государству новые влияния и роли. Этот процесс социализации означает, что государство получает новые нормы, ценности и концепции интересов через международные организации, то есть что основные элементы западной «универсальности» – правила, институты и механизмы – передаются акторам через международные организации, так что они получают новые концепции интересов» [Финнемор, 2001, с. 6]. Эта теория рассматривает международные организации как компоненты международной системы, которые извне изменяют поведение государств; изменяя устоявшиеся предпочтения государств, достигается цель изменения поведения государства. Некоторые западные ученые широко применяют эту теорию к изучению роли международной системы ВТО в поведении и политике государства и считают, что ВТО как международная организация, принимающая членов, представляет собой процесс изменения поведения новых государств-членов извне; например, как только мы вступили в XXI век, некоторые ученые утверждали, что «идеи и ценности» ВТО должны эволюционировать во внутреннее поведение новых государств-членов. Например, в начале XXI века утверждалось, что Всемирная торговая организация должна превратить свои собственные организационные «идеи и ценности» в двигатель

изменений во внутренних системах новых членов [Крюгер, 2002, с. 121]. Очевидно, что эта теория требует, чтобы международные организации стимулировали изменения во внутренних институтах своих членов в сторону предпочтений, благоприятствующих западным ценностям. В настоящее время существует огромное количество исследований различных аспектов деятельности международных организаций [Zelicovich, 2021; Zaharna, 2013; Zaharna, 2008; Woojeong, 2022; Sarah, 2022; Nye, 2008; Супа́с, 2021; Barnes, 2022; Gregory, 2008; Cull, 2008; Cowan, 2008] и можно выделить *пять теоретических парадигм в изучении международных организаций*:

1) От «международных организаций как независимых переменных» к международным организациям «как зависимым переменным».

Переход от исследовательской перспективы, рассматривающей международные организации как независимые переменные, к аналитической схеме, рассматривающей их как зависимые переменные, знаменует собой смену парадигмы в изучении международных организаций. Традиционно ученые отталкивались от теорий принципала-агента, функционализма и социализации, чтобы изучить, как международные организации формируют предпочтения государств, влияют на международный порядок и создают сообщества безопасности (то есть изучение международных организаций как независимых переменных). Это направление исследований фокусируется на типах международных организаций, причинах их формирования (то есть почему государства создают международные организации), их роли, функциях, стилях принятия решений и существующих проблемах (что можно

рассматривать как всесторонний статистический анализ).

Однако с ростом сложности глобального управления международные организации больше не рассматриваются как простые актеры, не зависящие от поведения государств, они все больше подвергаются влиянию поведения государств и международной среды. Исследовательский подход к международным организациям как к зависимым переменным больше сосредоточен на анализе того, как международные организации реагируют и адаптируются к изменениям в политике государств и как они корректируют свои функции и роли в меняющейся международной политической среде. Этот путь исследования подчеркивает динамичную и адаптивную природу международных организаций и их реактивную роль в международных отношениях. Таким образом, превращение международных организаций из независимой в зависимую переменную может стать неизбежным этапом взросления этой дисциплины.

2) Влияние стратегического соперничества между великими державами на легитимность и эффективность международных организаций.

В области изучения международных организаций стратегическое соперничество между великими державами оказывает глубокое влияние на легитимность и эффективность международных организаций. Соперничество и конфликты между державами часто приводят к усилению сопротивления функционированию международных организаций, как, например, бойкот участия России в саммите G20 со стороны США и европейских стран, споры вокруг реформы права вето Совета Безопасности ООН и бойкот США пе-

ревыборов арбитражного суда Всемирной торговой организации.

Легитимность международных организаций сталкивается с серьезными проблемами в эпоху обострения стратегического соперничества между ведущими державами. Колебания внутреннего общественного мнения, такие как выход администрации Трампа из ряда международных соглашений, усиление тенденции политической поляризации и рост популизма, ослабили базу поддержки международных организаций внутри страны.

В то же время, эпоха стратегической конкуренции поставила глубокие вопросы об эффективности работы международных организаций. Некоторые международные организации пережили упадок, функциональный застой или даже существовали только номинально. Такие вопросы эффективности влияют не только на выживание международных организаций, но и на их эффективность и авторитет в решении глобальных проблем.

На этом фоне предпочтения во внутренней политике развивающихся держав и традиционных государств-гегемонов по отношению к международным организациям и механизмы, с помощью которых они формируются, стали предметом широкого внимания. То как эти страны выражают и реализуют свои интересы в рамках международных организаций, как они влияют на принятие решений и функционирование международных организаций, стало важной темой в изучении международных организаций.

3) Автономия международных организаций и повышение статуса международных бюрократических систем.

В области изучения международных организаций автономия и статус международных бюрократических систем постепенно завоевывают академическое внимание. Авторитет, профессио-

нализм и относительная независимость международных бюрократов все чаще рассматриваются как ключевые факторы, влияющие на работу международных организаций. По мере усиления конкуренции между великими державами роль международных бюрократов в формировании повестки дня, продвижении норм и предоставлении информации значительно возросла.

Академики и политики стали уделять больше внимания динамике бюрократической власти, в том числе не нейтральности бюрократов на практике, стратегиям создания альянсов с бюрократами, представительству различных государств на бюрократическом уровне, а также тому как формируются и влияют на бюрократическую культуру. Все эти факторы определяют процесс принятия решений и эффективность их реализации в международных организациях.

В частности, роль секретариатов и руководителей международных организаций становится все более заметной, поскольку они играют решающую роль в продвижении международной повестки дня, координации политики государств-членов и управлении повседневной деятельностью организации. Поэтому понимание и анализ поведения и влияния этих международных бюрократов очень важны для полного понимания механизмов и последствий функционирования международных организаций.

4) Угасание интереса к построению теории и рост эмпирических исследований.

В сообществе исследователей международных организаций интерес к построению теории ослабевает, в то время как эмпирические исследования растут. Произошло ослабевание интереса к теории МО, появилось небольшое количество новаторских теорий, и

было предложено лишь несколько новых идей, таких как сетевой анализ, теория сигнализации, деконструктивные подходы, марксизм и теория практики. Ракурс исследований постепенно сместился на более микроэмпирические вопросы, такие как проблемы финансирования международных организаций, вопросы легитимности, оценка эффективности, феномен упадка и гендерные вопросы.

С этим сдвигом изучение международных организаций стало проявлять тенденцию к фрагментации, а исследовательские гипотезы, как правило, носили ситуативный характер. Хотя такое разнообразие методов исследования обогащает наше понимание международных организаций, оно также может привести к ограничению горизонтов исследования и недостатку теоретических рамок. Таким образом, вопрос о том, как найти баланс между эмпирическими исследованиями и теоретическими построениями, может стать одним из приоритетных для исследований международных организаций в будущем.

5) Воспроизводство дисциплинарного беспокойства в международных организационных исследованиях: организации как институты или институционализированные организации.

В области изучения международных организаций вновь возникли дисциплинарные тревоги, сосредоточенные на вопросе: существуют ли международные организации как институты или как институционализированная форма организации? Волна беспокойства и размышлений в англоязычных академических кругах о «закате либерального порядка» начала влиять на изучение международных организаций. Например, эссе Аарона МакКила (Aaron McKeil), Кристиана Реус-Смита (Christian Reus-Smit), Айше Заракола

(Ayşe Zarakol), Джорджа Лоусона (George Lawson) и других ученых [McKeil, 2023; Reus-Smit, 2023; Lawson, 2023] отражают глубокие размышления о современном состоянии международного порядка.

Возникновение дисциплин, посвященных региональным исследованиям, также повлияло на изучение международных организаций. В рамках парадигмы региональных страноведческих исследований ученые подчеркивают взаимосвязь между региональными организациями и глобальным управлением [Han, 2021; Lehoczki 2022].

В отличие от прошлого, в последнее время наблюдается снижение интереса к изучению теорий международных организаций и увеличение числа эмпирических исследований, причем ракурс смещается на более микроэмпирические вопросы, такие как проблемы финансирования, вопросы легитимности, оценка эффективности, рецессия и гендерные вопросы. Переход исследований международных организаций к глобальному управлению и региональной государственности, снижение интереса к построению теории и увеличение числа эмпирических исследований также вызвали в академическом сообществе беспокойство о том, что исследования международных организаций рискуют быть поглощенными и раствориться в других дисциплинарных областях, и что ученые начали задумываться о необходимости существования дисциплины, что может привести к фрагментации академического дискурса.

На этом критическом этапе Китай, как развивающаяся мировая держава и сторонник глобализации, может внести новые направления исследований, новую жизненную силу и новый импульс в изучение международных

организаций. Участие и перспективы Китая могут способствовать инновациям в изучении международных организаций и предоставить новые идеи и решения для решения проблем глобального управления.

Заключение

Теоретическое изучение международных организаций становится все более разнообразным и сложным, а темы, вызывающие интерес, все шире и глубже. С изменением глобального политического и экономического ландшафта международные организации сталкиваются с новыми вызовами и возможностями, которые предоставляют богатый материал и новые направления для теоретических исследований. Благодаря современным исследованиям, мы надеемся, что будет проще понять природу, функции и влияние международных организаций, а также обеспечить более глубокую теоретическую базу и практическое руководство для исследований и практики в области международных отношений. С постоянным изменением и развитием мировой модели, изучение международных организаций также будет становиться все более сложным и важным. Только постоянное расширение ракурса исследований международных организаций способствует лучшему осмыслению законов функционирования международной системы, здоровому развитию международных организаций и совершенствованию глобального управления. В то же время, развитие международных орга-

низаций также требует сотрудничества с другими международными субъектами, включая государства, многонациональные корпорации и неправительственные организации. Только благодаря многостороннему сотрудничеству и координации международные организации могут лучше играть свою роль в продвижении глобального сотрудничества и развития.

Тема глобального управления привлекает все больше внимания в политологии, международных отношениях и других смежных дисциплинах. С ускоренным развитием глобализации, растущей взаимозависимостью и взаимодействием между странами становятся все более значимыми глобальные проблемы, такие как изменение климата, терроризм и торговые споры. Эти проблемы выходят за рамки одной страны и требуют совместного сотрудничества и координации международного сообщества для их решения. Благодаря углубленному изучению международных организаций мы можем лучше понять тенденции развития международных отношений, способствовать сотрудничеству и обмену между странами, а также совершенствованию и развитию системы глобального управления. Таким образом, крайне важно продолжать изучать и исследовать темы, связанные с международными организациями, что обеспечит важную поддержку и руководство для развития и прогресса в области международных отношений.

Библиографический список

1. Крюгер Энн ВТО как международная организация / Перевод Хуан Липин. (作为国际组织的 WTO), Шанхайское народное издательство, 2002.
2. Ли Хуа Исследование публичной дипломатии международных организаций (国际组织公共外交研究), Пекин: Current Affairs Press, 2014.

3. Международные организации // Большая Российская Энциклопедии. URL: <https://bigenc.ru/c/mezhdunarodnye-organizatsii-a3208a> (дата обращения: 30.05.2024)
4. Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики: Программа Китая по трансформации и построению глобального управления (关于全球治理变革和建设的中国方案). URL: https://www.mfa.gov.cn/wjbxw_new/202309/t20230913_11142009.shtml (дата обращения: 30.05.2024).
5. Финнемор Марта Национальные интересы в международном обществе (国际社会中的国家利益) / перевод Юань Чжэнцина. Чжэцзянское народное издательство, 2001.
6. Barnes Jamal, Makinda Samuel, Testing the limits of international society? Trust, AUKUS and Indo-Pacific security, *International Affairs*, Volume 98, Issue 4, July 2022, Pages 1307–1325.
7. Cowan, G., Cull, N.J. Public Diplomacy in a Changing World. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. 616 (1): 6–8.
8. Cull, Nicholas J. “Public Diplomacy: Taxonomies and Histories.” *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. 616 (1):31–54.
9. Сураć Jelena, Ebetürk Irem, Backlash advocacy and NGO polarization over women's rights in the United Nations, *International Affairs*, Volume 97, Issue 4, July 2021, Pages 1183–1201.
10. Dembinski Ludwik. *Organization and Activities of International Institutions in Geneva*. Springer Dordrecht. *International Geneva Yearbook* 1988.
11. Global Civil Society Database. *The Yearbook of International Organizations*. Режим доступа: URL: <https://uia.org/ybio/> (дата обращения 30.05.2024).
12. Gregory, B. Public Diplomacy: Sunrise of an Academic Field. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 2008. 616 (1): 274–290.
13. Han Yuna, T. Sophie, Claiming Equality: The African Union's Contestation of the Anti-Impunity Norm, *International Studies Review*, Volume 23, Issue 3, September 2021, Pages 726–751.
14. Lawson George, Zarakol Ayşe, Recognizing injustice: the ‘hypocrisy charge’ and the future of the liberal international order, *International Affairs*, Volume 99, Issue 1, January 2023, Pages 201–217.
15. Lehoczki, B. Semi-periphery regionalisms in a changing world order: the case of Mercosur and Visegrad Group. *Third World Quarterly*, 2022. 43(4), 779–796.
16. McKeil Aaron, Order without Victory: International Order Theory Before and After Liberal Hegemony, *International Studies Quarterly*, Volume 67, Issue 1, March 2023.
17. Nye J. S.. Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 2008. 616 (1): 94–109.
18. Reus-Smit Christian, Zarakol Ayşe, Polymorphic justice and the crisis of international order, *International Affairs*, Volume 99, Issue 1, January 2023, Pages 1–22.
19. Sarah B. K. von Billerbeck, Talk from the Top: Leadership and Self-Legitimation in International Organizations, *International Studies Review*, Volume 24, Issue 3, September 2022.

20. Woojeong Jang, Great Power Rivalry and Hedging: The Case of AIIB Founding Members, *The Chinese Journal of International Politics*, Volume 15, Issue 4, Winter 2022, Pages 395–421.

21. Zaharna, R. S. Mapping Out a Spectrum of Public Diplomacy Initiatives: Information and Relational Communication Frameworks. In *Routledge Handbook of Public Diplomacy*, edited by N. Snow, and P. M. Taylor, New York: Routledge. 2008. 106–120.

22. Zaharna, R. S., A. Arsenault, and A. Fisher. *Relational, Networked and Collaborative Approaches to Public Diplomacy*. New York: Routledge. 2013.

23. Zelicovich, J. Are there still shared values to sustain multilateralism? Discourse in World Trade Organization reform debates. *Third World Quarterly*, 2021, 43(2), 332–351.

Reference list

1. Krjuger Jenn VTO kak mezhdunarodnaja organizacija = WTO as an international organization / Perevod Huan Lipin. (作为国际组织的 WTO), *Shanhajskoe narodnoe izdatel'stvo*, 2002.

2. Li Hua Issledovanie publichnoj diplomatii mezhdunarodnyh organizacij = Studying public diplomacy of international organizations (国际组织公共外交研究), *Pekin: Current Affairs Press*, 2014.

3. *Mezhdunarodnye organizacii = International Organizations // Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedii*. URL: <https://bigenc.ru/c/mezhdunarodnye-organizatsii-a3208a> (data obrashhenija: 30.05.2024).

4. *Ministerstvo inostrannyh del Kitajskoj Narodnoj Respubliki: Programma Kitaja po transformacii i postroeniju global'nogo upravlenija = Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China: China's program for transforming and building global governance (关于全球治理变革和建设中国方案)*. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjbxw_new/202309/t20230913_11142009.shtml (data obrashhenija: 30.05.2024).

5. *Finnemor Marta Nacional'nye interesy v mezhdunarodnom obshhestve = National interests in international society (国际社会中的国家利益) / perevod Juan' Chzhjencina. Chzhjeczjanskoe narodnoe izdatel'stvo*, 2001.

6. Barnes Jamal, Makinda Samuel, Testing the limits of international society? Trust, AUKUS and Indo-Pacific security, *International Affairs*, Volume 98, Issue 4, July 2022, Pages 1307–1325.

7. Cowan G., Cull N.J. Public Diplomacy in a Changing World. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. 616 (1): 6–8.

8. Cull Nicholas J. "Public Diplomacy: Taxonomies and Histories." *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. 616 (1):31–54.

9. Cupać Jelena, Ebetürk Irem, Backlash advocacy and NGO polarization over women's rights in the United Nations, *International Affairs*, Volume 97, Issue 4, July 2021, Pages 1183–1201.

10. Dembinski Ludwik. *Organization and Activities of International Institutions in Geneva*. Springer Dordrecht. *International Geneva Yearbook* 1988.

11. *Global Civil Society Database. The Yearbook of International Organizations*. Rezhim dostupa: URL: <https://uia.org/ybio/> (data obrashhenija 30.05.2024)

12. Gregory, B. Public Diplomacy: Sunrise of an Academic Field. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 2008. 616 (1): 274–290.
13. Han Yuna, T. Sophie, Claiming Equality: The African Union's Contestation of the Anti-Impunity Norm, *International Studies Review*, Volume 23, Issue 3, September 2021, Pages 726–751.
14. Lawson George, Zarakol Ayşe, Recognizing injustice: the 'hypocrisy charge' and the future of the liberal international order, *International Affairs*, Volume 99, Issue 1, January 2023, Pages 201–217.
15. Lehoczki, B. Semi-periphery regionalisms in a changing world order: the case of Mercosur and Visegrad Group. *Third World Quarterly*, 2022. 43(4), 779–796.
16. McKeil Aaron, Order without Victory: International Order Theory Before and After Liberal Hegemony, *International Studies Quarterly*, Volume 67, Issue 1, March 2023.
17. Nye J. S.. Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 2008. 616 (1): 94–109.
18. Reus-Smit Christian, Zarakol Ayşe, Polymorphic justice and the crisis of international order, *International Affairs*, Volume 99, Issue 1, January 2023, Pages 1–22.
19. Sarah V. K. von Billerbeck, Talk from the Top: Leadership and Self-Legitimation in International Organizations, *International Studies Review*, Volume 24, Issue 3, September 2022.
20. Woojeong Jang, Great Power Rivalry and Hedging: The Case of AIIB Founding Members, *The Chinese Journal of International Politics*, Volume 15, Issue 4, Winter 2022, Pages 395–421.
21. Zaharna, R. S. Mapping Out a Spectrum of Public Diplomacy Initiatives: Information and Relational Communication Frameworks. In *Routledge Handbook of Public Diplomacy*, edited by N. Snow, and P. M. Taylor, New York: Routledge. 2008. 106–120.
22. Zaharna, R. S., A. Arsenault, and A. Fisher. *Relational, Networked and Collaborative Approaches to Public Diplomacy*. New York: Routledge. 2013.
23. Zelicovich, J. Are there still shared values to sustain multilateralism? Discourse in World Trade Organization reform debates. *Third World Quarterly*, 2021, 43(2), 332–351.

Статья поступила в редакцию 18.09.2024; одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.
The article was submitted on 18.09.2024; approved after reviewing 14.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-54
EDN KIEZTA

**Роман «Мастер и Маргарита» и пьеса «Батум» М. А. Булгакова:
взаимное влияние, текстуальные параллели и общие источники**

Борис Вадимович Соколов

Доктор филологических наук, кандидат исторических наук, научный консультант
издательства «Вече», г. Москва
bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

Аннотация. В статье исследуются текстуальные параллели между двумя произведениями М. А. Булгакова – романом «Мастер и Маргарита» и пьесой «Батум» (к моменту начала работы над пьесой о Сталине писатель уже практически завершил работу над «закатным» романом). Доказывается, что ряд эпизодов романа отразился в пьесе, в том числе эпизод с телеграммами Лиходеева из Ялты и эпизод с «якобы деньгами» на сеансе черной магии в Театре Варьете. Также рассматривается роль газет в «Мастере и Маргарите» и «Батуме» и доказывается, что стихи Ивана Бездомного в первомайской «Литературной газете», которые сам Иван впоследствии называет «чудовищными», имеют своим прообразом «Злые эпиграммы» основного прототипа Бездомного – поэта А. И. Безыменского, опубликованные в специальном выпуске ленинградской «Литературной газеты» от 2 мая 1929 г. В статье доказывается, что текстуальные параллели между «Мастером и Маргаритой» и «Батумом» не носят системного характера, и нет какого-либо устойчивого соответствия между такими персонажами романа как Иешуа Га-Ноцри, Воланд и Иосиф Каифа и Сталиным и другими персонажами пьесы. Главной причиной запрета «Батума» стало отсутствие у главного героя пьесы inferнальных черт, чего в действительности не было, а наличие в пьесе в качестве единственного женского персонажа Наташи, с прототипом которой, Н. И. Киртадзе (Киртава)-Сихарулидзе, у Сталина произошел драматический разрыв, о чем Булгаков никак не мог знать в период работы над «Батумом». Сделан также вывод об относительно низком художественном уровне «Батума», что было вызвано жесткими цензурными ограничениями на изображение главного героя пьесы – Сталина.

Ключевые слова: М. А. Булгаков; И. В. Сталин; «Мастер и Маргарита»; «Батум»; «Батумская демонстрация»; прототип; А. И. Безыменский; Л. Л. Авербах;

Н. И. Киртадзе (Киртава)-Сихарулидзе; Николай II; газета «Искра»; «Литературная газета»

Для цитирования: Соколов Б. В. Роман «Мастер и Маргарита» и пьеса «Батум» М. А. Булгакова: взаимное влияние, текстуальные параллели и общие источники // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 54-72. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-54>. <https://elibrary.ru/KIEZTA>.

PHILOLOGY

Original article

M. A. Bulgakov's novel *The Master and Margarita* and the play *Batum*: mutual influence, textual parallels and common sources

Boris V. Sokolov

Doctor of philology, candidate of historical sciences, scientific consultant of the publishing house Veche, Moscow.

bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

Abstract. The article studies textual parallels between two works by M. A. Bulgakov - the novel *The Master and Margarita* and the play *Batum*. By the time the writer started working on the play about Stalin, he had virtually completed his work on the “sunset” novel. The author proves that a number of episodes from the novel are reflected in the play, including the episode with Likhodeev's telegrams from Yalta and the episode with the “alleged money” at the black magic session in the Variety Theater. The article also considers the role of newspapers in *The Master and Margarita* and *Batum* and shows that Ivan Bezdomny's poems in the May Day “*Literaturnaya Gazeta*”, which Ivan himself later calls “monstrous”, have their prototype in the “*Evil Epigrams*” of Bezdomny's main prototype - the poet A. I. Bezymensky, published in a special issue of the Leningrad “*Literaturnaya Gazeta*” of May 2, 1929. The author proves that the textual parallels between *The Master and Margarita* and *Batum* are not systemic, and there is no stable parallelism between such characters of the novel as Yeshua Ha-Notri, Woland, Joseph Kaifa and Stalin and other characters of the play. The main reason for banning *Batum* was the lack of infernal traits in the main character of the play, which was not true to reality, but the only female character in the play, Natasha, whose prototype, N. I. Kirtadze (Kirtava)-Sikharulidze, had a dramatic breakup with Stalin, which Bulgakov could not have known about while working on *Batum*. The conclusion is also made about the relatively low artistic level of “*Batum*”, which was caused by strict censorship restrictions on portraying the main character of the play - Stalin.

Key words: M. A. Bulgakov; I. V. Stalin; *The Master and Margarita*; *Batum*; “*Batumi demonstration*”; prototype; A. I. Bezymensky; L. L. Averbakh; N. I. Kirtadze (Kirtava)-Sikharulidze; Nicholas II; newspaper “*Iskra*”; “*Literaturnaya gazeta*”

For citation: Sokolov B. V. M. A. Bulgakov's novel *The Master and Margarita* and the play *Batum*: mutual influence, textual parallels and common sources. *World of Rus-*

sian-speaking countries. 2024; 4(22): 54-72. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-54>. <https://elibrary.ru/KIEZTA>.

Введение

А. М. Смелянский поставил вопрос: «<...> если «Батум» есть акт капитуляции Булгакова, то почему же этот акт «сдачи» не был принят и высочайшим образом одобрен?» [Смелянский, 1989, с. 327]. В данной статье мы попробуем ответить на этот вопрос, попытавшись определить, в какой мере эпизоды романа «Мастер и Маргарита» отразились в пьесе «Батум», приобретали ли эти параллели в пьесе политический характер и могут ли они быть истолкованы в антисталинском духе. Мы также постараемся проследить, могла ли, в свою очередь, пьеса «Батум» или источники, использованные при ее создании, отразиться в каких-либо эпизодах «Мастера и Маргариты». Исследование же источников «Батума» позволило выявить подлинные причины запрета пьесы.

Как заметил А. М. Смелянский, ««Батум» написан той же рукой и тем же человеком, который написал «Мастера и Маргариту»» [Смелянский, 1990, с. 607]. Фактически работа над этими двумя произведениями шла параллельно: Булгаков дописывал «Мастера и Маргариту» и работал над «Батумом». Английский историк С. С. Монтефиоре называет «Мастера и Маргариту» «антисталинским шедевром» [Монтефиоре, 2014, с. 142, примеч.]. Как мы увидим далее, определенные основания для такой характеристики булгаковского «закатного» романа есть. М. О. Чудакова полагала, что работа над «Батумом» проходила в то же самое время, что и работа над эпилогом «Мастера и Маргариты», «но в иной «литературе»»: здесь не было свободы художественного выбора,

непременной для творчества» [Чудакова, 1988, с. 668-669]. Можно согласиться с тем, что при создании «Батума» творческая свобода Булгакова была минимальной, поскольку писать приходилось в жестких канонах агиографического жанра, и роль главного героя в развитии драматической интриги была очень ограничена.

«Мастер и Маргарита» как источник вдохновения для «Батума»

Мы попробуем определить, какие текстуальные параллели существуют между «Мастером и Маргаритой» и «Батумом», и в чем может заключаться их смысл. Начнем с пролога «Батума». Там Ректор семинарии, обращаясь к членам правления и преподавателям семинарии, имея в виду Сталина-Джугашвили, сообщает, что «...нашлись среди разноплеменных обитателей отечества преступники, сеющие злые семена в нашей стране» [Булгаков, 1990, т. 3, с. 513]. Он относит Джугашвили к числу «лжепророков» и «народных развратителей, которые пытаются подорвать могущество государства и распространяют повсюду ядовитые мнимые научные социал-демократические теории, которые, подобно мельчайшим струям злого духа, проникают во все поры нашей народной жизни» [Булгаков, 1990, т. 3, с. 513].

Здесь образ Ректора явно вдохновлен образом первосвященника Иосифа Каифы в «Мастере и Маргарите», который обличает Иешуа Га-Ноцри перед Понтием Пилатом: «Не мир, не мир принес нам оболститель народа в Ершалаим, и ты, всадник, это прекрасно понимаешь. Ты хотел его выпустить затем, чтобы он смутил народ, над ве-

рою надругался и подвел народ под римские мечи! Но я, первосвященник иудейский, покуда жив, не дам на поругание веру и защиту народ!» [Булгаков, 2006, с. 670].

В этом контексте Сталин может восприниматься как Иешуа. Но его, в отличие от Га-Ноцри, не казнят, а только исключают из семинарии.

Б. М. Гаспаров полагает, что в сцене «бичевания» в «Батуме», когда надзиратели избивают Сталина ножнами шашек, он уподоблен Иешуа (Иисусу) [Гаспаров, 1993]. Этот эпизод восходит к рассказу главного советского идеолога антирелигиозной пропаганды Емельяна Ярославского, приведенного в его речи на I съезде советских писателей в 1934 году в качестве образа героя-революционера: «Г. Сталин, будучи в тюрьме, однажды вместе с другими был избит тюремной стражей, полицейскими, согнанными туда солдатами. Он проходил через строй, держа книгу Маркса в руках, с гордо поднятой головой» [Цит. по: Смелянский, 1990, с. 606]. Ярославский сознательно ориентировал свой рассказ о Сталине на евангельскую традицию. Скрытое уподобление Сталина Иисусу Христу пропагандой допускалось и даже поощрялось, так что эпизод «бичевания» Сталина не мог сам по себе привести к запрету «Батума». А такую деталь как избивание ножнами шашек Булгаков почерпнул из воспоминаний Н. И. Киртадзе (или Киртава)-Сихарулидзе, опубликованных в книге «Батумская демонстрация». Булгаков выбрал батумский период в жизни Сталина, вероятно, потому что в одном сборнике были собраны достаточно обширные и живые материалы о коротком периоде революционной деятельности Сталина, на основе которого

можно было написать пьесу. Кроме того, Булгаков бывал в Батуме в 1921 году, когда думал об эмиграции, и город был ему знаком, хотя с ним связывались не самые приятные ассоциации – в 1921 году Булгаков в Батуме бедствовал [Сумская, 2012].

Наталья Иосифовна, послужившая прототипом Наташи в «Батуме», рассказала, как в батумской тюрьме она пыталась заговорить со Сталиным, а тюремный администратор ударил ее ножнами шашки. Тогда возмущенный Сталин потребовал от администрации тюрьмы уволить надзирателя [Батумская демонстрация, 1937]. Здесь Булгаков ориентировался на рассказ Ярославского, и каких-либо специфических черт своего Иешуа в данном эпизоде герою «Батума» не предал. Нам представляется ошибочным утверждение Б. М. Гаспарова о том, что в «Батуме» «герой пьесы одновременно характеризуется как Иисус и Антихрист» [Гаспаров, 1993, с. 118]. Гаспаров утверждает, что приводимое Булгаковым полицейское описание внешности Сталина отвечает определению: «Неуловимость внешности – одна из примет сатаны <...>» [Гаспаров, 1993, с. 117]. Но, строго говоря, это отнюдь не примета Антихриста. Антихрист и сатана – это все-таки разные образы. Однако реальные полицейские описания внешности Сталина как раз указывают на неприметность, обыкновенность его внешнего вида. Например, в розыском циркуляре от 1 мая 1904 года отмечается, что Джугашвили «телосложения посредственного, производит впечатление обыкновенного человека» [Бушуева, 2018].

Также ошибочным следует признать мнение Б. М. Гаспарова о том, что в образе жандармского переводчи-

ка Кякивы у Булгакова «намечена роль Иуды» [Гаспаров, 1993, с. 118]. Кякива никогда не сотрудничал со Сталиным и другими революционерами и при всем желании не мог их предать.

В следующем эпизоде пьесы также отразился булгаковский роман. Служитель семинарии Варсонофий, вручая Сталину при увольнении из семинарии пальто и узелок, просит: «С вас бы на полбутылки, господин Джугашвили, по случаю праздничного дня и вашего печального события. Теперь вы вольный казак, все пути перед вами закрыты. Надо бы выпить» [Булгаков, 1990, т. 3, с. 518].

Здесь отразился тот эпизод «Мастера и Маргариты», когда Коровьев-Фагот направляет Берлиоза к роковому турникету на Патриарших: «— Турникет ищите, гражданин? — треснувшим тенором осведомился клетчатый тип. — Сюда пожалуйте! Прямо и выйдете куда надо. С вас бы за указание на четверть литра... поправиться... бывшему регенту! — кривляясь, субъект наотмашь снял жокейский свой картузик» [Булгаков, 2006, с. 676].

Вероятно, тот факт, что и Коровьев, и Варсонофий выступают в качестве служителей православной церкви, не имеющими сана (Коровьев — бывший регент, то есть дирижер церковного хора, Варсонофий — служитель семинарии), натолкнул Булгакова на мысль вложить в уста Варсонофия измененную реплику Коровьева. Но наличие данной параллели совсем не означает, что Варсонофию, подобно Коровьеву, присущи inferнальные и шутовские черты. Также то, что Коровьев в данном эпизоде обращается к Берлиозу, не означает опосредованного уподобления Сталина председателю МАССО-ЛИТа, поскольку у Джугашвили «Ба-

тума» нет ничего общего с этим персонажем «Мастера и Маргариты».

А вот то, что Варсонофий, которого Сталин угощает папироской, напоминает «господину Джугашвили», чтобы «...вы помещение семинарии немедленно покинули» [Булгаков, 1990, т. 3, с. 518], роднит его с одним из участников разговора на Патриарших — поэтом Иваном Бездомным. Как следует из предшествовавшего эпизоду с Варсонофием диалога Сталина с одноклассником, Джугашвили, лишившись места жительства в семинарии, действительно становится бездомным (поскольку идти жить ему некуда), и таким образом воплощает в реальной жизни псевдоним собеседника Воланда.

В пьесе во время встречи Нового 1902 года в Батуме Миха говорит: «Вот он, Новый год, подлетает к Батуму на крыльях звездной ночи! Сейчас он накроет своим плащом и Варцхану, болото Чаоба и наш городок!» [Булгаков, т. 3, 1990, с. 524]. Этот эпизод родился из сцены романа, когда Мастер и Маргарита вместе с Воландом и его свитой покидают Москву: «Плащ Воланда вздуло над головами всей кавалькады, этим плащом начало закрывать вечеряющий небосвод. Когда на мгновение черный покров отнесло в сторону, Маргарита на скаку обернулась и увидела, что сзади нет не только разноцветных башен с разворачивающимся над ними аэропланом, но нет уже давно и самого города, который ушел в землю и оставил по себе только туман» [Булгаков, 2006, с. 920]. Здесь общим является образ темного плаща, закрывающего небосвод, причем в «Батуме» он является метафорическим, а в «Мастере и Маргарите» превращается в овеществленную метафору, так как «вечереющий небосвод» за-

крывает как бы настоящий плащ Во­ланда.

На той же встрече Нового года Ми­ха провозглашает тост: «Что дала нам вереница прошлых старых лет – мы хорошо знаем. Пусть они уйдут в веч­ность! А мы сдвинем чаши, пожелаем, чтобы новый, 1902-й, принес нам наше долгожданное счастье!» [Булгаков, 1990, т. 3, с. 524-525]. Тост во многом повторяет тост Во­ланда перед убий­ством барона Майгеля, обращенный к ожившей голове Берлиоза: «Вы всегда были горячим проповедником той тео­рии, что по отрезании головы жизнь в человеке прекращается, он превраща­ется в золу и уходит в небытие. Мне приятно сообщить вам, в присутствии моих гостей, хотя они и служат доказа­тельством совсем другой теории, о том, что ваша теория и солидна и остроум­на. Впрочем, все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, соглас­но которой каждому будет дано по его вере. Да сбудется же это! Вы уходите в небытие, а мне радостно будет из ча­ши, в которую вы превращаетесь, вы­пить за бытие!» [Булгаков, 2006, с. 843-844]. Далее голова Берлиоза превраща­ется в чашу в виде черепа. Появляется доносчик и шпион барон Майгель. Аззелло убивает барона выстрелом из револьвера. Кровь Майгеля стекает в чашу из головы Берлиоза, которую подставляет Коровьев. А потом Во­ланд выпивает из чаши кровь Майгеля как вино за здоровье всех присутствующих на Великом бале у сатаны, из этой же чаши пьет Маргарита. Общим здесь является уход в вечность прошлого, которому противопоставляется как идеал современное бытие. И в «Масте­ре и Маргарите» в тосте тоже противопоставляется бытие и небытие. Но при этом Ми­ха не имеет ничего общего с

Во­ландом, а среди тех к кому он обра­щается, ни один из персонажей не име­ет ни малейшего сходства с Берлиозом, Майгелем, Аззелло, Коровьевым или Маргаритой.

Эпизод с тревожными телеграмма­ми из Батума, которые получают кута­исский военный губернатор, его адъ­ютант и жандармский полковник Трейниц, явно ориентирован на ту сце­ну в «Мастере и Маргарите», где фин­директор театра «Варьете» Григорий Данилович Римский и администратор театра «Варьете» Иван Савельевич Вренуха получают телеграммы из Ял­ты от директора театра «Варьете» Сте­пана Богдановича Лиходеева. В пьесе Адъютант зачитывает телеграмму гу­бернатору от полицеймейстера Батума с донесением о «небывало беспокой­ном поведении рабочих на заводе Рот­шильда». В ответ Губернатор возму­щается: «Пожалуйста! Опять!.. Ах да... ведь это на другом заводе тогда было? У меня все путается в голове из-за этих батумских сюрпризов». Адъютант напоминает, что в прошлый раз беспорядки были на манташевском заводе. Губернатор, перечитав телеграмму, вновь возмущается: «<...> какая манера телеграфировать! Вот я, например, сию перед вами, вообразите – Соломон Мудрый, ничего не разберу! Что это значит – “беспокойное поведение”? Беспокойное поведение может прини­мать различные формы, что подтвердит вам любой врач. Можно, например, вскрикивать и заламывать руки. Но ес­ли, предположим, я вас укушу или, ска­жем, начну бить стекла в кабинете, то это будет уж совсем другой вид беспок­ойного поведения. Как вы полагаете?»

На эту сентенцию Адъютант заме­чает, что рабочие, по всей видимости, хотят сделать забастовку. Губернатор

продолжает гневаться, но довольно косноязычно, что создает комический эффект: «Безобразия! Тогда так и надо телеграфировать: они хотят... и... это... устроить... эту... А то он своими телеграммами только сеет во мне тревогу. Он нервирует. И что случилось с Батумом?» Тут он поминает черта, как и многие персонажи «Мастера и Маргариты», что предвещает грядущее нарушение нормального хода жизни: «Было очаровательное место, тихое, безопасное, а теперь черт знает что там началось! “Небывало беспокойное...” Темно, воля ваша, темно». И предписывает адъютанту ответить полицеймейстеру, чтобы тот «телеграфировал внятно. Внятно-с».

Адъютант предполагает запросить у полицеймейстера подробности, но губернатор возражает, демонстрируя растерянность: «Ну да... э... нет, нет! Только, бога ради, без этого слова! Я его хорошо знаю: он накатает мне страниц семь самых омерзительных подробностей. А просто – внятно. Что там и как».

Адъютант приносит следующую телеграмму, и тут происходит путаница с иностранными фамилиями, подобная той, что случилась в эпилоге «Мастера и Маргариты». Адъютант зачитывает телеграмму: «Вайнштед уволил на Ротшильде 375 человек». Губернатор переспрашивает, искажая фамилию: «Позвольте, этот Вайнштейн... это... э... управляющий?»

Адъютант его поправляет: «Так точно. Вайнштед».

Но губернатор не придает путанице большого значения: «Это безразлично. А важна, опять-таки, причина увольнения и смысл его. Смысл! Запросить».

Следующие две телеграммы оказываются срочными. Адъютант зачитывает

первую: «Вследствие падения спроса на керосин жестянках на заводе Ротшильда Вайнштейном уволено 390 человек. Подпись: корпуса жандармов ротмистр Бобровский».

Автор телеграммы удостоивается похвалы губернатора, который, однако, замечает новую путаницу с фамилиями: «По крайней мере, ясная телеграмма. Толковая. Неприятная, но отчетливая телеграмма. Но, позвольте, тут уж кто-то другой, какой-то Вайнштейн?»

Адъютант уточняет: «Это тот же самый, просто – в одной из телеграмм ошибка».

Губернатор интересуется: «Но в какой из телеграмм?»

Адъютант затрудняется ответить.

Губернатор опять впадает в растерянность: «Ну конечно, это все равно. А важно вот что... гм... «Падения»... Полицеймейстер телеграфирует – 375 человек, а ротмистр – уже 390... Впрочем, и это не важно, а важно... э... Вторую телеграмму, пожалуйста».

Адъютант зачитывает вторую телеграмму: «На Сидеридисе спокойно. Умоляю обратить внимание. Подпись: Сидеридис».

Губернатор сперва не может понять, как Сидеридис может сообщать о том, что происходит «на Сидеридисе», но потом вспоминает, что это название завода по имени владельца: «И обратите внимание на стиль: «Сидеридис», «на Сидеридисе»... И опять это противное слово «неспокойно». Что это за пошлую манеру они взяли так телеграфировать! Не всякая краткость хороша. «Умоляю!» Вместо того чтобы умолять, он бы лучше толком сообщил, что там такое. Запросить объяснения».

Тут вступает в разговор жандармский полковник Трейниц, который зачитывает ответ на свою телеграмму о

приметах Сталина: «Джугашвили. Телосложение среднее. Голова обыкновенная. Голос баритональный. На левом ухе родинка». Все. <...> Дальше телеграфирую: «Сообщите впечатление, которое производит его наружность». Ответ: «Наружность упомянутого лица никакого впечатления не производит».

Тут приходит новая срочная телеграмма, которая поражает губернатора, как удар грома: «Батуме забастовал ротшильдковский завод. Стали все цеха. Тысяча пятьсот человек. Ожидаю беспорядков. Ротмистр Бобровский».

Губернатор собирается спешно ехать из Кутаиса в Батум, но узнает, что батумский поезд уже ушел: «Ушел! Телефонуйте сейчас же на вокзал, чтобы дали паровоз, салон. Я еду в Батум. И... это... ко мне на квартиру что-бы... это... чемодан! <...>

Чья-то рука в самых дверях подает адъютанту телеграмму», опять срочную. Адъютант ее зачитывает: «Панаиота побили на Сидеридисе. Подпись: Сидеридис».

Тут губернатор совсем выходит из себя: «Что же это такое?! Я вас спрашиваю! Это еще что? Какой Панаиот? Что это значит? Почему побили? Телеграфируйте этому Сидеридису, чтобы он сию минуту перестал телеграфировать мне глупости! Кто этот Панаиот?!»

Явившийся к губернатору управляющий Ваншейдт, чью фамилию в телеграммах постоянно перевирают, уточняет, что Панаиот – «это главный приказчик у Сидеридиса».

Губернатор еще раз поминает черта: «Так, черт же их... так и телеграфируй – почему его побили?! Шинель мне! <...> (всовывая руки в рукава). Зачем побили? Ведь если побили, зна-

чит, есть в этом избиении какой-то смысл! Подкладка, цель, смысл!» [Булгаков, т. 3, с. 529-536].

В «Мастере и Маргарите» Римскому и Варенухе приносят сверхмолнию следующего содержания: «Ялты Москову Варьете Сегодня половину двенадцатого угрозыск явился шатен ночной сорочке брюках без сапог психический назвался Лиходеевым директором Варьете Молнируйте ялтинский розыск, где директор Лиходеев» [Булгаков, 2006, с. 719]. Римский и Варенуха, в 11 часов утра разговаривавшие с Лиходеевым по телефону, когда он находился в Нехорошей квартире в Москве, сочли человека, назвавшегося Лиходеевым в Ялте, самозванцем («Лжедмитрием»), так как за полчаса директор Варьете даже на сверхбыстром истребителе не смог бы попасть из Москвы в Ялту. Поэтому Варенуха по поручению Римского отправляет в Ялту сверхмолнию: «Ялта угрозыск... Директор Лиходеев Москве Финдиректор Римский». Но тут же приносят новую молнию: «Умоляю верить брошен Ялту гипнозом Воланда молнируйте угрозыску подтверждение личности Лиходеев» [Булгаков, 2006, с. 720]. Тут стоит отметить, что, строго говоря, в Ялту из Москвы Степана Богдановича отправил, не лично Воланд, а Азazelло с Бегемотом [Булгаков, 2006, с. 720]. Римский очень удивлен тем, что ялтинский самозванец знает о приезде Воланда в Москву и по этому поводу чертыхается: «– Где он остановился, этот Воланд, черт его возьми?» [Булгаков, 2006, с. 720]. Однако приносят фототелеграмму следующего содержания: «На темном фоне фотографической бумаги отчетливо выделялись черные писанные строки: “Доказательство мой почерк моя подпись Молни-

руйте подтверждение установите секретное наблюдение Воландом Лиходеев”». Сверив подчёрк на фото с бумагами, написанными Лиходеевым, Римский убедился, что на фото – почерк Лиходеева, и сказал в телефонную трубку в полном смятении: «– Примите сверхмолнию. Варьете. Да. Ялта. Угрозыск. Да. “Сегодня около половины двенадцатого Лиходеев говорил мною телефону Москве, точка. После этого на службу не явился и разыскать его телефонам не можем, точка. Почерк подтверждаю, точка. Меры наблюдения указанным артистом принимаю Финдиректор Римский”». Эту телеграмму прокомментировал про себя администратор Варьете: «“Очень умно!” – подумал Варенуха, но не успел подумать как следует, как в голове у него пронесли слова: “Глупо! Не может он быть в Ялте!”» [Булгаков, 2006, с. 721].

Варенухе удается дозвониться до квартиры Лиходеева, и Коровьев сообщает ему, что Степан Богданович уехал «за город кататься на машине», а на вопрос, «когда же он вернется?», помощник Воланда отвечает: «А сказал, подышу свежим воздухом и вернусь!» [Булгаков, 2006, с. 723]. Григорий Данилович и Иван Савельевич этой версии верят.

Далее Римский отправляет Варенуху с копиями телеграмм в ГПУ. Перед самым его уходом прибывает еще одна сверхмолния от Степы: «Спасибо подтверждение срочно пятьсот угрозыск мне завтра вылетаю Москву Лиходеев» [Булгаков, 2006, с. 724]. Римский высылает требуемые деньги, несмотря на возражения Варенухи, и при этом убежден, что деньги «придут обратно», а Лиходеев «сильно ответит за этот пикничок» [Булгаков, 2006, с. 724].

Варенуха пренебрегает телефонным предупреждением не носить никуда письма, и по дороге в летней уборной его перехватывают Аззелло и Бегемот, а затем Гелла, будучи вампиром, своим поцелуем-укусом превращает Ивана Савельича в вампира.

Варенуха, уже в качестве вампира, возвращается в кабинет Римского, рассказывает ему, в развитие версии Коровьева, фантастическую историю про то, что Лиходеев будто бы пьянствовал в трактире «Ялта» в подмосковном Пушкине, подпоил местного телеграфиста, после чего они стали рассылать телеграммы с пометкой «Ялта». Таким образом, в романе совпадает название трактира и место отправления телеграммы. В «Батуме» точно так же обыгрывается упомянутое в телеграмме название завода «Сидерис», совпадающее с подписью отправителя телеграммы – владельца завода. Римский Варенухе не верит, поскольку то, что он рассказал, «даже и для Степы было чересчур. Да, чересчур. Даже очень чересчур...» [Булгаков, 2006, с. 756]. Потом финдиректор замечает, что Варенуха не отбрасывает тени. Тут Римский бросается к окну, выходящему в сад, и «увидел прильнувшее к стеклу лицо голой девицы и ее голую руку, просунувшуюся в форточку и старающуюся открыть нижнюю задвижку» [Булгаков, 2006, с. 758]. Едва спасшись от Варенухи с Геллой, которые пытались сделать из него вампира, но не успели осуществить задуманное до пения первых петухов, когда нечисть теряет свою силу, финдиректор Варьете спешно покидает Москву и отправляется в Ленинград, где прячется в платяном шкафу 412-го номера гостиницы «Астория».

Забастовка в Батуме оказывается для кутаисских чиновников столь же невероятным событием, как для дирекции Варьете – перемещение директора Лиходеева из Москвы в Ялту менее чем за полчаса. Хотя, строго говоря, ничего сверхъестественного в забастовке нет. Постоянно поступающие новые телеграммы создают комический эффект и усиливают растерянность чиновников. Комично также то, как губернатор пытается найти в телеграммах и, в частности, в сообщении об избииении управляющего Панаиота, некий высокий смысл, которого в них в действительности нет, и так и не произносит ни разу в эпизоде с телеграммами пугающее его слово «забастовка». Неслучайно они дважды поминают черта, в роли которого предстает в их глазах Иосиф Джугашвили. Полицейские описания его внешности невняты и противоречивы, как и должно быть с описаниями нечистой силы. Губернатор играет ту же роль, что и Римский в сцене с телеграммами от Лиходеева. Функции же Варенухи выполняют Адьютант, Трейниц и управляющий завода Ротшильда Ваншейдт, который признается Губернатору, что рабочие «меня кровопийцей назвали» [Булгаков, 1990, т. 3, с. 534]. В «Мастере и Маргарите» кровопийцей, то есть вампиром становится Варенуха. Ваншейдт является перед губернатором далеко не в порядке, «...поскольку рукав в пиджаке с корнем вырван» в потасовке с рабочими [Булгаков, 1990, т. 3, с. 534]. В «Мастере и Маргарите» превратившийся в вампира Варенуха предстает перед Римским с громадным синяком с правой стороны лица [Булгаков, 2006, с. 757]. В «Батуме» из-за организованной Сталиным забастовки вынуждены срочно покинуть место жительства и уехать в другой город управля-

ющий Ваншейдт (он рассказывает Губернатору: «Я ведь прямо с завода, на квартиру даже не заезжал, кинулся в поезд и к вам») [Булгаков, 1990, т. 3, с. 534] и сам Губернатор, спешно собирая вещи и вытребовав себе для поездки паровоз и салон-вагон. Ваншейдт едет из Батума в Кутаис, а Губернатор – из Кутаиса в Батум, причем он принимает решение срочно ехать в Батум после того, как «чья-то рука в самых дверях подает адъютанту телеграмму», в которой сообщается об избииении рабочими Панаиота, управляющего завода Сидеридиса. В «Мастере и Маргарите» Римский сбегает из театра Варьете в Ленинград после того как видит руку Геллы, открывающую задвижку на окне.

То, что Губернатор дважды чертычается по поводу забастовщиков, а начальник тюрьмы называет Сталина демоном проклятым [Булгаков, 1990, т. 3], представляется вполне естественным. Для представителей власти забастовщики и революционеры виделись неким исчадием ада, и подобная брань в адрес большевиков советской цензурой допускалось. Но Сталин, как и другие революционеры в булгаковской пьесе, начисто лишен каких-либо инфернальных черт. Цензура не допускала подобного изображения Ленина, Сталина и других большевистских вождей. Эпизод с телеграммами из «Мастера и Маргарите» в «Батуме» был использован для сатирического изображения царских чиновников. В СССР это была вполне разрешенная сатира, и она никогда не воспринималась как сатира на советских номенклатурных чиновников ни властями, ни читателями, ни зрителями. Слишком сильно отличались друг от друга эти типажи. Мнение же В. Олюниной о том, что, с точки зрения соцреалистического ка-

нона, было недопустимо присутствующее в булгаковской пьесе прямое сопоставление сталинской эпохи и «полицейской практики» российского самодержавия [Олюнина, 2018], представляется ошибочным. Никаких прямых указаний и явных намеков на сходство самодержавия и сталинской диктатуры в «Батуме» нет. Не существовало и запрета на отражение в литературе и на сцене, равно как и на экране полицейских репрессий в царской России. Разумеется, они должны были изображаться в критическом и сатирическом духе, но это требование Булгаковым было вполне соблюдено. Олюнина также ошибочно полагает, что в пьесе был отражен эпизод с фабрикацией Сталиным удостоверения полицейского агента. В действительности этого эпизода в «Батуме» нет.

В сцену, когда старый абхазец Реджеб от имени крестьян спрашивает Сталина, не печатает ли он фальшивые деньги, Булгаков добавил важную деталь из «Мастера и Маргариты». Прототипом Реджеба послужил Хашим Смырба, у которого Сталин некоторое время жил. У Хашима был зять Реджеб [Батумская демонстрация, 1937], и это имя Булгаков использовал для персонажа, восходящего к Хашиму Смырба. В книге «Батумская демонстрация» – основном источнике «Батума» в эпизоде с фальшивыми деньгами крестьяне спрашивают Сталина: «Слушай, Сосо! Хороший ты человек и хорошее дело ты делаешь. И чувствуем мы, что нам, беднякам, наверно, скоро помощь от тебя придет. Ты вот целые ночи работаешь, печатаешь, а результатов что-то не видно. Когда же, наконец, ты пустишь в ход свои деньги?»

Долго товарищ Сосо молча смотрел в лица крестьянам и затем сказал им:

– Вот что, старики! Я вовсе не фальшивомонетчик, и никаких фальшивых денег я не делаю. Помочь вам в вашей бедности, в вашем тяжелом положении я действительно хочу, но только не так, как вы думаете. Я печатаю не деньги, а прокламации, в которых пишу о том, как вам тяжело живется и как нужно исправить эту беду. Я хочу, чтобы вы вместе с рабочими спихнули царя с его высокого сиденья и создали свою собственную власть для того, чтобы вы сами могли распоряжаться своей жизнью и своим трудом» [Батумская демонстрация, 1937, с. 94].

В «Батуме» в этой сцене в словах Реджеба Булгаков делает важное дополнение: «Р е д ж е б . Фальшивые деньги. Наши старики долго ломали головы: что человек тайно печатает? Один старик, самый умный, догадался – фальшивые деньги. И мы смуглись. Говорят, хороший человек, но, понимаешь, мы ему деньги помогать печатать не можем. Мы это не понимаем. Меня послали к тебе. Говорят: узнай, зачем печатает? Что, он будет раздавать их народу? Когда будет раздавать? По сколько?» [Булгаков, 1990, т. 3, с. 548]. Добавление здесь взято из сцены в Театре Варьете, когда Коровьев одаривает публику якобы настоящими червонцами, которые на поверку оказываются ничего не стоящими бумажками. В «Батуме» Булгаков пародирует желание народа (в данном случае – абхазских крестьян) получить все что можно, даже фальшивые деньги, но желательно поровну.

Роль газет в «Мастере и Маргарите» и в «Батуме»

В «Мастере и Маргарите» важную роль в развитии действия играют газеты. Уже во время встречи Берлиоза и Бездомного на Патриарших с Волан-

дом сатана вдруг называет Бездомного по имени и отчеству – Иван Николаевич, и тот с удивлением спрашивает:

«– Откуда вы знаете, как меня зовут?»

– Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает? – Здесь иностранец вытащил из кармана вчерашний номер «Литературной газеты», и Иван Николаевич увидел на первой же странице свое изображение, а под ним свои собственные стихи. Но вчера еще радовавшее доказательство славы и популярности на этот раз ничуть не обрадовало поэта» [Булгаков, 2006, с. 654].

Прототипом поэта Ивана Николаевича Бездомного (Понырева) послужил известный советский поэт А. И. Безыменский (Гершанович). Булгаков еврейскую «местечковую» фамилию Гершанович (от местечка Гершоны под Брестом в Белоруссии) превратил в русскую «местечковую» фамилию Поньрев (от станции Поньри, ныне в Курской области, лежавшую вне «черты оседлости»: Булгаков проезжал через эту станцию, когда ездил на отдых в Лебедянь), и своего Бездомного сделал русским, наделив его чертами сказочного Ивана Дурака [Соколов, 2024, с. 142-152]. И в данном случае имеется в виду вполне конкретный номер ленинградской «Литературной газеты», изданный в связи с Первомайским праздником. Действие московских сцен «Мастера и Маргариты» происходит на Страстную неделю с 1 по 5 мая 1929 года и завершается в Пасхальную ночь [Соколов, 2024, с. 60-70]. Специальный же выпуск ленинградской «Литературной газеты», посвященный Первомайскому празднику, был датирован 2 мая 1929 года. На первой странице газеты было две основные рубрики – «Первое Мая за границей» и «Первомайские торжества в Москве». В том

же номере, но только на 6-й странице, были опубликованы «Злые эпиграммы» А. И. Безыменского. Одна из них, «Справка социальной евгеники», была посвящена другу Булгакова писателю Е. И. Замятину и написана в жанре литературного доноса:

Тип: Замятин.

Род: Евгений.

Класс: буржуй.

В селе: – кулак.

Результат перерожденный.

Сноска:

враг.

Другие эпиграммы Безыменского были ничуть не лучше ни содержательно, ни поэтически. Можно, сказать, что ни грана поэзии в них не было. Вот, например, эпиграмма на Ф. В. Гладкова, автора романа «Цемент»:

Раздраив, вздрючив, раскумекав

Всю чеперуху в душу, в гром,

Он дал цементных человек

Бесспорно пьяным языком

[Безыменский, 1929, с. 6].

Неудивительно, что, когда Мастер спрашивает Бездомного: «Хорошо, я готов принять на веру. Хороши ваши стихи, скажите сами?»

– Чудовищны! – вдруг смело и откровенно произнес Иван» [Булгаков, 2006, с. 740]. Но реальный Безыменский столь критически к своим стихам не относился.

В том же номере «Литературной газеты» были опубликованы фрагменты выступления главы Российской Ассоциации пролетарских писателей (РАПП) (по образцу РАПП Булгаков в романе создал МАССОЛИТ) Л. Л. Авербаха «Политическая обстановка сегодняшнего дня и задачи РАППа» на II областной конференции Ленинградской Ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП), где он, в

частности, критиковал будущего автора «Мастера и Маргариты» за то, что «в творчестве Булгакова» присутствуют «мысли, выражающие откровенный пессимизм и разочарование» [Авербах, 1929, с. 2]. А в целом писателей-попутчиков, к которым Авербах причислял и Булгакова, глава РАППа осуждал за «проповедь идеалистического подхода к жизни, к отдельному человеку», за то, что они «не видят наступления классового врага» [Авербах, 1929, с. 2]. Авербах был одним из прототипов Берлиоза, на что косвенно указывает эпизод, когда Воланд предлагает литераторам на Патриарших именно те папиросы, которые они желают, точно так же, как у Гёте в погребке Ауэрбаха Мефистофель предлагает посетителям те вина, которые они предпочитают [Гаспаров, 1993].

Доклад Авербаха отразился в эпизоде печатной кампании против Мастера, когда тот «развернул газету и увидел в ней статью критика Аримана, которая называлась “Вылазка врага”». В ней критик «предупреждал всех и каждого, что он, то есть наш герой, сделал попытку проташить в печать апологию Иисуса Христа» [Булгаков, 2006, с. 748].

В «Батуме» Губернатор читает «Новое время» и натывается на бессмысленную фразу: «Время, которое мы переживаем, исполнено глубочайшего смысла», которую комментирует следующим образом: «И все! Спрашивается, какого смысла? Что это за смысл?» [Булгаков, 1990, т. 3, с. 529]. Возможно, здесь пародируется мысль издателя «Нового времени» А. С. Суворина, приведенная в опубликованных в 1912 году в «Историческом вестнике» воспоминаниях В. М. Грибовского: «<...> идет большое святое

дело, надо сделать его, мы переживаем исторический момент, и теперь не время мальчишеским выходкам... Нужен здравый смысл...» [Суворин, 2012, с. 791]. И тут же в жандармских донесениях встречается путаница фамилия управляющего завода Ротшильда – Вайнштейн и Вайншед вместо правильного Ваншейдт [Булгаков, 1990, т. 3]. Это напоминает то, как искажают имя Воланда очевидцы в основном тексте и в эпилоге «Мастера и Маргариты» – Фаланд, Вольман, Вольпер, Володин, Волох, Ветчинкевич [Булгаков, 2006]. В «Батуме» Булгаков спародировал искажение фамилии Ваншейдта в первых статьях социал-демократической газеты «Искра» о Батумской забастовке, где его называли Файнштейном и Вайнштейном [Батумская демонстрация, 1937].

Здесь возможно также влияние работы над «Батумом» на «Мастера и Маргариту». Когда Булгаков писал эпилог романа, он уже ознакомился с книгой «Батумская демонстрация», в которой, в частности, были собраны статьи «Искры» с путаницей в фамилии управляющего заводом Ротшильда. А в «Мастере и Маргарите» основная путаница с фамилией Воланда происходит как раз в эпилоге романа.

Сталин упоминает направленную против него статью лидера меньшевиков Грузии Ноя Жордания в газете «Квали» (след, борозда. – груз.): «<...> к чему будут годны люди, которых они воспитывают такой литературой? Интеллигентные чернокнижники» [Булгаков, 1990, т. 3, с. 549]. Это в какой-то мере пародирует газетную кампанию против Мастера. Воланд же будто бы приехал в Москву, чтобы разобрать рукописи чернокнижника Герберта

Аврилакского (он же – Папа Римский Сильвестр II) [Булгаков, 2006, с. 655].

Как мы убедились, заимствования из «Мастера и Маргариты» в «Батуме» не носят системного характера, и невозможно провести однозначные параллели между персонажами романа и Сталиным. По всей вероятности, Булгаков использовал те или иные эпизоды романа в пьесе ситуативно, для решения конкретных задач, стремясь с помощью находок, сделанных в ходе работы над «Мастером и Маргаритой», оживить «Батум». Мнение М. С. Петровского о том, что «Булгаков проделал неслыханный по дерзости (художественной, моральной и политической) эксперимент: соединил в образе Сталина черты пророка и демона, Христа и Сатаны, то есть сказал – на булгаковском языке достаточно внятно, – что его герой Антихрист», представляется ошибочным [Петровский, 2001, с. 324]. Сочетание в каком-либо литературном персонаже черт Христа и сатаны никак не может сделать его Антихристом. К тому же в булгаковской пьесе Сталин, по понятной причине, никакими inferнальными чертами не наделен. Булгаков помнил, что когда в финале «Мастера и Маргариты» он удостоил деятельность Сталина похвалы Воланда [Булгаков, 2006], это вызвало неподдельную обеспокоенность слушателей на чтении романа 14 мая 1939 года, и, как записала в дневнике Е. С. Булгакова, завлит МХАТа П. А. Марков «в коридоре меня испуганно уверял, что ни в коем случае подавать нельзя – ужасные последствия могут быть» [Булгакова, 1990, с. 259]. Поэтому он никак не мог рискнуть пойти на подобное в пьесе, которую должны были ставить во МХАТе к юбилею Сталина. Это было бы равносильно самоубийству. А Бул-

гаков самоубийцей не был, хотя о том, чтобы застрелиться, размышлял автобиографический герой в неоконченной булгаковской повести «Тайному другу», а в неоконченном «Театральном романе» автобиографический герой, драматург Максудов, вроде бы покончил с собой, бросившись в Днепр с уже не существовавшего Цепного моста.

3. Почему Сталин запретил «Батум»?

Проведенный анализ текстуальных параллелей между «Мастером и Маргаритой» помогает дать ответ на вопрос, почему пьеса о молодом Сталине была запрещена. А. А. Нинов полагал, что Сталин не разрешил ставить булгаковскую пьесу потому, что «уловил в содержании “Батума” опасный для себя элемент иронии истории, не замеченный и не оцененный другими читателями и слушателями» [Ниннов, 1990, с. 702]. Но в чем заключалась «ирония истории», комментатор не разъяснил.

Почему же «Батум» был запрещен (точнее, формально не запрещен, а не допущен к постановке) лично Сталиным? Как представляется, ответ на этот вопрос дают биографы Сталина. Единственный женский персонаж в «Батуме», Наташа, как и другие персонажи пьесы, имеет легко узнаваемого прототипа, Наталью Иосифовну Киртадзе (или Киртава)-Сихарулидзе, чьи воспоминания в книге «Батумская демонстрация» Булгаков внимательно прочитал. Но в архиве Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма (ГФ ИМЛ) сохранилась и неопубликованная часть ее воспоминаний, и в нейто, как нам представляется, и содержится разгадка запрета «Батума». Согласно неопубликованным воспоминаниям рабочего С. Сихарулидзе, «до ареста тов. Сталин жил за городом в

рабочем районе Барцхана. Большой частью он проживал в доме Натальи Киртава», «в настоящее время она живет в Чиатурах под фамилией Сихарулидзе» [Островский, 2004, с. 177, примеч.]. Сама Наталья Иосифовна (Осиповна) родилась около 1880 года и числилась крестьянкой селения Нагомари Озургетского уезда. В начале 1900-х годов она считалась замужней, но ее муж, некто Фисенков, находился «в безвестной отлучке» [Островский, 2004, с. 177, примеч.]. В воспоминаниях, опубликованных в книге «Батумская демонстрация», Н. И. Киртадзе-Сихарулидзе утверждала, что познакомилась со Сталиным только в 1903 году в тюрьме, хотя участвовала в революционном движении с 1901 года [Батумская демонстрация, 1937]. Но другие мемуаристы в том же сборнике отмечали, что Наталья Киртадзе помогала раненым в Батумской демонстрации [Батумская демонстрация, 1937], и Булгаков вполне логично предположил, что она могла быть знакома со Сталиным еще до встречи в тюрьме. Более того, он сделал Наташу дочерью Сильвестра Ломджария, а Порфирия Ломджария – его сыном, хотя в действительности тот был его младшим братом. Но Булгаков, к несчастью, для него, не был знаком с неопубликованными воспоминаниями Натальи Киртава-Сихарулидзе. Из них легко можно было понять, что между Сталиным и Наташей существовала любовная связь. Британский историк С. С. Монтефиоре так излагает неопубликованную часть воспоминаний Н. И. Киртава-Сихарулидзе об отъезде Сталина в Тифлис: «Куда ты поедешь, Сосо, что мы будем делать, если тебе опять не повезет?» – спрашивала она. Потом она вспоминала, что он погладил ее по

голове и поцеловал, сказав: «Не бойся!»» [Монтефиоре, 2014, с. 170]. Н. И. Киртава-Сихарулидзе вспоминала, что в 1904 году, через некоторое время после отъезда из Батума, Сталин прислал ей письмо, приглашая переселиться к нему в Тифлис, но она не приняла приглашение. Когда позднее весной Сталин вновь приехал в Батум, во время одного из партсобраний Наталья подошла к нему, но, по ее словам, «увидя меня, он крикнул с озлоблением: “Уйди от меня”» [Островский, 2004, с. 216]. Монтефиоре изложил эпизод с письмом так: «<...> Сталин не забыл Наташу. Оказавшись в Тифлисе, он написал ей письмо, где пригласил ее к себе. Письмо было якобы о проблемах со здоровьем: «Сестра Наташа, ваши врачи никуда не годятся; если ваша болезнь осложнилась, приезжайте сюда, здесь врачи хорошие». «Я не поехала по семейным обстоятельствам», – написала она». Очевидно, Сталин не мог простить Наталье отказ переселиться к нему в Тифлис. Его чрезвычайно задело, что она прервала их любовную связь. Однако, никаким репрессиям Н. И. Киртава-Сихарулидзе не подверглась и, став после победы революции партийным работником в Батуме, благополучно дожила до старости, вероятно, так и не узнав, что она послужила прототипом единственного женского персонажа в «Батуме» [Монтефиоре, 2014, с. 433].

10 октября 1939 года Сталин при посещении МХАТа сказал художественному руководителю театра В. И. Немировичу-Данченко, что «пьесу “Батум” он считает очень хорошей, но что ее нельзя ставить» [Булгакова, 1990, с. 297]. Сталин не мог простить Н. И. Киртава-Сихарулидзе, что в свое время она его отвергла. И никак не мог

допустить, чтобы восходящий к ней персонаж фигурировал в мхатовской постановке. Ведь тогда прототипа Наташи легко могли узнать оставшиеся в живых участники революционного движения в Батуме в начале XX века. Однако сказать об этом Булгакову или руководителям МХАТа Сталин, естественно, не мог, поскольку не хотел посвящать посторонних в детали своих отношений с Н. И. Киртава-Сихарулидзе. Не мог он и просто потребовать убрать из пьесы Наташу. Такое требование само по себе могло только спровоцировать совсем ненужные Сталину слухи о возможной любовной связи и ссоре между ними в прошлом. К тому же без Наташи пьесе бы пришлось фактически писать заново. На ней были завязаны многие ключевые эпизоды «Батума», в частности, вся восьмая картина, действие которой происходит в тюрьме. Да и без единственного женского персонажа пьеса смотрелась бы совсем плохо. Уже одного образа Наташи было достаточно, чтобы не выпускать «Батум» на сцену МХАТа. Но были и другие причины, хотя и не столь весомые.

По своим художественным достоинствам «Батум» слишком явно уступал любимым Сталиным «Дням Турбиных». А генсеку не хотелось, чтобы герой, носивший его имя, проигрывал бы тому же Алексею Турбину (в «Батуме» главного героя должен был играть Н. П. Хмелев, игравший старшего из братьев Турбиных). В пьесе о Сталине не было никакой драматической интриги. И хорошо прописан был только образ Сталина – положительного героя мифа. Все остальные персонажи по отношению к нему были лишь статистами. Враги Сталина – губернатор, жандармы, министр и сам царь

были изображены карикатурно и в качестве серьезных противников не воспринимались. Николай II был одет в униформу лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии полка – «в малиновую рубаху с полковничьими погонами и с желтым поясом, плисовые черные шаровары и высокие сапоги со шпорами» [Булгаков, 1990, т. 3, с. 562]. По справедливому замечанию современного историка, эта униформа, хотя и считалась красивой, была слишком уж экзотической и напоминала русское купеческое одеяние [Смирнов, 2024], а потому должна была бы вызывать смех у зрителей. Но все эти недостатки были неизбежны в то время для любой пьесы, где Сталин был главным героем. Генсек должен был выглядеть непогрешимым, и никакой интриги вокруг него невозможно было построить. Неслучайно в фильмах и пьесах 30-х – начала 50-х годов XX века, где присутствовал Сталин, он никогда не был главным действующим лицом и центром драматической интриги, для которой всегда находились неисторические персонажи из народа. Вероятно, Иосиф Виссарионович понимал, что с ним в качестве главного героя лучше «Батума» пьесу все равно не написать и, возможно, разрешил бы булгаковскую пьесу, если бы там не было Наташи.

Заключение

Таким образом, можно согласиться с выводом В. Я. Лакшина, что «Батум» вполне вписывается «в круг сочинений, добросовестно создававших “культ личности” вождя» [Лакшин, 1988, с. 30]. Причины запрета пьесы со стороны Сталина носили не политический, а чисто личный характер, причем Булгаков не мог предполагать заранее, какие именно эпизоды или сюжетные

линии пьесы могут спровоцировать запрет. Ни он, ни руководители МХАТа об истинных причинах запрета так и не догадались. Цензурная же правка пьесы была практически невозможна. Текстуальные параллели между «Мастером и Маргаритой» и «Батумом» носят достаточно случайный характер, и нельзя сказать, что тот или иной персонаж романа послужил одним из прототипов кого-либо из персонажей пьесы. Также нельзя сказать, что Сталину Булгаков пытался приписать какие-то inferнальные черты, в том числе сознательно придавая ему сходство с кем-либо из inferнальных персонажей «Мастера и Маргариты». Писатель использовал отдельные мотивы и эпизоды из «Мастера и Маргариты» в «Ба-

туме» в чисто технических целях – для усиления комического и сатирического эффекта. Но сатира в пьесе была только разрешенная – направленная на царских чиновников и последнего русского царя. А в одном случае в эпилоге «Мастера и Маргариты» отразилась путаница с именем управляющего заводом Ротшильда в первых статьях газеты «Искра», собранных в сборнике «Батумская демонстрация», который стал главным источником Булгакова при работе над «Батумом». Также удалось найти дополнительные доказательства того, что действие происходит на Страстную неделю с 1 по 5 мая 1929 года, проследить связь образа поэта Ивана Бездомного с его прототипом – поэтом А. И. Безыменским.

Библиографический список

1. Авербах Л. Л. О борьбе мировоззрений и о классовой борьбе в нашей литературе // Литературная газета, Ленинград, 1929, 2 мая. С. 2.
2. Батумская демонстрация 1902 года. Москва : Партиздат ЦК ВКП (б), 1937. 134 с.
3. Безыменский А. И. Злые эпиграммы // Литературная газета, Ленинград, 1929, 2 мая. С. 6.
4. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 тт. Т. 3. / Сост. А. А. Нинов. Под ред. Г. С. Гоца, А. В. Караганова [и др.]. Москва : Художественная литература, 1990. 703 с.
5. Булгаков М. А. «Мой бедный, бедный мастер...»: Полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита» / Подготовка текста, предисл., коммент В. И. Лосева ; под ред. Б. В. Соколова. Москва : Вагриус, 2006. 1006 с.
6. Булгакова Е. С. Дневник / сост., текстол. подгот. и коммент. В. Лосева и Л. Яновской; Вступ. ст. Л. Яновской. Москва : Кн. палата, 1990. 400 с.
7. Бушуева А. Сталин и политическая ссылка // Суть времени, № 289-290, 2018, 9 августа.
8. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. Москва : Наука ; Восточная литература, 1993. 304 с.
9. Лакшин В. Я. Судьба Булгакова: Легенда и быль // Воспоминания о Михаиле Булгакове. Москва : Советский писатель, 1988. С. 7–37.
10. Монтефиоре С. С. Молодой Сталин / Пер. с англ. Москва : АСТ, 2014. 576 с.
11. Нинов А. А. «Батум». Комментарии // Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 тт. Т. 3. / Сост. А. А. Нинов ; под ред. Г. С. Гоца, А. В. Караганова [и др.]. Москва : Художественная литература, 1990. С. 689–702.

12. Олюнина В. Армянские мотивы в пьесе Михаила Булгакова «Батум» // Армянский музей Москвы и культуры наций, 2018, 19 сентября.
13. Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина?. Москва : Центрполиграф, 2004. 638 с.
14. Петровский М. С. Мастер и Город. Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев : Дух і Літера, 2001. 367 с.
15. Смелянский А. М. Драмы и театр Михаила Булгакова // Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 тт. Т. 3. / Сост. А. А. Нинов. Под ред. Г. С. Гоца, А. В. Караганова [и др.]. Москва : Художественная литература, 1990. С. 573–609.
16. Смелянский А. М. Михаил Булгаков в Художественном театре. 2-е изд., доп. Москва : Искусство, 1989. 432 с.
17. Смирнов А. А. Полный справочник русской армии к началу Первой мировой войны. Москва : Вече, 2024. 368 с.
18. Суворин А. С. Россия превыше всего / Сост., предисл. и коммент. Ю. В. Климаков / Под ред. О. А. Платонова. Москва : Институт русской цивилизации, 2012. 912 с.
19. Сумская М. Ю. Ранний Булгаков в парадигматике «Кавказского текста» русской литературы / М. Ю. Сумская, В. И. Шульженко // Михаил Булгаков, его время и мы / Под ред. Г. Пшебинды, Я. Свежего. Краков : Wydawnictwo «scriptum», 2012. С. 255–268.
20. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. Москва : Книга, 1988. 672 с.

Reference list

1. Averbah L. L. O bor'be mirovozzrenij i o klassovoj bor'be v nashej literature = On the battle of worldviews and the class struggle in our literature // Literaturnaja gazeta, Leningrad, 1929, 2 maja. S. 2.
2. Batumskaja demonstracija 1902 goda = The Batumi demonstration of 1902. Moskva : Partizdat CK VKP (b), 1937. 134 s.
3. Bezymenskij A. I. Zlye jepigrammy = Angry epigrams // Literaturnaja gazeta, Leningrad, 1929, 2 maja. S. 6.
4. Bulgakov M. A. Sbranie sochinenij = Collected works: v 5 tt. T. 3. / sost. A. A. Ninov. Pod red. G. S. Goca, A. V. Karaganova [i dr.]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. 703 s.
5. Bulgakov M. A. «Moj bednyj, bednyj master...»: Polnoe sobranie redakcij i variantov romana «Master i Margarita» = “My poor, poor master...”: A complete collection of editions and versions of the novel The Master and Margarita / Podgotovka teksta, predisl., komment V. I. Loseva / Pod red. B. V. Sokolova. Moskva : Vagrius, 2006. 1006 s.
6. Bulgakova E. S. Dnevnik = Diary / Sost., tekstol. podgot. i komment. V. Loseva i L. Janovskoj ; Vstup. st. L. Janovskoj. Moskva : Kn. palata, 1990. 400 s.
7. Bushueva A. Stalin i političeskaja ssylka = Stalin and the political exile // Sut' vremeni, № 289–290, 2018, 9 avgusta.
8. Gasparov B. M. Literaturnye leitmotivy. Očerki po russkoj literature XX veka. = Literary leitmotifs. Essays on the XX century Russian literature. Moskva : Nauka; Vostočnaja literatura, 1993. 304 s.

9. Lakshin V. Ja. Sud'ba Bulgakova: Legenda i byl' = Bulgakov's fate: legend and reality // *Vospominaniya o Mihaile Bulgakove*. M.: Sovetskij pisatel', 1988. S. 7–37.
10. Montefiore S. S. Molodoj Stalin = Yang Stalin / per. s angl. Moskva : AST, 2014. 576 s.
11. Ninov A. A. «Batum». Kommentarii = Batum. Commentaries // Bulgakov M. A. *Sobranie sochinenij: v 5 tt. T. 3.* / Sost. A. A. Ninov ; pod red. G. S. Goca, A. V. Karaganova [i dr.]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. S. 689–702.
12. Oljunina V. Armjanskie motivy v p'ese Mihaila Bulgakova «Batum» = Armenian motifs in Mikhail Bulgakov's play “Batum” // *Armjanskij muzej Moskvy i kul'tury nacij*, 2018, 19 sentjabrja.
13. Ostrovskij A. V. Kto stojal za spinoj Stalina? = Who stood behind Stalin?. Moskva : Centrpoligraf, 2004. 638 s.
14. Petrovskij M. S. Master i Gorod. Kievskie konteksty Mihaila Bulgakova = The Master and the City. Mikhail Bulgakov's Kiev contexts. Kiev : Duh i Litera, 2001. 367 s.
15. Smeljanskij A. M. Dramy i teatr Mihaila Bulgakova = Mikhail Bulgakov's dramas and theatre // Bulgakov M. A. *Sobranie sochinenij: v 5 tt. T. 3.* / sost. A. A. Ninov. Pod red. G. S. Goca, A. V. Karaganova [i dr.]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. S. 573–609.
16. Smeljanskij A. M. Mihail Bulgakov v Hudozhestvennom teatre = Mikhail Bulgakov at the Art theatre. 2-e izd., dop. Moskva : Iskusstvo, 1989. 432 s.
17. Smirnov A. A. Polnyj spravochnik russoj armii k nachalu Pervoj mirovoj vojny = A complete guide to the Russian army at the outbreak of World War I. Moskva : Veche, 2024. 368 s.
18. Suvorin A. S. Rossija prevyshe vsego = Russia is above all / Sost., predisl. i koment. Ju. V. Klimakov / Pod red. O. A. Platonova. Moskva : Institut russoj civilizacii, 2012. 912 s.
19. Sumskaja M. Ju. Rannij Bulgakov v paradigmatiche «Kavkazskogo teksta» russoj literatury = Early Bulgakov in the paradigm of the “Caucasian Text” in Russian literature / M. Ju. Sumskaja, V. I. Shul'zhenko // *Mihail Bulgakov, ego vremja i my* / Pod red. G. Pshebindy, Ja. Svezhego. Krakov : Wydawnictwo «scriptum», 2012. S. 255–268.
20. Chudakova M. O. Zhizneopisanie Mihaila Bulgakova = Mikhail Bulgakov's biography. 2-e izd., dop. Moskva : Kniga, 1988. 672 s.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024; одобрена после рецензирования 13.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.
The article was submitted on 16.09.2024; approved after reviewing 13.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 821.161.3
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-73
EDN UBDWLU

**Сублимация психологического анализа в поэзии А. Аврутина
о Великой Отечественной войне**

Елена Владимировна Крикливец

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры белорусской и русской филологии, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск
kriklivec@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4640-0785>

Аннотация. Статья посвящена выявлению и систематизации приёмов психологического анализа в поэзии Анатолия Аврутина о Великой Отечественной войне. А. Ю. Аврутин – современный русскоязычный поэт Беларуси. Его творчество снискало широкую известность и на Родине, и далеко за её пределами. Художественное наследие А. Аврутина демонстрирует как преемственность традиций советской литературы, так и индивидуальные когнитивные и стилевые подходы к постижению и воплощению военного прошлого. Историческая правда о Великой Отечественной войне многогранно и многоаспектно репрезентуется в лирике автора: А. Аврутин осмысливает войну и как социальный, и как экзистенциальный феномен, изображает судьбу отдельной личности в контексте исторического пути нации и народа. При этом социальные закономерности соотносятся с народными эсхатологическими представлениями о природных циклах умирания и возрождения, когда сам факт гибели становится залогом возрождения жизни, её продолжения. Психологическая глубина военной поэзии А. Аврутина детерминирована спецификой пространственно-временного континуума произведений, особенностями организации лирического сюжета, библейской и мифологической цитацией, фольклорными стилизациями. Поэт исследует духовный диапазон участников и очевидцев войны от расчеловечивания до образцов моральной стойкости и силы духа, затрагивает ранее табуированные темы, реконструируя психологическую логику предательства. Интертекстуальная основа ряда стихотворений имплицитно национальный культурный код, свидетельствующий о том, что историческая память о войне трансформируется в память генетическую, определяя актуальную аксиологическую ориентацию русского и белорусского народов на сохранение идеалов добра, справедливости, веры и любви.

Ключевые слова: современная литература; белорусский литературный процесс; поэзия; Великая Отечественная война; психологизм; интертекстуальность; мифологическая цитация

Для цитирования: Крикливец Е. В. Сублимация психологического анализа в поэзии А. Аврутина о Великой Отечественной войне // Мир русскоговорящих

стран. 2024. № 4 (22). С. 73-92. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-73>.
<https://elibrary.ru/UBDWLU>.

Original article

**Sublimation of psychological analysis in A. Avrutin's poetry
about the Great Patriotic war**

Elena V. Kriklivets

Doctor of philology, associate professor, professor at the department of Belarusian and Russian philology, Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Republic of Belarus, Vitebsk

kriklivec@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4640-0785>

Abstract. The article focuses on identifying and systematizing the techniques of psychological analysis in Anatoly Avrutin's poetry about the Great Patriotic War. Anatoly Yurievich Avrutin is a contemporary Russian-speaking poet of Belarus. His work has gained wide popularity both in his homeland and far beyond its borders. A. Avrutin's artistic heritage demonstrates both the continuity of Soviet literary traditions and individual cognitive and stylistic approaches to understanding and portraying the military past. The historical truth about the Great Patriotic War is represented in the author's lyrics in a multifaceted and multi-aspect manner: A. Avrutin comprehends the war as both a social and an existential phenomenon, depicts the fate of an individual in the context of the historical path of a nation and a people. At the same time, social patterns are correlated with popular eschatological ideas about the natural cycles of dying and rebirth, when the very fact of death becomes a guarantee of the revival of life, its continuation. A. Avrutin's war poetry has a psychological depth determined by the specific spatial-temporal continuum of the works, the specific organization of the lyrical plot, biblical and mythological citations, folkloric stylization. The poet explores the spiritual spectrum of war participants and eyewitnesses from dehumanization to moral fortitude and strength of spirit; he touches upon previously taboo topics, reconstructing the psychological logic of betrayal. The intertextual basis for a number of poems implies a national cultural code, indicating that the historical memory of the war is transformed into genetic memory, determining the current axiological orientation of the Russian and Belarusian peoples to preserve the ideals of goodness, justice, faith, and love.

Key words: contemporary literature; Belarusian literary process; poetry; Great Patriotic War; psychologism; intertextuality; mythology citation

For citation: Kriklivets E. V. Sublimation of psychological analysis in A. Avrutin's poetry about the Great Patriotic war. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 73-92. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-73>.
<https://elibrary.ru/UBDWLU>.

Введение

Творчество А. Ю. Аврутина широко известно как в Беларуси, так и за её пределами. В течение четверти века

А. Аврутин является главным редактором журнала «Новая Немига литературная», на страницах которого увидели свет произведения, определившие

развитие литературного процесса как в Беларуси, так и в России. Поэт живо откликается на все вызовы времени, создавая психологически точные картины исторического прошлого и современности, многие его строки звучат пророчески. Совершенно очевидно, что автор, чьё детство пришлось на первые послевоенные годы, с особым трепетом и волнением подходит к осмыслению темы Великой Отечественной войны и трагического прошлого нашего народа. Личная боль и личная память в стихах поэта становятся метонимией исторической памяти, создают основу психологически достоверных образов и ярких авторских находок в построении лирического сюжета, глубоких филологических обобщений.

Методы исследования

В работе использованы культурно-исторический и сравнительно-типологический методы, позволившие ввести новейшие произведения А. Аврутина в научный обиход, выявить способы литературной рефлексии и вектор индивидуальных творческих поисков автора.

Результаты исследования

В современной поэзии осмысление событий Великой Отечественной войны представляет собой как рефлексию литературного наследия предшественников, так и попытки отыскать свой авторский подход к художественному постижению исторической правды, воплощению личной (семейной) и генетической памяти, импликации социальных и культурных национальных кодов. Разумеется, поэтические произведения военной, а точнее – антивоенной – направленности составляют лишь некоторую часть политематической и многожанровой поэзии невоёвавших. Сти-

хотворения такого рода присутствуют в творческой копилке современных авторов как способ осознания индивидуального пути в контексте исторического пути своего народа, способ транспонировать события прошлого на внешнеполитические вызовы дня сегодняшнего, способ обозначить свою гражданскую позицию. Потому закономерно, что современная белорусская поэзия о Великой Отечественной войне на рынке художественной литературы представлена коллективными сборниками или тематическими подборками в литературно-художественных изданиях [Званоў перазвон, 2023; Незабыўнае рэха вайны, 2023; Па праву жывога, 2014; Плеханова, 2014; Победители, 2015]. Нельзя не отметить, что художественная проза о Великой Отечественной войне изучена значительно лучше, нежели поэзия, о чём свидетельствуют как отдельные исследования современных российских и белорусских литературоведов [Аристов, 2010; Ковтун, 2020; Крикливец, 2024; Крыкливец, 2024; Маркова, 2016; Скаковская, 2015], так и сборники материалов научных конференций, посвящённые данной тематике [Вторая мировая ... , 2015; Литература в контексте ... , 2020]. Можно предположить, что формы художественного осмысления военного прошлого, представленные в поэзии, требуют особого методологического подхода и научной презентации.

Поэтическое мышление А. Аврашина масштабно. Когнитивные модели автора представлены и индуктивными, и (что обычно не характерно для лирики) дедуктивными способами постижения военного прошлого. Так, в ряде стихотворений поэт пытается осмыслить войну как социальное и – шире – как общечеловеческое явление,

постижь социальные и экзистенциальные закономерности, которые детерминируют неизбежную повторяемость военных конфликтов в истории цивилизации.

В стихотворении «Не со щитом, так хоть на щит...» противопоставлены два исконных занятия человека: сеять и воевать. Антиномия созидания и разрушения воплощена в образе-символе поля, которое одновременно выступает и полем брани, и полем, на котором рстят хлеб. В произведении реализуется архетип незасеянного поля как метафоры непрекращающихся военных конфликтов:

Опять идут за татью тать,
гремя в тумане.
И нету времени вспахать
то поле брани

[Аврутин, 2022, с. 57].

Примечательно, что ещё одним ключевым образом в символике стихотворения становится образ иволги, который в народных мифологических представлениях традиционно связывается с трудолюбием и смирением, любовью к своему делу. В произведении А. Аврутина изображена кричащая (а не поющая) иволга, тревожно снующая над бранным полем:

Не со щитом, так хоть на щит...
Средь росной рани
о чём там иволга кричит
на поле брани?

[Аврутин, 2022, с. 57].

В предложенной коннотации образ иволги может быть интерпретирован как предупреждение человечеству о возможности самоистребления. Иволга названа в стихотворении «божьей» птичкой, поскольку божественное начало – мирное и созидательное, однако в человеческом сообществе далеко не всегда чтутся законы добра, справедли-

вости и милосердия, а потому крикам иволги не придаётся должного значения и выражение «птичка божья» приобретает ироническую окраску:

У раздорожья
о чём там иволга кричит? –
так птичка ж божья...

[Аврутин, 2022, с. 57].

Хронотоп стихотворения «Нам велел господарь...» соотносится с периодом средневековья и повествует о завоевании Руси монголо-татарами. Однако историческая основа стихотворения выступает лишь поводом для авторского размышления о комплексе гуманитарных проблем в парадигме «человек и война». Война – явление, противное человеческой природе. Войны развязываются из-за политических амбиций «господарей», а в результате проливается кровь подданных. Эта горькая закономерность выявлена и в поэтических строках А. Аврутина:

Нам велел господарь
не жалеть на противника порох.
Да и собственной крови
велел не жалеть нам, как встарь.
И хрипело в груди,
пот кипел в цепенеющих порах,
и махал нам рукой,
и смеялся во след господарь

[Аврутин, 2022, с. 81].

Эта мысль подтверждается и выражением «прикипали к шеломам // вспотевшие враз волоса» [Аврутин, 2022, с. 81]. Архаическая форма «шелом» содержит аллюзию на «Слово о полку Игореве», где анонимный автор осуждает амбициозного князя, возжелавшего «испытать шеломам Дону».

Война ожесточает человека, пробуждает в нём низменные инстинкты, позволяющие испытывать эйфорию от собственной жестокости:

Не слыхав про экстаз,
мы метались в кровавом экстазе,
меч вонзая в убитых, –
а вдруг, полежа, оживёт?

[Аврутин, 2022, с. 81].

При этом уникален взгляд поэта на исход войны, который, казалось бы, должен состоять в продолжительной взаимной непримиримости и национальной разобщённости. А. Аврутин моделирует иную версию, восходящую к глубинным эсхатологическим представлениям:

Мы им – головы с плеч,
они женщин брюхатили наших,
перемешаны крови ...

Но все же родился народ

[Аврутин, 2022, с. 82].

Война – общечеловеческая трагедия, социальная катастрофа, после которой требуется длительное восстановление. Повторяемость войн и их последствий в истории человечества сродни мифологическим природным циклам умирания и возрождения, когда сам факт гибели становится залогом продолжения жизни. Антиномия жизни и смерти обуславливает амбивалентную сущность человеческого характера, содержащего и стремление к созиданию, и генетическую память о пережитых разрушениях, и осознание того, что, в конечном итоге, нас связывает «одно на всех пепелище» [Аврутин, 2022, с. 82]:

Как его разделить,
хоть уже наплодилось умельцев,
только ужасы помнить,
не помня связующих вех?

Тут поди отличи
поджигателей от погорельцев,
коль одно пепелище,
одно пепелище на всех...

[Аврутин, 2022, с. 82].

Попытку создания альтернативной истории предпринимает А. Аврутин в стихотворении «Кутузов». Сопоставляя исторические обстоятельства двух войн, получивших в связи с небывалой масштабностью и всенародным значением наименование «Отечественных», поэт размышляет как о роли личности в истории, так и о «концепции личности», которую порождает конкретная эпоха. «Встраивая» личность М. И. Кутузова и его решение сдать Москву неприятелю в «декорации» советской эпохи, А. Аврутин справедливо предполагает бесславный трагический финал:

А это значит – скорый трибунал...

Разжалован, а следом и расстрелян,
он просто б послужил «высоким
целям» –

кто сдал Москву,

Берлина бы не взял...

[Аврутин, 2022, с. 255].

Заметим, что навряд ли поэт выражает сомнение в том, что толстовская концепция исторического фатализма была нежизнеспособна в годы Великой Отечественной войны. Хотя, безусловно, А. Аврутин апеллирует, скорее, к литературному образу М. И. Кутузова, сложившемуся в творческом наследии М. Лермонтова и Л. Толстого, нежели к его реальному прототипу. Поэта интересует гуманистическая основа образа полководца, берегущего армию и верящего в силу духа и самосознание народа, продемонстрировавшего моральное превосходство над неприятелем. Вера полководца в свой народ, закреплённая в памятниках литературы, рождает эту же безусловную веру и у потомков великой битвы: «люди помнят: // “Мы их победили...” // В день поражения... // В день Бородины...» [Аврутин, 2022, с. 255]. Совет-

ский же политический дискурс требовал от человека конкретных доказательств силы духа и гражданской позиции, формировал концепцию личности, в любой момент способной на подвиг. Оправдала ли себя эта стратегия? Как во время военных действий находить баланс между исторической необходимостью и гуманистическими идеалами? Вот круг вопросов, которые война ставит перед личностью и государством, и на которые ищет ответы А. Аврутин, опираясь на свою поэтическую и человеческую картину мира.

Продолжая исследовать войну как социальное явление, А. Аврутин обращается к событиям Гражданской войны. Стихотворение «Только цокот копыт, только лютые сабли кривые...» построено на приёмах поэтического обобщения и развёрнутой метафоры: противоборствующие стороны воплощены в образах красного и белого коней, стирающих в прах пространство бывшей империи:

Красный бешеный конь – вот уже половина России,

а вторая – такой же, но белый взбесившийся конь.

И несутся они, в пепелище страну обращая,

каждый – с правдой своей,

каждый – с храбрым своим седоком.

И кровавой войне ни конца не видать и ни края,

лишь сторевшее жито да кровь над пробитым виском...

[Аврутин, 2022, с. 42].

Упоминание о наличии у непримиримых противников «своей правды», само признание этого факта – выстраданной правоты каждой из сторон – генетически роднит данное стихотворение А. Аврутина с произведениями

античной трагедии, конфликт в которых строился на столкновении двух «правд», обусловленных социальными и моральными принципами их носителей. Зритель сочувствовал обоим антагонистам, испытывая катарсис в результате драматического разрешения конфликта. Такой взгляд на историю Гражданской войны в XX веке демонстрирует в своих полилогичных эпических полотнах М. Шолохов.

Однако природа аллегории в стихотворении А. Аврутина не только социальна. В произведении представлены христианские культурные коды, отсылающие читателя к шестой главе Откровения Иоанна Богослова:

Красный конь... Белый конь...

Каждый был половиной России...

На дороге пустой ни следа от тяжелых копыт.

Утром шишка слетит на траву...

И увидишь спросонок,

там, где бурые сосны угрюмо бредут стороной,

на неровной полянке копытами бьет жеребёнок...

Он не белый, не красный... Он утренний... Он вороной...

[Аврутин, 2022, с. 42].

Последовательное перечисление красного, белого и, наконец, вороного коней может быть интерпретировано как аллюзия на троих из четырёх всадников Апокалипсиса. В контексте этой аллюзии стихотворение А. Аврутина приобретает прогностическое звучание, потому что всадники на белом, красном и чёрном конях уже появились, и если человечество не остановится – встреча со всадником на белом коне неизбежна...

Можно заключить, что в творчестве А. Аврутина война осмысливается не только как социальная, но и как экзи-

стенциальная категория. Лирический сюжет стихотворений опирается на конкретные страницы военной истории, при этом в их референтной позиции содержатся духовные и культурные импликации, отражающие аксиологическую ориентацию автора.

Психологические закономерности войны поэт выявляет, вглядываясь в лица её участников и очевидцев. В стихотворении «Парад 1939 года» читателю открывается закулисы большой политической игры, в которую будет вовлечена половина мира. А. Аврутин создаёт достоверные психологические портреты советского комбрига С. Кривошеина и немецкого генерала Г. Гудериана. Обилие точных художественных деталей и ярких эпитетов характеризуют самодовольство и лицемерие германского офицера: «напыщенный Гудериан» [Аврутин, 2022, с. 13], «чванливого Гудериана» [Аврутин, 2022, с. 14], беседа на трибуне «для порядка» [Аврутин, 2022, с. 13]. При этом от поэта не ускользают истинные намерения амбициозного немца:

А немец стоит на трибуне-временке
и думает, щуря нордический глаз,
как будет гореть эти русские танки,
когда он отдаст настоящий приказ...

Когда он пристрелит еврея-комкора,

посмевшего руку арийцу пожать...

[Аврутин, 2022, с. 14].

Намечающееся военное противостояние считывается в молчаливом психологическом поединке двух командующих парадом офицеров. Автор стихотворения не сомневается в проницательности будущего генерала Красной Армии:

Пока же парад... Воевать ещё рано.
И снова комбриг, понимая обман,
жмёт руку чванливого Гудериана,
и *честь отдаёт ему* Гудериан

[Аврутин, 2022, с. 14].

Фраза, завершающая произведение, «и честь отдаёт ему Гудериан» приобретает в контексте лирического сюжета новое значение. Это уже не только и не столько армейское приветствие, сколько признание бесчестия немецко-фашистских оккупантов и морального превосходства победителей.

Одним из чудовищных преступлений фашистов в годы войны стало создание на территории Беларуси полутора десятков детских донорских центров, где у ребят отнимали кровь на нужды немецкой армии. Это страшную и ранее не тиражируемую тему поднимает А. Аврутин в стихотворении «— Я з Крыніц... Жыва пакуль...». Для наибольшего эмоционального воздействия на читателя поэт использует оригинальный способ субъектной организации произведения, формируя не только дискурс повествователя, но и делая субъектами высказывания самих детей, обречённых на гибель:

— Я з Крыніц... Жыва пакуль...

Зваць Алесья.

— З Докшыц я... А ты адкуль?

— Я з Палесся...

[Аврутин, 2022, с. 14].

В лексико-стилистическом оформлении стихотворения находит отражение ситуация белорусского билингвизма, когда дискурс русскоязычного повествователя сменяется фразами белорусских ребятишек на родном для них языке. Языковая игра в целом становится сюжетообразующей и смысловой доминантой произведения. Целый комплекс морально-этических проблем, связанных с массовым детоубийством, поэт мастер-

ски решает при помощи нескольких лингвистических замечаний:

И фашист, набравшись сил,
встав с кровати,
нет, не «мутер» говорил,
плакал: «Маці...»

И не мог никак понять,
хромоножка,
почему назвать кровать
тянет «ложкам»?

[Аврутин, 2022, с. 15].

Белорусские слова, неожиданно всплывающее в сознании немецкого солдата, свидетельствуют и о масштабе духовной деградации фашистской армии, и о необходимости отвечать за содеянное, и о разности национально-ментальных кодов. Последнее – всё чаще становится предметом исследования современных филологов, социологов, антропологов [Jürgen, 1995; Ковтун, 2020; Пленков, 2014]. А. Аврутин утверждает: кровь белорусских детей навсегда – на совести немецко-фашистских захватчиков:

Не понять ему – бандит –
в мракобесье:
кровь Миколаы говорит,
кровь Алеси...

[Аврутин, 2022, с. 15].

В стихотворении «Минское гетто» А. Аврутин не только повествует о страшных драматических событиях военной истории, но и исследует психологию предательства. Называя по имени жертв полиция, поэт оставляет безмянным его самого: человек, предавший Отечество, не достоин носить имя. При этом А. Аврутин пытается понять истоки человеческой жестокости и морального падения:

А полицай – тот, что был соседом,
хромую Двойру пристрелит следом.
За что той Двойре сыра могила?
За то, что чаем его поила,
когда его озверевший батя,
едва с похмелья, вставал с кровати,
лупил своих, доброты не зная...
Вспоила, Двойрушка, полицай

[Аврутин, 2022, с. 21].

Поэт прослеживает, как привычная с детства жестокость становится нормой жизни, что приводит к духовному растлению. Но самое пугающее заключается в замалчивании и искажении фактов, без которых ни генетическая память народа, ни историческая память государства не может быть полной, а значит, урок военной истории останется неувоенным:

Трава – Нахима, трава – Нехама...
Трава сквозь камни растёт упрямо
туда, где внук полицай снова
твердит, что не было здесь такого...

[Аврутин, 2022, с. 21].

Тему Холокоста продолжает в военной поэзии А. Аврутина стихотворение «Баба Эйдля». Несколькоими точными штрихами автор передаёт глубину скорби пожилой женщины, потерявшей семью:

Воротилась домой, чуть от Минска
откатились на запад бои.
Табурет раздобыла и миску,
услыхала: «Погибли твои...»
Обезумела?.. Нет, оставалась
всё такой же – тишайшей всегда.
Только спину согнула усталость
да в зрачках поселилась беда

[Аврутин, 2022, с. 64].

Заметим, что стихотворение «Баба Эйдля» выбивается из ряда произведений о тяжёлой доле женщин в военные и послевоенные годы, которых немало в современной белорусской поэзии о Великой Отечественной войне. Идей-

но-художественная концепция стихотворения значительно шире. Социальную проблему «человек и война» А. Аврутин переводит в экзистенциальную плоскость «человек и человек». Душевная щедрость позволила еврейской женщине разглядеть в пленном немецком капрале человека, которого, как и её саму, война лишила всего, даже человеческого облика:

И порою глядела подолгу,
как оборванный пленный капрал
нёс раствор... И кусочками щёл-
кал...

И огрызки в карман собирал.
Просто так, молчаливо глядела,
шла домой, не сказав ничего.
И светилось немывтое тело
сквозь прорехи в шинельке его

[Аврутин, 2022, с. 65].

Поделиться последним не с другом, а с врагом – вот истинное проявление гуманизма, которое даже в солдате фашистской армии рождает человечность. Две картофелины... две брикетины угля... два человека, заглянувшие в души друг друга... Поднимая нравственную планку максимально высоко, поэт признаёт, что эта высота подвластна далеко не всем:

Пусть соседи глядели с издёвкой,
бормотали, кто больше речист:
«И взяла... Ну, понятно, жидовка...
И принес... Ну, понятно, фа-
шист...» [Аврутин, 2022, с. 65].

О том, как далеко этому миру до высоких идеалов человечности, свидетельствуют пронзительные финальные строки стихотворения:

А она растопила незряче
печку торфом, что фриц удружил...
И зашлась удушающим плачем,
а над крышами пепел кружил...

[Аврутин, 2022, с. 65].

Символика кружащегося над крышами пепла – это и напоминание о дымящихся печах крематориев в фашистских концлагерях, о сотнях сожжённых оккупантами белорусских деревень, и печальное размышление автора о том, что воскрешать мир на пепелище прошлого очень непросто.

Стихи А. Аврутина о войне констатируют: война калечит человека физически и духовно. Для того, чтобы утвердить читателя в этой мысли, настоящему поэту не нужны пламенные публицистические воззвания – достаточно одного умелого поворота в лирическом сюжете или одного точного штриха к психологическому портрету героя – и коммуникативная стратегия автора становится очевидной.

А мужское
чинил он бесплатно,
«за так»,
если редкий клиент
на верстак его старый
ставил пахнувший порохом
грубый башмак
иль кирзовый сапог,
не имеющий пары

[Аврутин, 2016, с. 27].

Эти несколько строк из стихотворения «В сорок пятом сапожнику трудно жилось...», на первый взгляд, представляют собой обычную бытовую зарисовку, которая раскрывает перед нами исчерпывающую картину послевоенного социально-экономического кризиса. Чинить «за так» обувь фронтовикам – знак уважения и благодарности тем, кто, жертвуя собой, в боях отстоял Родину. Мужчины – клиенты у сапожника редкие, поскольку война «косила» в первую очередь их. Не имеющий пары кирзовый сапог – воплощение индивидуальной трагедии, приобретающее метонимическое зна-

чение. Поэзия А. Аврутина – яркий пример того, как смыслы, мастерски вложенные автором в произведение, точно пластины веера, раскрываются перед читателем, способным думать и понимать.

У лирического героя стихотворения «Щенят собрал хозяин неторопоко...» война отняла самых близких людей, лишила привычной системы нравственно-этических координат. Фашисты продемонстрировали беспримерную жестокость, и, ставший свидетелем кровавой расправы над матерью и сестрёнкой, «хозяин» уже не считает жестокостью те поступки, которые не лишают человека жизни. Безусловно, герой, переживший в детстве чудовищную трагедию, заслуживает сочувствия и понимания. С этими сочувствием и пониманием и оставил бы автор читателя, если бы не одна деталь, меняющая восприятие всего произведения:

И он умолк. К ногам дочурка жалась,
в глазах неся совсем не детский страх.

И сединою мудрость пробивалась
в его космато-бурых волосах
[Аврутин, 2022, с. 257].

Морально искалеченный войной ребёнок, став взрослым, не способен уже своему ребёнку обеспечить базовую потребность в безопасности. И самое драматичное, что эта опасность кроется не вне дома, а внутри него, исходит от родного человека. У «хозяина» размыты границы допустимого, от чего страдают зависимые, незащитные и любящие его существа: маленькая дочка, верная собака. Модус трагического в стихотворении обусловлен тем, что противостоять расчеловечиванию уже поздно и невозможно:

И не было ни голоса, ни знака...
Съедала плесень тёмные венцы.

Да у крыльца побитая собака,
скуля, несла тяжелые сосцы

[Аврутин, 2022, с. 257].

Любопытный ракурс осмысления категории вины, появившейся в современной поэзии о Великой Отечественной войне, предлагает А. Аврутин в стихотворении «Автобус в пятьдесят четвёртом». Поэт моделирует ситуацию, типичную для любого социума: слепой побирuşка промышляет в пригородном автобусе исполнением незамысловатых песен. Как правило, в этой ситуации чувство, если не вины, то неловкости, испытывают пассажиры, потому что они относительно благополучны, потому что не хотят или не могут подать исполнителю, потому что их подаяние не исцелит инвалида и не изменит его судьбу... Однако А. Аврутин в очередной раз убеждает читателя в том, что война разрушает не только привычный уклад жизни, но и привычную систему ценностей. Люди, пережившие войну, потерявшие родных и близких, словно очерствели душой, замкнулись в своём горе, силясь его преодолеть. И потому чужая беда не представлялась им значительнее их собственной:

И обмануть он был не в силах
тех, кто на фронте землю грыз,
тех, кто с войны всё ждали милых,
хоть знали, что не дождались

[Аврутин, 2016, с. 29].

Каждый приспособливался и справлялся с болью, как мог, послевоенная действительность не располагала к состраданию: нужно было возвращаться к жизни и поднимать страну. И потому буднично и справедливо звучат слова уставшей женщины:

И рукавом прикрыв зевоту,
сказала женщина одна:
«Послушай, парень, ты б работал,
а побирушке – грош цена...»

[Аврутин, 2016, с. 29].

Автобус в пятьдесят четвёртом являл собой микромодель общества, в котором взывать к жалости, быть беспомощным и просить милостыню стыдно. Меряться бедами было так же стыдно, как стыдно было отсиживаться в тылу в то время, когда Родина подвергалась нападению немецко-фашистских захватчиков. Человек, не имеющий возможности быть полезным Родине, не соответствовал концепции личности, которую выдвигала эпоха. Категория вины в данном стихотворении А. Аврутина формируется посредством тесного переплетения индивидуального и социального и отражает экзистенциальный кризис не только отдельной личности, но и трансформированного войной социума:

Слепец ссутулился. Неловко
шагнул к дверям. Умолк. Раскис.
А перед самой остановкой
у парня плечи затряслись.

Чего стыдился, что он понял,
о чём страдал всего сильней –
о том, что пусто на ладони
иль что ослеп не на войне?

[Аврутин, 2016, с. 29].

О нелёгкой доле женщин в военные и послевоенные годы написано много. Идеино-тематическая направленность подобного рода произведений предсказуема: невыносимо тяжёлая работа, гибель родных, женская тоска по сильному мужскому плечу или одинокая старость. В поэтическом наследии А. Аврутина есть стихотворения, содер­жательно примыкающие к данному корпусу произведений. Следует отме-

тить, что, затрагивая традиционные для военной литературы темы, поэт ищет и находит нетривиальные подходы к их раскрытию. Так, пространственно-временной континуум стихотворения «Курит женщина в коридоре...» соотносится с 80-ми годами прошлого столетия: обычный день в обычной городской квартире. Но проницательному взгляду автора-повествователя открываются многие нюансы, на которые обыватель может не обратить внимания: женщина курит «Беломор», из-под рукава у неё виднеются некие цифры, а наивные догадки детей заставляют её расплакаться:

Разве можно об этом громко?
Видишь – плечи уже дрожат.
Отойди, отойди в сторонку,
подрастёшь – растолкую, брат...

Курит женщина, слёзы прячет,
и никак не поймет пострел –
кто же страшный решать задачи
на руке у неё посмел?..

[Аврутин, 2022, с. 256].

Акмеистическая точность использования художественных деталей даёт поэту возможность в четырёх строфах описать индивидуальную трагедию героини, показать бессмысленность диалога между поколениями с разным социальным и жизненным опытом, поделиться подспудным чувством вины от бессилия изменить прошлое.

Думается, в современной белорусской литературе найдётся не много авторов, осмысливающих античеловеческую сущность войны через категории любви и ревности. А. Аврутин филигранно делает это в стихотворении «Знала – не любит...». Лирическая героиня стихотворения дважды переживает потерю любимого: первый раз –

узнав о его измене, второй – получив похоронку:

Даже не знала,
кто же она –
другая?
Фронт... Похоронка...
Замолкла война
в мае

[Аврутин, 2022, с. 258].

Выверенный телеграфный стиль письма, короткие рубленые фразы, номинативные и эллиптические предложения, словно метроном, отсчитывают минуты, дни, годы душевной боли, которую испытывает героиня. О глубине пережитых страданий свидетельствует поседевшая враз коса. Происходит и встреча лицом к лицу с соперницей, но эта встреча уже ничего не меняет, скорее, роднит женщин в их общем горе:

Вышла – седая –
цветочек на шлях
бросить.
Видит –
еще у одной в волосах
проседь...

[Аврутин, 2022, с. 258].

Война изменила привычный ход вещей: даже в любовном треугольнике появляется ещё одна невидимая соперница – смерть – бороться с которой не под силу ни одной из любящих женщин.

Стихотворение «Грушевка» выдержало множество переизданий, стало «хрестоматийным» примером современной поэзии и Великой Отечественной войне. В первой строфе поэт не только и не столько повествует о тяжёлой участи женщин в послевоенные годы, сколько указывает на истинное женское предназначение, которое раскрывается даже в бытовых повседневных действиях: созидать, восстанавливать мир, врачевать раны, возвращать к жизни:

Стирали на Грушевке бабы,
подолы чуток подоткнув.
Водою осенней, озяблой,
смывали с одёжки войну

[Аврутин, 2022, с. 31].

В грубой действительности, среди «озяблой» осени, водой из дощатой колонки бабы «прерывистой ниточкой тонкой» связывают между собой прошлое и будущее, смывают войну с себя и своих близких. Стирка в поэтическом кругозоре А. Аврутина становится метафорой очищения и возрождения.

От взглядов работу не пряча,
и лишь проклиная её,
стирали обноски ребячьи
да мелкое что-то своё...

[Аврутин, 2022, с. 32].

За нарочитой обыденностью изображаемой картины: бабы, проклинаящие ежедневную рутинную работу, ледяная вода, обжигающая натруженные руки, поношенные детские вещи, – прочитывается надежда на возвращение к мирной жизни, присутствует упоминание на дискурс детства («обноски ребячьи»), а дети в художественной литературе – всегда символ будущего. Стихотворение «Грушевка» изоморфно народным эсхатологическим представлениям об умирании – очищении – возрождении, которые всегда соотносились с привычными бытовыми циклами крестьянского труда. Залогом будущего возрождения видится и возвращение в семью мужчины-кормильца, продолжателя рода:

И дружно глазами тоскуя,
глядели сквозь влажную даль
*на ту, что рубаху мужскую
в тугую крутила спираль...*

[Аврутин, 2022, с. 32].

И пусть выстиранная мужская сорочка становится предметом зависти товарок, но семантическая направленность стихотворения убеждает читателя в том,

что жизнь, несмотря ни на что, будет продолжаться.

Некоторые стихотворения А. Аврутина о войне содержат элементы фольклорной эстетики или стилизованы под жанры устного народного творчества. Так, стихотворение «На золотом крыльце сидели...» имеет авторский подзаголовок «Детская считалочка». И действительно, на уровне сюжетно-композиционной организации обыгрывается известный текст упомянутого произведения детского фольклора. Заметим при этом, что автор не пытается соблюдать ритмическую структуру считалочки, создавая свой собственный метрический рисунок, соответствующий коммуникативной задаче стихотворения:

На золотом крыльце сидели,
момент не очень оценив,
царевич в воинской шинели –
так ослепительно красив;
сапожник, что рукою ловкой
мог подогнать любой каблук;
портной... У каждого винтовка.
И под сердечный перестук
они вдыхали с яблонь запах,
подобный терпкому вину.
А завтра им – кому на запад,
кому – в другую сторону...

[Аврутин, 2024].

Кроме того, в произведении присутствует цитация известного стихотворения М. Исаковского «Прощание» (песня на эти стихи получила широкую известность в исполнении Л. Утёсова). Приём интертекстуальности позволяет создать контраст между лёгкостью прецедентных текстов и драматизмом военных событий, описанных в стихотворении, выявить на этом контрасте и глубину страдания лирической героини, и антигуманистическую природу войны в целом:

«На золотом крыльце сидели...»

И бормотал поникший сад
про три пробитые шинели,
в которых не пришли назад,
И свет не гас в оконце слева,
где ночью мучилась без сна,
без подданных – не королева,
и не вдова... И не жена...

[Аврутин, 2024].

Приём смыслового контраста игровой формы и трагического содержания использует А. Аврутин и в стихотворении «Эники-беники ели вареники...». Здесь уже поэт сохраняет привычный ритм считалочки, присущие этому фольклорному жанру паузированность и лаконичность фраз. Психологический эффект воздействия на читателей, достигаемый подобного рода контрастом, сродни «Моей цыганской» В. Высоцкого, где поэтический текст, раскрывающий социальные и духовные противоречия эпохи, исполнялся под разгульную цыганскую мелодию. Поэтическое мастерство А. Аврутина позволяет в трёх строфах стихотворения затронуть и табуированную ранее тему противоборства человека не только с внешним врагом, но и с казарменной системой, и рассказать о геноциде еврейского народа в годы войны, и дать глубокую философскую оценку прошлого с христианских позиций:

Эники-беники ели вареники...
Ельня... Сражение... Плен.
Как окруженец, записан в изменники
«Эник» – Захаров Э. Н.

Эники-беники ели вареники –
всё без вражды и обид.
Беня, как многие прочие «беники»,
в киевском гетто убит.

Эники-беники... Нравы и облики
канули... Друженько, в ряд,
как на вареник, усевшись на облако,
Эник и Беник парят

[Аврутин, 2022, с. 256].

О генетической, кровной связи с фронтовиками, которые отстояли мир, свободу и независимость пишет А. Аврутин в стихотворении «Погоди, не умирай, слышишь, дядя Гриша?!». Лирический герой стихотворения переживает интериоризацию военного прошлого, испытывает тёплую сыновнюю привязанность к представителям поколения, пережившего войну, страшится утраты тех нравственных ценностей, носителями которых они являются:

Ты во дворик выходил чуть сутуловато,
по свистулке вырезал шустрой ре-
бятне...

Мы с тобой почти родня – как же
без тебя-то? –

*ты ведь был с моим отцом на од-
ной войне*

[Аврутин, 2016, с. 28].

Память о пережитой войне – связу-
ющее звено в цепи поколений. Этот
урок был дан человечеству, чтобы осо-
знать противоестественность войны, её
гибельность для всего живого, её раз-
рушительное влияние не только на раз-
витие цивилизации, но и на моральный
облик людей. Не случайно в стихотво-
рении «Один убит... Другой, ещё про-
ворен...» суровой реальности войны
поэт противопоставляет маленькую
букашку, воплощающую в конкретный
момент своего существования великую
мудрость природы, декларирующей
жизнь и процветание, а не смерть и
разрушение:

А может быть, на рамочку прицела,
когда напротив сердца был прицел,
букашка неразумная присела
и на мгновенье выстрел не успел?..

[Аврутин, 2022, с. 254].

Исторический путь нашего народа
наполнен внешнеполитическими вызо-
вами. Современная ситуация не ис-

ключение. Вполне естественно, что в
поэтическом сознании (как в человече-
ском сознании вообще) возникают во-
просы о том, закончатся ли войны в
истории человечества, созреет ли оно
для осознания и принятия мира как
высшей ценности, не были ли напрас-
ными жертвы минувшей войны, или её
уроки до сих пор не усвоены? Эти гло-
бальные и как никогда актуальные во-
просы А. Аврутин поднимает в ряде
стихотворений, открывая цикл раз-
мышлений произведением «Монолог
из неизвестности». Субъектом лириче-
ского высказывания становится неиз-
вестный солдат, погибший в годы Ве-
ликой Отечественной войны. Лириче-
ский герой не имеет имени, не обозна-
чено и место его захоронения, для ин-
дивидуализации своего героя поэт ис-
пользует лишь некоторые бытовые
детали его довоенного прошлого:

Я на фронт уходил –
земляником дышали поляны.

Думал, что ворочусь
через месяц, ну пусть
через год.

Как же имя моё?

Столько лет я лежу
безымянный,

в головах у меня

лишь одна земляника растёт

[Аврутин, 2022, с. 19].

Оставляя в безвестности имя солдата
и его могилу, поэт абсолютизирует по-
нятие «неизвестный солдат», апеллирует
к традициям экзистенциальной воен-
ной прозы 70-х годов прошлого века, в
которой наблюдалась намеренная деге-
роизация описываемых событий с це-
лью вывести на первый план их нрав-
ственно-психологическую значимость.
Важно, что лирический герой не испы-
тывает сожалений ни о прожитой ко-
роткой жизни, ни о своей безвременной

кончине. Главный его вопрос звучит в финале стихотворения. Ответ на него должен стать оправданием и жизни, и смерти героя. Однако именно в недосказанности видится реализация коммуникативной стратегии произведения:

Мне бы только узнать,
кто из наших домой воротился
и в каком же году
всё ж закончилась
эта война?..

[Аврутин, 2022, с. 20].

Вопрос, действительно ли войну можно считать завершённой, является риторическим и в стихотворении «Бредёт навстречу дряхленький Мирон...». Образ Мирона – бывшего фронтовика, а ныне выжившего из ума дряхлого старика, топящего печаль в бутылке, – полон внутреннего трагизма:

Он сдал в музей медаль и ордена,
он потерял жену, а с ней – рассудок.
И встречного: «Закончилась война?..» –

пытает он в любое время суток

[Аврутин, 2022, с. 22].

При этом ещё больше трагизма – в дискурсе лирического героя-повествователя (*alter ego* автора), который не может отмахнуться от навязчивого старика, не может оставить его вопрос без ответа, но и не может дать на него однозначный ответ:

Проклятый век... Шальные времена...
В соседней Украине гибнут дети.
А здесь Мирон: «Закончилась война?..»
И я не знаю, что ему ответить...

[Аврутин, 2022, с. 22].

Постановку многоточия (особенно в лирическом произведении) принято расценивать как приём смыслового умолчания. Умолчание в данном стихотворении А. Аврутина носит не столько смысловой, сколько эмоциональный характер. Лирический повест-

вователь словно сдерживает свои чувства досады, бессилия, озабоченности будущим – своим и своей страны. Пунктуационная система стихотворения способствует обозначению тех эмоций, которые трудно, а порой невозможно выразить словами.

Интертекстуальная основа стихотворения «Неужели нам вновь пригибаться завещано...» позволяет поэту выстроить своеобразный диалог с творческим наследием предшественников, демонстрирует литературную рефлексию традиций как советской, так и классической культуры. Этот диалог представляет собой сублимацию авторской тревоги о завтрашнем дне, вызванной актуальной внешнеполитической ситуацией:

Неужели же снова дороженька узкая
приведёт к полотну посреди суеты,
чтоб шептать: «По бокам-то всё косточки русские...»

Про Некрасова, Ванечка, знаешь ли ты?

Что ты скажешь, когда перелеском,
пригорками

с автоматом зимою пойдёшь сквозь
снега?

А «Катюшу» ты слышал?.. А слышал про Тёркина?

А ты знал, что «до смерти четыре шага»?

[Аврутин, 2022, с. 32].

Транспонируя события прошлого на современные реалии и понимая, что не найдёт утешительных ответов на волнующие вопросы, автор пытается отыскать нравственную опору, указать путь духовного спасения. Оплотом гуманизма и силы человеческого духа выступает в поэтической картине мира А. Аврутина православие, проповедующее идеалы добра, справедливости и любви:

Вновь оставит снаряд в колоколен-
ке трещину,
вновь обрушится небо, живое губя...
Это, Ванечка, Русь... *И какая-то
женщина
всё равно, глядя вслед, перекрестит
тебя* [Аврутин, 2022, с. 32].

Заключение

Идейно-тематический диапазон поэзии А. Аврутина о Великой Отечественной войне невероятно широк: поэт осмысливает войну и как социальную, и как экзистенциальную категорию, изображает индивидуальные

судьбы лирических героев в контексте исторического пути народа. Автор достигает максимальной психологической глубины своих стихотворений при помощи ёмких художественных деталей, яркой образности, приёмов интертекстуальности и фольклорной стилизации. Стихотворения А. Аврутина о войне отражают специфику индивидуальных творческих исканий поэта, его эстетическую и аксиологическую ориентацию, гражданскую позицию.

Библиографический список

1. Аврутин А. Ю. Временная вечность. Минск : Мастацкая літаратура, 2022. 350 с.
2. Аврутин А. Ю. На золотом крыльце сидели... URL: <https://gospisatel.ru/avrutin-novoje13.html> (дата обращения: 05.10.2024).
3. Аврутин А. Ю. Стихи // Война и мир: антология: Великая Отечественная война (1941–1945) в русской поэзии XX–XXI вв.: [в 10 книгах / ред.-сост. Б. И. Лукин; сост. Ю. П. Перминов; авт. идеи Д. А. Мизгулин]. Тюмень : Тюменский издательский дом, 2015–2016.
4. Аристов Д. В. «Окопная правда» – вчера и сегодня // Филологический класс. 2010. № 23. С. 30–36.
5. Вторая мировая война в славянских литературах и языках. Тезисы докладов международной научной конференции, 10–11 ноября 2015 г. Москва : Институт славяноведения РАН, 2015. 104 с.
6. Званоў перазвон: зборнік паэтычных, праязічных і публіцыстычных твораў / уклад. Рагнэд Малахоўскі; прадм. Л. Крываноса. Мінск : Звязда, 2023. 112 с.
7. Ковтун Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне // Культура и текст. 2020. № 4. С. 6–24. DOI 10.37386/2305-4077-2020-4-6-24.
8. Ковтун Н. В. Переосмысление наследия Второй Мировой Войны в австрийской литературе конца XX века / Н. В. Ковтун, М. В. Ларина // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15 (№ 1). С. 49–60.
9. Крикливец Е. В. Принцип «двоемирия» и герои-медиаторы в современной прозе о Великой Отечественной войне (на примере повести О. В. Сешко «Снуть вошлебная») // Сибирский филологический форум Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. 2024. № 2 (27). С. 41–54.
10. Крикливец Е. В. Роман А. Матвиенко «Демон против Люфтваффе» в стилевой интеграции реализм – постмодернизм // Язык и литература: теория и практика. 2024. Том 3, № 3. С. 55–66.

11. Крыклівец А. У. Дыялектыка народнай свядомасці ў рамане «Вайна» Уладзіміра Гніламедава // Роднае слова. 2024. № 9. С. 7–12.
12. Литература в контексте современности: сборник материалов XII Всероссийской научно-методической конференции с международным участием (Челябинск, 11 декабря 2020 г.) / отв. ред. Т. Н. Маркова. Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2020. 176 с.
13. Маркова Т. Н. Стилиевые трансформации военной прозы конца XX века // Запечатленная победа: ключевые образы, концепты, идеологемы. Санкт-Петербург, 2016. С. 173–176.
14. Незабыўнае рэха вайны: выбраныя вершы беларускіх паэтаў пра Вялікую Айчынную вайну / уклад. Віктара Шніпа. Мінск : Мастацкая літаратура, 2023. 126 с.
15. Па праву жывога: кніга-прызнанне сучасных беларускіх паэтаў да 70-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў / склад. Т. Ф. Рослік. Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2014. 472 с.
16. Пленков О. Ю. Национальное покаяние за нацизм в Германии в контексте сегодняшней европейской интеграции // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2014. № 2. С. 91–100.
17. Плеханова И. И. Русская поэзия рубежа XX–XXI веков : уч. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. 163 с.
18. Победители: проза, поэзия, публицистика / сост.: Михаил Поздняков, Николай Денисов. Минск : Мастацкая літаратура, 2015. 311 с.
19. Скаковская Л. Н. Военная проза начала XXI века: темы, идеи, образы // Вестник Тверского государственного университета. 2015. № 1. С. 107–113.
20. Jurgen P. Der Historikerstreit und die Suche nach einer nationalen Identität der achtziger Jahre. Frankfurt am Main : Verlag Peter Lang, 1995. 222 p.

Reference list

1. Avrutin A. Ju. Vremennaja vechnost' = Temporary eternity. Minsk : Mastackaja litaratura, 2022. 350 s.
2. Avrutin A. Ju. Na zolotom kryl'ce sideli... = On the golden porch they were sitting ... . URL: <https://rospisatel.ru/avrutin-novoje13.html> (data obrashhenija: 05.10.2024).
3. Avrutin A. Ju. Stihi = Poems // Vojna i mir: antologija: Velikaja Otechestvennaja vojna (1941–1945) v russkoj poezii XX–XXI vv.: [v 10 knigah / red.-sost. B. I. Lukin; sost. Ju. P. Perminov; avt. idei D. A. Mizgulin]. Tjumen' : Tjumenskij izdatel'skij dom, 2015–2016.
4. Aristov D. V. «Okopnaja pravda» – vchera i segodnja = The “trench truth” – yesterday and today // Filologičeskij klass. 2010. № 23. S. 30–36.
5. Vtoraja mirovaja vojna v slavjanskih literaturah i jazykah. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 10–11 nojabrja 2015 g. = World War II in Slavic literatures and languages. Reports theses of the international scientific conference, November 10–11, 2015. Moskva : Institut slavjanovedenija RAN, 2015. 104 s.
6. Zvanoŭ perazvon: zbornik pajetychnyh, prazaichnyh i publicystychnyh tvoraŭ = The bell ringing: A collection of poetry, prose and publicist works / uklad. Ragned Malahoŭski; pradm. L. Kryvanosa. Minsk : Zvjazda, 2023. 112 s.

7. Kovtun N. V. Tema pamjati v sovremennoj proze o Velikoj Otechestvennoj vojne = The theme of memory in modern prose about the Great Patriotic War // Kul'tura i tekst. 2020. № 4. S. 6–24. DOI 10.37386/2305–4077–2020–4–6–24.

8. Kovtun N. V. Pereosmyslenie nasledija Vtoroj Mirovoj Vojny v avstrijskoj literature konca XX veka = Reinterpreting the legacy of World War II in Austrian literature of the late XX century / N. V. Kovtun, M. V. Larina // Gumanitarnyj vektor. 2020. T. 15 (№ 1). S. 49–60.

9. Kriklivec E. V. Princip «dvoemirija» i geroi-mediatory v sovremennoj proze o Velikoj Otechestvennoj vojne (na primere povesti O. V. Seshko «Snut' voshlebnaja») = The principle of “two-worlds” and heroes-mediators in modern prose about the Great Patriotic War (the case study of O. V. Seshko's story “Snut voshebnaya”) // Sibirskij filologicheskij forum Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. P. Astaf'eva. 2024. № 2 (27). S. 41–54.

10. Kriklivec E. V. Roman A. Matvienko «Demon protiv Ljuftvaffe» v stilevoj integracii realizm – postmodernizm = A. Matvienko's novel “Demon vs. Luftwaffe” in the style integration realism – postmodernism // Jazyk i literatura: teorija i praktika. 2024. Tom 3, № 3. S. 55–66.

11. Kryklivec A. U. Dyjalektika narodnaj svjadomasci ŷ ramane «Vajna» Uladzimira Gnilamedava = Dialectics of people's sacredness in the novel “War” by Vladimir Gnilamedov // Rodnae slova. 2024. № 9. S. 7–12.

12. Literatura v kontekste sovremenosti: sbornik materialov XII Vserossijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Cheljabinsk, 11 dekabnja 2020 g.) = Literature in the modern context: collection of materials from the XII All-Russian scientific and methodological conference with international participation (Chelyabinsk, December 11, 2020) / otv. red. T. N. Markova. Cheljabinsk : Biblioteka A. Millera, 2020. 176 s.

13. Markova T. N. Stilevyje transformacii voennoj prozy konca XX veka = Style transformations of war prose of the late XX century // Zapechatlennaja pobeda: ključevye obrazy, koncepty, ideologemy. Sankt-Peterburg, 2016. S. 173–176.

14. Nezabyŷnae rjeha vajny: vybranyja vershy belaruskich pajetaŷ pra Vjalikuju Ajchynnuju vajnu = Unforgettable echo of the war: selected poems of Belarusian poets about the Great Patriotic War / uklad. Viktara Shnipa. Minsk : Mastackaja litaratura, 2023. 126 s.

15. Pa pravu zhyvoga: kniga-pryznanne suchasnyh belaruskich pajetaŷ da 70-goddzja vyzvalennja Belarusi ad njamecka-fashyskich zahopnikaŷ = By right of the living: book-confession of contemporary Belarusian poets to the 70th anniversary of Belarus' liberation from the Nazi occupation / sklad. T. F. Roslik. Minsk : Belaruskaja Jencyklapedyja imja P. Broŷki, 2014. 472 s.

16. Plenkov O. Ju. Nacional'noe pokajanie za nacizm v Germanii v kontekste segodnjashnej evropejskoj integracii = National repentance for Nazism in Germany in the context of today's European integration // Vestnik SPbGU. Ser. 2. 2014. № 2. S. 91–100.

17. Plehanova I. I. Russkaja poezija rubezha XX–XXI vekov = Russian poetry at the turn of XX–XXI centuries : uch. posobie. Irkutsk : Izd-vo IGU, 2015. 163 s.

18. Pobediteli: proza, poezija, publicistika = Winners: prose, poetry, journalism / sost.: Mihail Pozdnjakov, Nikolaj Denisov. Minsk : Mastackaja litaratura, 2015. 311 s.

19. Skakovskaja L. N. Voennaja proza nachala XXI veka: temy, idei, obrazy = War prose of the early XXI century: themes, ideas, images // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 1. S. 107–113.

20. Jurgen P. Der Historikerstreit und die Suche nach einer nationalen Identitat der achtziger Jahre. Frankfurt am Main : Verlag Peter Lang, 1995. 222 r.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 16.09.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 81'255.2
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-93
EDN VHBDNC

**Мастерство и верность оригиналу: анализ перевода романа
Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» Цзан Чжунлунем**

Лю Мяо

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка факультета иностранных языков Пекинского университета, г. Пекин
liumiaolm@pku.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0000-0508-5638>

Аннотация. В данной статье представлен комплексный анализ перевода романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», выполненного известным китайским переводчиком Цзан Чжунлунем. Исследование сочетает количественный и качественный подходы для всестороннего изучения особенностей перевода. В первой части работы проводится макроанализ перевода с использованием методов корпусного переводоведения. Перевод Цзан Чжунлуня сравнивается с двумя другими классическими переводами по ряду лингвистических параметров, включая лексическое разнообразие, частотность слов, и синтаксические характеристики. Особое внимание уделяется количественному анализу использования китайских идиом из четырех иероглифов. Вторая часть посвящена микроанализу перевода, где рассматриваются такие аспекты, как использование паратекста (комментариев), применение культурно-специфических единиц китайского языка, а также семантический анализ употребления идиом и китайских идиом из четырёх иероглифов. Исследование выявило, что перевод Цзан Чжунлуня характеризуется высоким лексическим разнообразием и умелым использованием китайских идиом, что свидетельствует о стремлении переводчика сохранить богатство языка Достоевского при адаптации текста к нормам китайского языка. Обширный паратекстуальный аппарат, включающий 654 комментария общим объемом около 36 000 иероглифов, способствует глубокому пониманию культурного и идейного содержания романа китайскими читателями. Анализ также показал, что Цзан Чжунлунь мастерски использует культурно-специфические единицы китайского языка, такие как элементы системы обращений и другие лексические единицы, отражающие особенности китайской культуры, что усиливает эффект доместикации текста. Сочетание макроанализа и микроанализа дает возможность определить уникальный переводческий стиль Цзан Чжунлуня, демонстрируя его мастерство как переводчика и способность к творческому переосмыслению оригинального произведения. Исследование подчеркивает значимость работы Цзан Чжунлуня в контексте перевода русской литературы на китайский язык и его вклад в межкультурный диалог.

© Лю Мяо, 2024

Ключевые слова: переводчик Цзан Чжунлунь; китайский перевод «Братьев Карамазовых»; качественный анализ; количественный анализ; корпусное переводоведение; переводческие стратегии; стилистические особенности перевода; русско-китайские литературные связи

Для цитирования: Лю Мяо Мастерство и верность оригиналу: анализ перевода романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» Цзан Чжунлунем // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 93-106. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-93>. <https://elibrary.ru/VHBDNC>.

Original article

Mastery and true to the original: analyzing the translation of F. M. Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov* by Zang Zhonglong

Liu Miao

Candidate of philological sciences, associate professor, department of the Russian language, faculty of foreign languages, Beijing University, Beijing
liumiaolm@pku.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0000-0508-5638>

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" translated by the famous Chinese translator Zang Zhonglun. The study combines quantitative and qualitative approaches to comprehensively examine the specifics of the translation. The first part of the paper presents the translation macro-analysis using corpus-based translation methods. Zang Zhonglun's translation is compared with two other classical translations according to a number of linguistic parameters, including lexical diversity, word frequency, and syntactic characteristics. Particular attention is paid to quantitative analysis of using Chinese four-character idioms. The study revealed that Zang Zhonglun's translation is characterized by wide lexical diversity and skillful use of Chinese idioms, which indicates the translator's desire to preserve the richness of Dostoevsky's language while adapting the text to the norms of the Chinese language. The extensive paratextual apparatus, including 654 commentaries of about 36,000 characters, contributes to the deep understanding of the novel's cultural and ideological content by Chinese readers. The analysis also shows that Zang Zhonglun makes skillful use of linguistic units specific to Chinese culture, such as elements of the addressing system and other lexical units reflecting Chinese cultural specificity, which enhances the effect of the text's domestication. The combination of macro- and micro-analysis makes it possible to identify Zang Zhonglun's unique translation style, demonstrating his skill as a translator and his ability to creatively reinterpret the original work. The study emphasizes the significance of Zang Zhonglun's work in the context of translating Russian literature into Chinese and his contribution to intercultural dialogue.

Key words: translator Zang Zhonglun; Chinese translation of *The Brothers Karamazov*; qualitative analysis; quantitative analysis; corpus translation studies; translation strategies; translation stylistic features; Russian-Chinese literary links

For citation: Liu Miao Mastery and true to the original: analyzing the translation of F. M. Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov* by Zang Zhonglong. *World of Rus-*

Введение

Федор Михайлович Достоевский (1821-1881) – один из величайших русских писателей XIX века, «пронизывает и озаряет сегодня все сферы духовной жизни – поэтическую и философскую, духовную и культурную» [Zweig, 1925, с. 9]. Его произведения позволяют назвать его «великим допросчиком человеческой души» [鲁迅, 1926, с. 33]. Роман «Братья Карамазовы» считается вершиной творчества Ф.М. Достоевского. Это «подлинное завершение его художественного пути, целостный синтез его творческого опыта, расширение романа-поэмы до романа-эпопеи» [Гроссман, 1965, с. 576]. Это монументальное произведение, охватывающее широкий спектр философских, религиозных и нравственных вопросов, не только оказало огромное влияние на мировую литературу, но и стало серьезным вызовом для переводчиков. Особую сложность и значимость представляет перевод романа на китайский язык, учитывая глубокие культурные и языковые различия между Россией и Китаем. В этом контексте работа Цзан Чжунлуня (臧仲伦, 1931-2014) занимает особое место в истории китайских переводов «Братьев Карамазовых».

Цзан Чжунлунь, профессор Пекинского университета, член Союза китайских писателей, посвятил свою жизнь переводу русской классической литературы. За свою плодотворную карьеру он перевел основные произведения Достоевского, включая рассказы и повести «Бедные люди», «Двойник», «Белые ночи», «Записки из подполья», а также романы «Униженные и оскорбленные», «Записки из Мертвого

дома», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы». Помимо этого, Цзан Чжунлунь работал над переводами произведений А.С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. Н. Островского, И. С. Тургенева и М. Горького. Его переводческое наследие насчитывает более десяти миллионов иероглифов.

Настоящее исследование направлено на макро-количественный и микро-качественный анализ перевода «Братья Карамазовы», выполненного Цзан Чжунлунем в 1999 году. На макро-уровне проводится количественный анализ с использованием методов корпусной лингвистики, позволяющий выявить общие лингвистические характеристики перевода. На микро-уровне осуществляется качественный анализ, фокусирующийся на изучении конкретных переводческих решений Цзан Чжунлуня, включая его подход к лексико-стилистическим особенностям оригинала и адаптацию текста к китайской культуре. Такой комплексный подход позволяет всесторонне оценить переводческий стиль Цзан Чжунлуня и его вклад в развитие перевода русской литературы на китайский язык.

Макро-количественный анализ перевода

Данное исследование проводится в рамках корпусного переводоведения (Corpus-Based Translation Studies) [Baker, 1996]. Корпусное переводоведение представляет собой комплексное описание особенностей переводного языка в контексте культуры языка перевода и являющееся важной составляющей изучения универсалий перевода. За последние три десятилетия в

области корпусного переводоведения были достигнут ряд значительных результатов, преимущественно сосредоточенных на стилистических особенностях переводных текстов [Baker, 2000; 庞双子, 2020], универсальных характеристиках перевода [Kenny, 2001; Laviosa, 2002; 胡显耀, 2006; 刘淼, 2023] и индивидуальном стиле переводчика [Malmkjær, 2004; Saldanha, 2011; 黄立波, 2014].

В данном исследовании корпусное переводоведение применяется в качестве теоретической и методологической основы для макроанализа перевода романа «Братья Карамазовы», выполненного Цзан Чжунлунем. Анализ проводится по *четырем параметрам*: лексическое разнообразие, анализ высокочастотных слов, средняя длина предложения и частота использования китайских идиом из четырёх иероглифов. В рамках корпусных переводческих исследований анализ переводов целесообразно проводить в контексте нескольких переводов, а также в сопоставлении с нормами языка перевода. Исходя из этой методологии, в данное исследование были включены *две группы сравнительных данных*. *Первая группа* состоит из переводов «Братьев Карамазовых» двух других китайских переводчиков, которые сопоставляются с переводом Цзан Чжунлуня: перевод Гэн Цзичжи [耿济之, 1981] и перевод Жун Жудэ [荣如德, 1998]. Оба переводчика являются экспертами в области перевода русской литературы на китайский язык. В дальнейшем эти три перевода обозначаются как перевод Цзана, перевод Гэна и перевод Жуна соответственно. Сравнительный анализ работ трех различных переводчиков позволяет более четко идентифицировать лингвистические особенности перевода Цзана. Вторая группа представ-

лена референтными корпусами: корпус «The Lancaster Corpus of Mandarin Chinese» (*далее LCMC*) отражающий общие характеристики современного китайского языка; подкорпус художественной литературы LCMC (*далее LCMC-N*) представляющий типичные черты оригинальной китайской прозы; и корпус «The Contemporary Chinese Translated Fiction Corpus» (*далее CCTFC*) иллюстрирующий общие особенности современных китайских литературных переводов. Сопоставление с этими тремя референтными корпусами позволяет более глубоко исследовать специфику перевода Цзана в контексте китайской лингвокультуры.

Лексическое разнообразие (STTR)

Лексическое разнообразие текста измеряется отношением количества уникальных слов (типов) к общему количеству слов (токенов) в тексте. Это отношение называется Type/Token Ratio (TTR) и отражает вариативность лексики. Более высокий TTR указывает на большее лексическое разнообразие. Однако, поскольку TTR зависит от объема текста, для сравнения текстов разного объема используется стандартизированный TTR (STTR). STTR вычисляется на основе сегментов текста фиксированной длины (обычно 1 000 слов) и позволяет сравнивать лексическое разнообразие различных переводов, а также переводов с оригинальными текстами на целевом языке [杨慧中, 2002].

После лемматизации и статистического анализа корпуса, значения STTR для переводов Цзана, Гэна и Жуна, представлены в таблице 1. Согласно данным, представленным в таблице 1, перевод Цзана имеет самый высокий показатель STTR, в то время как значения STTR переводов Жуна и Гэна близки друг к другу, причем перевод Гэна имеет самый низкий показатель

STTR. Это свидетельствует о том, что перевод Цзана отличается более богатым словарным запасом, тогда как в переводе Гэна наблюдается относительно меньшее лексическое разнообразие. Помимо индивидуального стиля переводчика, одной из причин различий в данных также являются языковые нормы разных периодов, в которые работали переводчики. Перевод Гэна был впервые выполнен в 1951 году, а в исследовании использовалось переиздание 1981 года, опубликованное издательством «Народная литература». Этот перевод был создан в начале периода стандартизации и распространения

путунхуа (современного стандартного китайского языка). За прошедшие десятилетия современный китайский язык прошел через значительное развитие и накопление, постоянно увеличивая свой словарный запас. Первое издание «Словаря современного китайского языка» 1978 года содержало 56 000 словарных статей, а к седьмому изданию 2016 года их число возросло до 69 000. Разница в значениях STTR между переводом Гэна и более поздними версиями Цзана и Жуна может быть обусловлена влиянием развития и изменения словарного запаса современного китайского языка.

Таблица 1.

TTR/STTR в трех переводах, исходном тексте и референтных корпусах

	Гэн	Жун	Цзан	Братья Карамазовы	LCMC	LCMC-N	ССТФС
token	393 210	376 939	378 885	293 245	760 324	171 670	978 968
type	14 499	15 968	17 899	17 210	27 231	12 945	24 400
TTR	3.69	4.24	4.72	5.86	3.58	7.54	2.49
STTR	42.83	43.41	47.27	42.4	43.35	44.02	42.11

Кроме того, согласно гипотезе об универсалиях перевода, лексическое разнообразие в переведенных текстах обычно ниже, чем в текстах на языке перевода, что соответствует гипотезе о «симплификации» лексики в переведенных романах [Baker, 1993]. Согласно этой гипотезе, следовало бы ожидать, что STTR перевода Цзана будет ниже, чем у LCMC и LCMC-N, представляющих нормы целевого языка. Однако фактические данные показывают, что STTR перевода Цзана значительно выше, чем у LCMC и LCMC-N, что противоречит гипотезе об универсалии упрощения в переводе. Это явление может объясняться тем, что язык перевода Цзана действительно богат и использует разнообразную лексику, что согласуется с читательским восприятием этого перевода. Высокий

показатель STTR свидетельствует о том, что Цзан стремился сохранить и даже усилить лексическое богатство оригинального текста. Это может быть результатом сознательного выбора переводчика, направленного на передачу стилистических особенностей исходного произведения и создание эквивалентного эстетического эффекта на китайском языке.

Анализ высокочастотных слов

Как показано в таблице 2, существуют *два основных отличия* в частотных словах трех переводов по сравнению со статистическими данными LCMC, LCMC-N и ССТФС. *Во-первых*, частота использования личного местоимения «他» (он) значительно превышает показатели LCMC. Это явление отражает влияние исходного

языка. В исходном русском тексте «он» имеет очень высокую частотность, занимая второе место. Это объясняется особенностями русского языка, где местоименная анафора используется чаще, чем в китайском, в котором предпочтительнее повторение имен [史铁强, 2014]. Несмотря на то, что «он» в русском может заменять все существительные мужского рода, а китайское «他» относится только к людям, частота «他» в переводах остается очень высокой. Это явление можно рассматривать как пример форенизации в переводе, где структура исходного языка оказывает заметное влияние на текст перевода. Во-вторых, глагол «说» (говорить) появляется среди частотных слов в переводах Цзана и Гэна, что является необычным, так как в первой десятке частотных слов китайского языка редко встречаются глаголы, кроме «是» (быть). Интересно отметить, что в исходном русском тек-

сте «говорить» находится только на 36-м месте с частотой 1 061 и долей 0,36 %. Однако частота «说» в китайских переводах в три раза превышает частоту «говорить» в русском тексте. Это различие объясняется особенностями китайского языка при выражении речевого значения. В китайском языке глаголы речи почти всегда сопровождаются иероглифом «说», например, «继续说» (продолжать говорить), «回答说» (отвечать). Без этого иероглифа контекст часто становится неясным, и смысл может быть непонят. В русском языке, напротив, речевое значение часто выражается контекстуально через глаголы речи без необходимости дополнительных маркеров, таких как «продолжать», «ответить» и т. д. Эта особенность китайского языка требует более частого использования «说», что приводит к увеличению его частотности в переводе по сравнению с оригинальным русским текстом.

Таблица 2.

Высокочастотные слова в трех переводах, исходном тексте и референтных корпусах

	Гэн		Жун		Цзан		Братья Карамазовы		LCMC		LCMC-N		ССТФС	
1	的	6.19	的	5.28	的	4.95	и	14 290	的	6.75	的	5.0	的	7.06
2	他	2.76	我	2.64	他	3.16	он	8 435	了	1.73	了	2.41	他	2.56
3	我	2.47	他	2.60	我	2.65	в	7 261	是	1.66	是	1.46	了	2.55
4	是	2.23	是	1.99	了	2.46	не	6 812	在	1.38	一	1.43	是	2.05
5	了	2.21	不	1.78	是	1.84	я	6 520	一	1.33	我	1.36	我	2.05
6	不	1.63	了	1.78	不	1.63	что	5 968	不	1.02	他	1.33	在	1.78
7	在	1.54	在	1.50	这	1.45	быть	4 556	和	0.97	在	1.19	一	1.73
8	说	1.17	一	1.17	在	1.36	на	3 646	他	0.78	不	0.94	不	1.67
9	你	1.06	这	1.08	一	1.09	с	3 449	我	0.75	她	0.89	她	1.40
10	这	1.03	你	0.94	说	1.05	весь	3 403	有	0.74	你	0.89	着	1.01

Кроме того, сравнивая частоту употребления «他» в трех переводах с ССТФС, можно обнаружить общую характеристику переводных романов: частота использования личных местоиме-

ний превышает обычную частоту употребления в современном китайском языке (LCMC и LCMC-N). Это также указывает на наличие универсалий в использовании личных местоимений в

переводных текстах. В целом, различия в частотных словах между тремя переводами и референтными корпусами в основном обусловлены явлением форенизации в переводе и влиянием исходного языка, а также общими характеристиками переводной литературы.

Средняя длина предложения

Данные о средней длине предложения, представленные в таблице 3, демонстрируют, что средняя длина предложения во всех трех переводах превышает показатели оригинального русского текста. Это явление отражает одну из *характерных особенностей переводной литературы*: тенденцию к удлинению и усложнению предложений. По сравнению с нормами современного китайского языка, средняя длина предложения в

трех исследуемых переводах также оказывается выше, чем в оригинальных китайских романах (LCMC-N). Это наблюдение подтверждает гипотезу об универсальных особенностях перевода, согласно которой переводные тексты, как правило, длиннее оригинальных из-за стремления переводчиков более подробно объяснить исходный текст. Среди трех переводов работа Цзана отличается наибольшей средней длиной предложений. Однако в его переводе также наблюдается самое большое количество запятых (38 703) среди всех трех версий. Это указывает на то, что, несмотря на большую длину предложений, они состоят из множества коротких клауз, что соответствует нормам китайского языка.

Таблица 3.

Средняя длина предложения в трех переводах, исходном тексте и референтных корпусах

	Гэн	Жун	Цзан	Братья Карамазовы	LCMC	LCMC-N	ССТФС
Tokens	393 210	378 885	376 939	269 577	46 564	12 086	49 607
Чис. предложений	23 654	24 138	21 623	18 687	2792	850	2 514
Ср. длина предложений	16.62	15.70	17.43	14.97	16.68	14.22	19.73

При сравнении с корпусом ССТФС выявлено, что средняя длина предложения во всех трех переводах заметно короче. Это свидетельствует о том, что переводчики стремились контролировать длину предложений и приблизить их к нормам современного китайского языка. Анализ средней длины предложения в трех переводах выявляет как универсальные характеристики переводной литературы, так и стремление переводчиков найти баланс между сохранением особенностей оригинального текста и адаптацией к нормам китайского языка.

Частота использования китайских идиом из четырёх иероглифов

Китайские идиомы из четырёх иероглифов (*далее КИЧИ*) «особая лексическая единица китайского языка, характеризующаяся четкой формой и уникальными особенностями. Являясь важным компонентом китайского лексикона, они сформировались под влиянием древней поэзии и состоят из четырех слогов(иероглифов). Эти идиомы ярко отражают музыкальность китайской фонетики и сочетают в себе гибкость разговорной речи с точностью письменного языка» [马国凡, 1987, p. 53]. «КИЧИ широко используются в переводах. При

правильном применении они не только значительно улучшают качество перевода, но и играют роль «дополнительного украшения», придавая тексту особую выразительность» [冯树鉴, 1985, p. 54]. Органично вписываясь в контекст китай-

ской языковой традиции, они способствуют созданию перевода, который звучит естественно и аутентично, полностью соответствуя нормам и привычкам выражения китайского языка.

Таблица 4.

Частота использования КИЧИ в трех переводах

КИЧИ	Гэн	Жун	Цзан
Субстантивные	193	352	376
Глагольные	1 416	2 728	3 363
Адъективные	398	607	704
Адвербиальные	307	377	417
Различение по частям речи	126	182	169
Итого	2 440	4 246	5 029

Данные таблицы 4 показывают, что в переводе Цзана использовано наибольшее количество китайских идиом из четырёх иероглифов, что указывает на высшую степень доместикации его перевода и наибольшее соответствие нормам выражения китайского языка. За ним следует перевод Жуна.

Микро-качественный анализ перевода

Микро-качественный анализ перевода представляет собой детальное исследование конкретных лингвистических и стилистических аспектов перевода на уровне слов, фраз и предложений. Этот метод позволяет выявить специфические переводческие стратегии и оценить их эффективность в передаче смысла, стиля и культурных нюансов оригинального текста. В рамках данного анализа будут рассмотрены несколько ключевых аспектов перевода «Братьев Карамазовых», выполненного Цзан Чжунлуном, с особым фокусом на главу «Великий инквизитор».

Богатство паратекстуальной информации (комментарии)

В рамках паратекстуального анализа перевода «Братьев Карамазовых», выполненного Цзан Чжунлуном, обращает

на себя внимание обширный аппарат комментариев. В общей сложности перевод содержит 654 комментария, что в совокупности составляет около 36 000 иероглифов. Это количество значительно превышает объем комментариев в других двух переводах: в переводе Гэна насчитывается 95 комментариев, а в переводе Жуна – 181.

Комментарии Цзан Чжунлуна не ограничиваются простым пояснением иностранных слов или выражений. Они охватывают широкий спектр информации, включая разъяснение российских культурных феноменов, предоставление контекстуальной информации о тексте, а также что особенно примечательно, личные интерпретации переводчика отдельных аспектов произведения. Такой подход способствует более глубокому пониманию читателями оригинального текста и его культурного контекста. В результате анализа всего корпуса комментариев была разработана классификация, включающая четыре основных типа.

Комментарии

к иноязычным выражениям

Первый тип комментариев касается иностранных слов и выражений, встре-

чающихся в оригинальном тексте. Эти комментарии наиболее распространены во всех видах переводов и в основном относятся к французским и латинским выражениям. Например:

Для французского названия “Notre Dame de Paris”, переводчик дает следующее пояснение: «法语: <巴黎圣母院>» (фр. «Собор Парижской Богоматери») [臧仲伦, 1999]. А для латинского выражения “qui pro quo”, комментарий гласит: «张冠李戴, 颠三倒四, 缠夹不清» (путаница, недоразумение) [臧仲伦, 1999].

Комментарии к литературным источникам и аллюзиям

Второй тип комментариев касается источников цитат и литературных аллюзий. Эти комментарии играют важную роль в раскрытии интертекстуальных связей оригинала для китайского читателя. Рассмотрим два характерных примера:

Библейские аллюзии: Комментируя цитату «Се гряди скоро», переводчик поясняет: «见<新约·启示录>第三章第十一节, 第二十二章第七、十二、二十节» (См. Откровение Иоанна Богослова, глава 3, стих 11; глава 22, стихи 7, 12, 20) [臧仲伦, 1999].

Литературные цитаты: К строкам «Удрученный ношей крестной /Всю тебя, земля родная, /В рабском виде царь небесный /Исходил благословляя.» дается следующий комментарий: «这是丘特切夫的诗<.....这些贫穷的村庄>的最后一段。这几句诗, 本书作者曾在自己的作品中多次引用。» (Это последняя строфа стихотворения Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья...»). Достоевский неоднократно цитировал эти строки в своих произведениях) [臧仲伦, 1999].

Комментарии к ключевым религиозным и историческим элементам

Третий тип комментариев в переводе Цзан Чжунлуна направлен на разъясне-

ние ключевых религиозных и исторических элементов. Эти комментарии отличаются всесторонностью и глубиной содержания. Рассмотрим два показательных примера:

В первом примере, где речь идет о религиозном суде в Испании, переводчик дает следующее пояснение: «宗教法庭—译异端裁判所, 是罗马天主教会设立的专门侦查、审判和惩处异端的法庭, 而以西班牙的宗教法庭最为猖獗和残酷。一四八〇年在西班牙的塞维利亚曾建立宗教审判庭, 当时被处死并在火堆上烧死的人数近十万之众» (Инквизиция, или Святой трибунал – особый церковный суд Римско-католической церкви, созданный для борьбы с ересью. Испанская инквизиция считалась самой жестокой. В 1480 году в Севилье был учрежден инквизиционный трибунал, в результате деятельности которого было казнено и сожжено на кострах около ста тысяч человек) [臧仲伦, 1999].

Во втором примере, комментируя латинское выражение “ad majorem gloriam Dei”, переводчик поясняет: «拉丁文: 为了主的至高的荣耀。这是天主教耶稣会的口号。他们的行为准则是只要对耶稣会或天主教有利, 可以不择手段, 无所不用其极。» (Латинское выражение: «к вящей славе Божией». Это девиз ордена иезуитов. Их принцип заключался в том, что для пользы ордена или католической церкви допустимы любые средства) [臧仲伦, 1999].

Эти примеры демонстрируют, как переводчик стремился сохранить культурную глубину оригинала, одновременно обеспечивая понимание китайскими читателями литературного и исторического контекста произведения Достоевского. Стоит отметить, что в комментариях этого типа переводчик иногда добавляет оценочные суждения, направляя

читателя к пониманию авторской субъективной модальности.

*Переводческие комментарии
и интерпретации*

Четвертый тип комментариев представляет собой интерпретации переводчика и его размышления о процессе перевода. Эти комментарии можно рассматривать, скорее, как аннотации или критические заметки. Рассмотрим характерный пример:

Комментируя слово «тайна», переводчик поясняет: «原文为 тайна, 具有神秘、奥秘、秘密三层意思。我们在下文中根据不同的上下文分别将此词译为神秘、奥秘和秘密, 但原文都是同一个词。」 (В оригинале слово «тайна», которое имеет три значения: мистическое, сокровенное и секретное. В дальнейшем тексте мы переводим это слово как «神秘» (мистическое), «奥秘» (сокровенное) и «秘密» (секретное) в зависимости от контекста, хотя в оригинале используется одно и то же слово) [臧仲伦, 1999].

Такой тип комментариев редко встречается в литературных переводах, но для «Великого инквизитора» он необходим и своевременен. Слово «тайна» появляется в тексте 25 раз и является ключевым для развития сюжета и раскрытия темы. Перевод этого слова разными китайскими эквивалентами без объяснения мог бы вызвать недоумение у читателей, способных читать русский оригинал.

Достоевский использует слово «тайна» в различных контекстах, придавая ему разные оттенки значения. Переводчик тонко уловил намерение автора и, переводя это слово тремя разными китайскими эквивалентами («神秘», «奥秘», «秘密»), точно передал семантические нюансы оригинала, помогая читателям лучше почувствовать смысловые разли-

чия и избежать даже малейшего недопонимания. Приведем примеры:

«Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, – эти силы: чудо, тайна и авторитет» [Достоевский, 1973]. Здесь «тайна» переведено как «神秘» (мистическое).

«Какие это носители тайны, взявшие на себя какое-то проклятие для счастья людей?» [Достоевский, 1973]. В этом случае «тайна» переведено как «奥秘» (сокровенное).

«Может быть ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: Мы не с тобой, а с ним, вот наша тайна!» [Достоевский, 1973]. Здесь «тайна» переведено как «秘密» (секретное).

Помимо обширных комментариев, точность передачи религиозной тематики переводчиком также проявляется в его точном переводе библейских текстов. «Великий инквизитор» содержит множество прямых цитат из Библии и отсылок к христианским историям. При переводе Цзан Чжунлунь сверялся с китайским переводом Библии, в большинстве случаев напрямую цитируя соответствующие отрывки. Он также точно передал специфические термины, имена и события. Переводчик, опираясь на свои обширные знания в области религии, представил читателям четкую картину религиозного контекста и обширную группу религиозных терминов, таких как: «主 (Господь), 上帝 (Бог), 降临 (пришествие), 主教 (епископ), 宗教裁判所 (инквизиция), 耶稣会 (орден иезуитов), 审判 (суд), 魔鬼 (дьявол), 众水 (воды), 异端 (еретик), 神迹 (чудо)» и другие.

Перевод Цзан Чжунлуна отличается высокой точностью в передаче религиозного контекста. Обширный паратекстуальный аппарат, представленный комментариями, обеспечивает китай-

ским читателям необходимую основу для глубокого понимания религиозно-философских концепций «Великого инквизитора». Данный подход способствует преодолению культурных барьеров и адекватной интерпретации идейного содержания произведения Достоевского.

Широкое использование культурно-специфических единиц

Анализ перевода Цзана выявил широкое использование культурно-специфических единиц, «это слова, словосочетания и идиомы, обозначающие явления, специфичные для определенной культуры. Эта лексика отражает уникальные способы деятельности, которые постепенно накапливались у конкретного этноса на протяжении длительного исторического процесса и отличают его от других народов» [廖七一, 2000]. В данной статье культурно-специфические единицы включают как элементы китайской системы обращений, так и другие лексические единицы, отражающие особенности китайской культуры, что значительно усиливает эффект доместикации текста.

Рассмотрим несколько показательных примеров:

Оригинал: «народ», перевод: «老百姓». Выражение «老百姓» является типично китайским обозначением простого народа, несущим в себе специфические культурные коннотации. Другим примером служит выражение «敝县» (наш скромный уезд), отражающее традиционную китайскую скромность при упоминании собственных владений.

Оригинал: «вся сила небесная», перевод: «天兵天将». Это устойчивое выражение, буквально означающее «небесные воины и небесные генералы», часто встречается в классической китайской литературе.

В тексте перевода «Братьев Карамазовых» также можно обнаружить другие культурно-специфические единицы, такие как «公子» (молодой господин) и «此公» (сей господин).

Эти выражения создают своеобразную «родственную связь» между переводом и оригинальными китайскими романами, что свидетельствует о мастерстве Цзан Чжунлуня в достижении баланса между верностью оригиналу и адаптацией текста для целевой аудитории.

Уместное использование КИЧИ

Количественный анализ переводов «Великого инквизитора» выявил, что в версии Цзан Чжунлуня наблюдается наиболее частое использование КИЧИ по сравнению с другими переводами. Данное исследование фокусируется на функциональных особенностях применения этих выражений в тексте перевода.

Анализ употребления КИЧИ в переводе Цзан Чжунлуня демонстрирует их многофункциональность. КИЧИ выполняют риторическую функцию, усиливая выразительность речи персонажей; стилистическую функцию, придавая тексту перевода литературный характер; и ритмическую функцию, создавая определенный ритмический рисунок в предложениях благодаря своей четырехсложной структуре. Эти функциональные особенности КИЧИ наиболее ярко проявляются в переводе диалога между кардиналом и Христом. Конкретный пример иллюстрирует данное наблюдение:

Оригинал: «...и тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же, по одному моему мановению бросится подгребать к твоему костру угли, знаешь ты это?» [Достоевский, 1973].

Перевод: «而今天亲吻你脚的那些人, 明天将会在我的一声号令下, 蜂拥而上, 对你火上加油, 落井下石, 你知道这个吗?» [臧仲伦, 1999].

В данном фрагменте переводчик использует несколько КИЧИ (蜂拥而上, 火上加油, 落井下石), что позволяет ему передать экспрессивность и риторическую силу оригинального текста Достоевского. КИЧИ также применяются при описании внешности персонажей. Пример:

Оригинал: «Это девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых еще светится как огненная искорка блеск» [Достоевский, 1973].

Перевод: «他是一位年近九十的老人, 身材高大, 腰板挺直, 但是面容憔悴, 眼睛塌陷, 但依旧目光如炬» [臧仲伦, 1999].

В этом примере использование КИЧИ (身材高大, 腰板挺直, 面容憔悴, 目光如炬) позволяет лаконично и образно передать характеристику персонажа, сохраняя при этом ритмичность оригинала.

Анализ текста перевода демонстрирует высокое мастерство Цзан Чжунлуня в использовании КИЧИ. Переводчик воссоздает уникальный стиль Достоевского, сочетающий красноречие и поток мысли с лаконичностью и выразительностью. КИЧИ, благодаря своей риторической силе и краткой форме, передают эти стилистические особенности. Одновременно Цзан Чжунлунь адаптирует текст к нормам китайского языка. В результате его перевод достигает баланса: он верен оригиналу и при этом звучит естественно для китайского читателя, сохраняя

глубину и силу воздействия произведения Достоевского.

Заключение

Проведенный анализ перевода романа «Братья Карамазовы», выполненного Цзан Чжунлунем, демонстрирует высокое мастерство переводчика и его уникальный подход к сохранению верности оригиналу при адаптации текста для китайского читателя. Сочетание макроанализа и микроанализа позволило выявить ключевые особенности перевода Цзан Чжунлуня. Высокое лексическое разнообразие и умелое использование китайских идиом из четырёх иероглифов свидетельствуют о стремлении переводчика сохранить богатство языка Достоевского, одновременно адаптируя текст к нормам китайского языка. Обширный паратекстуальный аппарат и точная передача религиозно-философских элементов способствуют глубокому пониманию культурного и идейного содержания романа китайскими читателями.

Перевод Цзан Чжунлуня представляет собой гармоничное сочетание верности оригиналу и творческого переосмысления текста в контексте китайской культуры. Его работа не только обогащает китайскую переводную литературу, но и вносит значительный вклад в развитие межкультурного диалога между Россией и Китаем. Данное исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения переводческих стратегий в контексте русско-китайских литературных связей, способствуя более глубокому пониманию роли переводчика в межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. Гроссман Л. П. Достоевский. Москва : Молодая гвардия, 1965. 605 с. (Жизнь замечательных людей).
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Москва : Художественная литература, 1973. 816 с.

3. Baker, M. Corpus-based translation studies: the challenges that lie ahead [A] // H. Somers (ed.). Terminology, LSP, and translation [C]. Amsterdam: John Benjamins, 1996: 175-186.
4. Baker, M. Towards a Methodology for Investigating the Style of a Literary Translator [J]. Target, 2000, 12(2): 241-266.
5. Kenny, D. Lexis and Creativity in Translation: A Corpus-based Study [M]. Manchester: St. Jerome Publishing, 2001.
6. Laviosa, S. Corpus-based Translation Studies: Theory, Findings, Applications [M]. Amsterdam/New York: Rodopi, 2002.
7. Malmkjær, K. Translational Stylistics: Dulcken's Translations of Hans Christian Andersen [J]. Language and Literature, 2004, 13(1): 13-24.
8. Saldanha, G. Translator Style: Methodological Considerations [J]. Translator, 2011, 17(1): 25-50.
9. Zweig, Stefan. Vorwort // Prager H. Die Weltanschauung Dostojewskis. Hildesheim, 1925. S. 9-10.
10. (俄)陀思妥耶夫斯基, 耿济之译. 名著译插图本 卡拉马佐夫兄弟 上下精华版[M]. 北京: 人民文学出版社, 1981.
11. (俄)陀思妥耶夫斯基, 荣如德译. 卡拉马佐夫兄弟[M]. 上海: 上海译文出版社, 1998.
12. 冯树鉴. “四字格”在译文中的运用 [J]. 中国翻译, 1985, (5): 19-22.
13. 胡显耀. 当代汉语翻译小说规范的语料库研究 [D]. 华东师范大学, 2006.
14. 黄立波. 基于语料库的翻译文体研究 [M]. 上海: 上海交通大学出版社, 2014.
15. 廖七一. 当代西方翻译理论探索 [M]. 南京: 译林出版社, 2000.
16. 刘淼. 基于语料库的《红楼梦》俄译本译语特征研究——以复合言语动词“笑道”为例 [J]. 中国俄语教学, 2023, 42 (1): 39-49.
17. 鲁迅. 《语丝》 [J]. 1926, (83): 33.
18. 马国凡. 四字格论 [J]. 内蒙古师大学报 (哲学社会科学版), 1987, (S2): 51-58.
19. 庞双子. 翻译文本的语体特征——多维度语料库考察 [J]. 上海翻译, 2020, (6): 29-34.
20. 史铁强. 俄汉语篇代词回指对比 [J]. 外语学刊, 2001, (4): 54-60.
- 杨惠中. 语料库语言学导论 [M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2002.
21. 臧仲伦. 卡拉马佐夫兄弟 (陀思妥耶夫斯基精选集) [M]. 北京: 译林出版社.

Reference list

1. Grossman L. P. Dostoevskij = Dostoyevsky. Moskva : Molodaja gvardija, 1965. 605 s. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej).
2. Dostoevskij F. M. Brat'ja Karamazovy = The Karamazov Brothers. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1973. 816 s.
3. Baker M. Corpus-based translation studies: the challenges that lie ahead [A] // H. Somers (ed.). Terminology, LSP, and translation [C]. Amsterdam: John Benjamins, 1996: 175-186.

4. Baker, M. Towards a Methodology for Investigating the Style of a Literary Translator [J]. Target, 2000, 12(2): 241–266.
5. Kenny, D. Lexis and Creativity in Translation: A Corpus-based Study [M]. Manchester: St. Jerome Publishing, 2001.
6. Laviosa, S. Corpus-based Translation Studies: Theory, Findings, Applications [M]. Amsterdam/New York: Rodopi, 2002.
7. Malmkjær, K. Translational Stylistics: Dulcken's Translations of Hans Christian Andersen [J]. Language and Literature, 2004, 13(1): 13–24.
8. Saldanha, G. Translator Style: Methodological Considerations [J]. Translator, 2011, 17(1): 25–50.
9. Zweig, Stefan. Vorwort // Prager H. Die Weltanschauung Dostojewskis. Hildesheim, 1925. S. 9–10.
10. (俄) 陀思妥耶夫斯基, 耿济之译. 名著译插图本 卡拉马佐夫兄弟 上下精华版 [M]. 北京: 人民文学出版社, 1981.
11. (俄) 陀思妥耶夫斯基, 荣如德译. 卡拉马佐夫兄弟 [M]. 上海: 上海译文出版社, 1998.
12. 冯树鉴. “四字格”在译文中的运用 [J]. 中国翻译, 1985, (5): 19–22.
13. 胡显耀. 当代汉语翻译小说规范的语料库研究 [D]. 华东师范大学, 2006.
14. 黄立波. 基于语料库的翻译文体研究 [M]. 上海: 上海交通大学出版社, 2014.
15. 廖七一. 当代西方翻译理论探索 [M]. 南京: 译林出版社, 2000.
16. 刘淼. 基于语料库的《红楼梦》俄译本译语特征研究——以复合言语动词“笑道”为例 [J]. 中国俄语教学, 2023, 42 (1): 39–49.
17. 鲁迅. 《语丝》 [J]. 1926, (83): 33.
18. 马国凡. 四字格论 [J]. 内蒙古师大学报 (哲学社会科学版), 1987, (S2): 51–58.
19. 庞双子. 翻译文本的语体特征——多维度语料库考察 [J]. 上海翻译, 2020, (6): 29–34.
20. 史铁强. 俄汉语篇代词回指对比 [J]. 外语学刊, 2001, (4): 54–60.
21. 杨惠中. 语料库语言学导论 [M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2002.
22. 臧仲伦. 卡拉马佐夫兄弟 (陀思妥耶夫斯基精选集) [M]. 北京: 译林出版社.

Статья поступила в редакцию 18.09.2024; одобрена после рецензирования 19.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 18.09.2024; approved after reviewing 19.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 82-311.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-107
EDN VHWFMJ

Метаповествовательная техника в романах Э. Лимонова 1970-1980-х годов

Михаил Юрьевич Егоров

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы,
Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Аннотация. В статье рассматривается то, каким образом проявляет себя метаповествовательность в романах представителя третьей волны эмиграции Э. Лимонова «Это я – Эдичка» (1979), «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь» (1982), «История его слуги» (1984). В первых же фразах романа «Это я – Эдичка» указывается на активную роль реципиента. Литературный текст погружается в реальность, а действительность текста соприкасается с действительностью жизни. Вокруг реального читателя вращается целая мотивная линия в «Истории его слуги», которая связана с обсуждением в той или иной форме романа «Это я – Эдичка». Эксплицитный нарратор в романах неминуемо предстает искаженным образом, так как вне восприятия рассказчика он не существует, но рассказчик тоже предстает неполноценным без этого «читателя». В «Истории его слуги» и «Дневнике неудачника» рассказчик выстраивает одинаковый образ идеального читателя: офицер, человек действия, разрешающий проблемы посредством насилия. Обращения к эксплицитному нарратору в тексте сигнализируют о демонстрации субститута, замене читателю реальному. Коммуникация с эксплицитными нарраторами означает желание обрести слушателя. Рассказчик желает стать «читателем», занять его позицию. Литература управляет жизнью героя романов. Герой описывает свой статус как поэта, комментирует литературные произведения, выражает отношение к писателям, литературным героям. В произведениях Э. Лимонова метаповествование намекает на искусственность конструкции текста, но одновременно рассказчик выстраивает повествование так, что натуралистичность и исповедальность становятся характеристикой произведения.

Ключевые слова: Э. Лимонов; «Это я – Эдичка»; «История его слуги»; «Дневник неудачника»; литература третьей волны эмиграции; метаповествование; русское зарубежье

Для цитирования: Егоров М. Ю. Метаповествовательная техника в романах Э. Лимонова 1970-1980-х годов // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 107-118. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-107>. <https://elibrary.ru/VHWFMJ>.

© Егоров М. Ю., 2024

Original article

Meta-narrative technique in E. Limonov's novels of the 1970s-1980s

Mikhail Y. Egorov

Candidate of philological sciences, associate professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Abstract. The article examines the way meta-narrative manifests itself in the novels of the third emigration wave representative E. Limonov *It's me, Eddie* (1979), *Diary of a Loser, or Secret Notebook* (1982), *His Butler's Story* (1984). The very first sentences of the novel *It's me, Eddie* point to the active role of the recipient. The literary text is immersed in reality, and the reality of the text is in contact with the reality of life. The entire motive line in *His Butler's Story* revolving around the real reader, is connected to the discussion in one form or another of the novel *It's Me, Eddie*. The explicit narrator in the novels inevitably appears as a distorted image, since he does not exist outside the narrator's perception, but the narrator also appears incomplete without this "reader". In "*His Butler's Story*" and "*Diary of a Loser*", the narrator builds the same image of the ideal reader: an officer, a man of action, solving problems through violence. References to an explicit narrator in the text demonstrate the presence of a substitute, a substitute for the real reader. Communicating with explicit narrators implies a desire to find the listener. The narrator wishes to become the "reader", to take his position. Literature governs the life of the novel's main character. The hero describes his status as a poet, comments on literary works, and expresses attitudes toward writers and literary heroes. In E. Limonov's works, meta-narrative shows the artificially constructed text, but at the same time the narrator arranges the narrative in such a way that naturalism and confessionalism become the work's characteristics.

Key words: E. Limonov; "*It's Me, Eddie*"; "*His Butler's Story*"; "*Diary of a Loser*"; literature of the third wave of emigration; meta-narrative; Russians abroad

For citation: Egorov M. Yu. Meta-narrative technique in E. Limonov's novels of the 1970s-1980s. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 107-118. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-107>. <https://elibrary.ru/VHWFMJ>.

Введение

Эдуард Вениаминович Савенко (1943 – 2020) вошёл в русскую литературу под псевдонимом Эдуард Лимонов. Этот псевдоним был придуман, по заверению самого писателя, его другом художником В. Бахчаняном. Э. Лимонов в начале своего творческого пути прославился как поэт, однако возможности официально публиковаться в Советском Союзе у него не было.

Э. Лимонов самостоятельно печатал свои стихи на машинке, переплетал и продавал, распространял среди знакомых. В 1974 году под давлением советских властей Э. Лимонов покинул СССР, эмигрировал в США. Видимо, первые прозаические опыты относятся уже к периоду эмиграции. Первый объёмный прозаический текст – роман «Это я – Эдичка» – впервые в сильно урезанном виде появился на страницах

парижского журнала «Ковчег» в 1979 году. В этом же году роман был опубликован отдельной книгой в Нью-Йорке. Отрывки из книги «Секретная тетрадь, или Дневник неудачника» были опубликованы в 1978 году в парижском журнале «Эхо/Echo», книжное издание состоялось в Нью-Йорке 1982 году. «История его слуги» увидела свет в 1984 году в переводе на французский язык. Таким образом, романы, созданные писателем-эмигрантом, впервые были опубликованы за границей.

Романы Э. Лимонова «Это я – Эдичка», «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь», «История его слуги» объединяет несколько факторов: автобиографичность, главный герой является рассказчиком, повествование ведётся от первого лица, герой носит то же имя, что и автор, место действия Нью-Йорк, его пригороды (критики объединяют романы в «Нью-Йоркскую трилогию»). В центре предлагаемого исследования стоит самый известный роман Э. Лимонова «Это я – Эдичка».

Цель исследования – продемонстрировать каким образом метаповествовательные приемы, используемые в романах Э. Лимонова, влияют на специфику читательского восприятия произведений.

Методы исследования

Исследование не состоялось бы без обращения к богатому опыту формалистского и структуралистского анализов литературного текста. Из работ отечественных литературоведов в первую очередь следовало бы назвать статью В. Б. Шкловского «Искусство как приём» (1917) [Шкловский, 1983] и книгу Ю. М. Лотмана «Структура художественного текста» (1970) [Лотман, 1970]. Изыскания в области метапо-

вествовательности потребовали обращения прежде всего к книгам П. Во «Метафикшн» [Waugh, 1984] и В. Б. Зусевой-Озкан «Историческая поэтика метаромана» [Зусева-Озкан, 2014]. Особенно важным выступает взгляд на метаповествование, продиктованный определением П. Во: «Метафикшн – это термин, обозначающий вымышленный текст, который сознательно и систематически привлекает внимание к своему статусу артефакта, чтобы провоцировать вопросы об отношениях между вымыслом и реальностью» [Waugh, 1984, p. 2].

Результаты исследования

Неслучайно Э. Лимонов начинает «Это я – Эдичку» с пассажа, указывающего на необходимость активной роли реципиента. «Проходя между часом дня и тремя по Мэдисон-авеню, там где ее пересекает 55-я улица, не поленитесь, задержите голову и взгляните вверх – на немые окна черного здания отеля «Винслоу». Там, на последнем, 16-ом этаже, на среднем, одном из трех балконов гостиницы сижу полуголый я» [Лимонов, 1992, с. 14]. Герой-повествователь то ли приказывает, то ли предлагает читающему «задрать голову и взглянуть вверх», находясь по строго определенному адресу – месту обитания героя. Обычно в литературных произведениях читателю не предлагают проявлять собственную активность (разумеется, здесь есть исключения, среди классических – некоторые фрагменты «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, «Мертвых душ» Н. В. Гоголя). Поступая таким образом, Э. Лимонов разрушает иллюзию читателя как пассивного наблюдателя. Только используя глаголы множественного числа второго лица, рассказчик отказывается от прямого обраще-

ния к читателю – никакого названия (вроде, «уважаемый читатель» или хотя бы «вы») здесь нет. Однако и в этом случае адресат обращения и герой начинают существовать рядом. Герой обретает конкретность из-за указания на собственное точное географическое положение, а читатель «овнешвляется», привлекаясь в этот же мир.

В «История его слуги», описывая танцора балета Лодыжникова, нарратор предложит читателю: «Посмотрите только на эти балетные ляжки!» [Лимонов, 2021, с. 46]. А в «Дневнике неудачника» даётся сюрреалистический совет нарратору: «Прежде чем садиться – постелите на сиденье тонкий листок мяса. Опоящите мясом чресла, чтобы скрыть наготу. Когда износится, сбросьте, возьмите другое мясо» [Лимонов, 2007, с. 56]. В этой цитате откликаются некоторые мотивы творчества и обстоятельства жизни Э. Лимонова. Мясо выступает здесь в качестве предполагаемого материала для костюма персонажа. Э. Лимонов в СССР подрабатывал шитьём, шил брюки, пиджаки, платья. Его автобиографический герой во всех трёх романах регулярно вспоминает своё портняжье прошлое (например [Лимонов, 2007, с. 118, 182]). В «Это я – Эдичке» Елена спрашивает героя помочь «завернуться» в разноцветные ткани, создав таким образом оригинальный наряд [Лимонов, 1992]. Как видно, объединяющим цитату и стиль романов является безапелляционный тон, в который оформлено предложение. Экстравагантные мнения, поступки главного героя, характерное ультимативное их выражение являются отличительной чертой повествования. Эпатаж, шокирующее поведение являются характерными принципами не только

приведенного примера, но и ведущими принципами демонстрации героя в романах Э. Лимонова.

Реальность перешагивает грань литературного произведения ещё и потому, что по указанному в «Это я – Эдичке» адресу действительно располагалась отель «Winslow», в котором обитал реальный автор (в этом смысле показательно название статьи О. Матич «Эдуард Лимонов: история автора и его персонажа» [Матич, 2013]). Э. Лимонов подчеркивал автобиографичную основу «Дневника неудачника» и особенно «Истории его слуги», в последнем романе он описывает собственный опыт работы в качестве дворецкого в доме богатого американца. «Лимонов – лирик и монист со склонностью к жизнетворчеству» [Донде, 1993, с. 298]. Литературный текст погружается в реальность, а действительность жизни соприкасается с действительностью текста (об автобиографичности романа Э. Лимонова и её преодолении см. [Ryan-Hayes, 1993; Carden, 1984]).

Рассказчик в романах отделяет себя от намеренно внедренного в текст «читателя»-собеседника. Чтобы подчеркнуть разность между собой и «читателями», Эдичка использует обращения «господа» и «ребята» (См. например [Лимонов, 1992, с. 19, с. 22, с. 49, с. 216; Лимонов, 2021, с. 127, с. 176] и т. д.).

Повествование в «Это я – Эдичке», «Секретной тетради», «Истории его слуги» ведется от первого лица, любая доступная информация подается сквозь призму понимания рассказчика. «Читатель», появляющийся на страницах романов, неминуемо предстает искаженным образом, так как вне этого искажения или восприятия рассказчика

он не существует. Но рассказчик тоже предстает неполноценным без этого «читателя».

Наличие же подобных обращений позволяет констатировать присутствие «читателя» как объекта непрерывного желания рассказчика, желания быть наверняка услышанным. Это желание превращается также и в конструирование «читателя», приписывание ему определенных качеств: «...вы платите налоги ...я хочу получать ваши деньги до конца дней своих. ...И считайте, что вы еще дешево отделались, господа. Рано утром вы вылезаете из своих теплых постелей и, кто в автомобилях, кто в сабвее и автобусе спешите на службу. ...Я вам не нравлюсь? ...Не хотите платить. А на х... вы меня вызвали, выманили сюда из России, вместе с толпой евреев? Предъявляйте претензии к вашей пропаганде, она у вас слишком сильная. Это она, а не я опустошает ваши карманы» [Лимонов, 1992, с. 15-16].

В «Дневнике неудачника» такой диалог превращается в обращения рассказчика к самому себе: «...надо быть храбрым и отчаянным – Эдька Лимонов; надо, брат, надо!» [Лимонов, 2007, с. 152] (см. также [Лимонов, 2007, с. 96]).

Говоря о «собеседнике», герой не стесняется в выборе выражений. Чем больше «читатель» вызывает отвращение у рассказчика, тем больше нуждается в нём рассказчик. Об этом говорят, например, финальные строки романа «Это я – Эдичка»: ««Я е...л вас всех, е...ые в рот суки!» – говорю я и вытираю слезы кулаком. Может быть, я адресую эти слова билдингам вокруг. Я не знаю. «Я е...л вас всех, е...ые в рот суки! Идите вы все на х...!» – шепчу я» [Лимонов, 1992, с. 322] (о роли

обсценной лексики в романе см. например [Simmons, 1994]). Менее эмоционально эта же тема обращения к зданиям звучит в «Дневнике неудачника» [Лимонов, 2007, с. 252]. Герой-рассказчик строит своё высказывание как обращение к неведомому слушателю, не вызывающему доверия.

Выстраивание образа «читателя» в романах способно объяснить оригинальный характер личности рассказчика, резкого, откровенного, не уклоняющегося от использования нецензурной лексики. Уникальность рассказчика приходит, подтверждается как бы извне. Но сам этот объект «читатель» не так уж и определён. Он одновременно и желанен, необходим, и «противен», отвратителен рассказчику.

По отношению к описываемым в романах событиям нарратор представляет полное отсутствие, он в этих событиях не участвует. Однако вокруг этой пустоты вращается рассказчик-герой произведения, именно «читатель» и есть причина возникновения детализированного образа рассказчика в тексте, проявлений его характера. В «Это я – Эдичка» главный герой вспоминает одного из таких реальных читателей, описывая историю из харьковской юности. Рассуждая об отношениях со Светкой, Эдичка указывает: «Она очень ценила мой, семнадцатилетнего парня дневник, который я по просьбе Светки давал ей читать. Наш роман она поощряла, а мне предрекала будущее литератора. К сожалению, она оказалась права» [Лимонов, 1992, с. 193]. История Светки займёт меньше страницы, в тексте она больше нигде не возникнет, но зато очень ярко подсветит специфику отношений Эдички не только с литературой, но и с женщинами (об Эдичке как романтике см. [Корнилова, 1980]). В

«Истории его слуги» есть похожая сюжетная ситуация: герой читает свои стихи восхищенной Дженни Джексон [Лимонов, 2021, с. 73].

Вокруг читателя вращается целая мотивная линия в «Истории его слуги». Она связана с обсуждением в той или иной форме романа «Это я – Эдичка». Рассказчик пытается опубликовать этот роман (в частности, этому посвящена глава одиннадцатая), даёт почитать рукопись различным персонажам, оставляя место для их критических отзывов. Так, поэт Ефименков (за ним легко угадывается Е. А. Евтушенко) восторженно отзывается о романе «Это я – Эдичка». Для него этот роман был не просто откровенным повествованием, а не бывалым в русской литературе откровением, роман произвел ошеломляющий эффект [Лимонов, 2021]. Противоположную точку зрения выражает героиня по имени Сэра. Она пишет письмо Эдуарду, в котором утверждает, что книга Лимонова скучная, поверхностная, банальная, именно поэтому, а не по какой-то другой причине, она не может быть принята не одним издательством [Лимонов, 2021]. Наконец, сам Эдуард даёт высокую оценку «Это я – Эдичке», для него важно, что герой представляет собой пример сильной личности, проходящей сложный путь становления. Издатель, отказавший в публикации книги, ничего в ней не понял [Лимонов, 2021].

Невозможность напечатать «Это я – Эдичку» отзывается и в «Дневнике неудачника», где герой пессимистически заявляет об абсолютной неосуществимости желания увидеть книгу напечатанной и стать известным писателем [Лимонов, 2007, с. 244, 246].

В «Истории его слуги» и «Дневнике неудачника» рассказчик выстраивает

одинаковый образ идеального читателя. В «Истории его слуги»: «...лучший читатель, которого я желаю своим книгам, уже сделанным, и тем, которые в будущем еще напишу, – это молодой полковник, впрочем, майорам и лейтенантам мои книги тоже не возбраняются» [Лимонов, 2021, с. 343]. В «Дневнике неудачника»: «Верю, что будет читать меня молоденький лейтенант перед атакой, на ветреном весеннем холме, а внизу – город, который предстоит взять. И замрет молоденький лейтенант над моей книгой в ужасе и восхищении от самого себя, читая... все прочтет мой молоденький лейтенант. И поймет...» [Лимонов, 2007, с. 219]. Такой выбор идеального читателя обусловлен тем, что для рассказчика (впрочем, как и для автора) военный человек – это человек дела, умеющий разрешить все вопросы, способный установить справедливый порядок через производство насилия [Лимонов, 2021, с. 343].

Обращения же к эксплицитному нарратору (к господам, ребятам и т. д.) в тексте сигнализируют о демонстрации субститута, замене читателю реальному. Эдичка размышляет о невнимании американского общества к писателям вообще, а особенно к писателю русскому, русскоязычному [Лимонов, 1992]. Следующая цитата говорит о схожести печальной судьбы писателя в СССР и в Америке: «Персонал отеля считает нас, я думаю, никчемными лодырями, приехавшими обедать Америку... Я писатель уже десять лет. Я не виноват, что обоим государствам мой труд не нужен. Я делаю мою работу – где мои деньги? Оба государства п...т, что они устроены справедливо, но где мои деньги?» [Лимонов, 1992, с. 18]. ««Я умру в муках – в тюрьме или на

виселице», – как со страхом открыл я сам. У меня нет денег, и никто меня не поддерживает», – констатирует нарратор, находящийся в Америке, в «Дневнике неудачника» [Лимонов, 2007, с. 148]. Любопытно, что эксплицитный нарратор напротив выглядит весьма образованным, например, ориентирующимся в живописи: «...у женщин-девочек, плоскогрудых и развратных андрогинов, похожих, скажем, на Олимпию с известной картины Манэ, *вы помните* [выделено мной – М. Е.]» [Лимонов, 2021, с. 78].

В любом случае коммуникация с «читателями» означает вождление, желание обрести, пускай в такой форме, слушателя. Герой «Дневника неудачника» декларирует, говоря о себе в третьем лице: «Часто наш писатель выходит на улицы с очевидным намерением продаться кому-то или просто переспать с первым встречным – женщиной или мужчиной» [Лимонов, 2007, с. 63]. Не случайно Э. Лимонов сравнивает стиль «Это я – Эдички» с воплем [Лимонов, 1992а, с. 323], ему важно, чтобы «вопл» был услышан: «Записав вопли, новорожденный автор стал думать, что же с ними делать. Не ожидая понимания от экс-соотечественников по Старой Родине, автор сосредоточил все усилия на нахождение американского издателя» [Лимонов, 1992а, с. 323]. В «Истории его слуги» такую же характеристику «Это я – Эдички» даёт уже один из персонажей, поэт Ефименков: «Это крик! Книга написана в жанре крика» [Лимонов, 2021, с. 34].

Герой-рассказчик в романах беспощадно обнажает себя (во всех смыслах этого слова) перед читателем. В текстах много сцен, рисующих самые интимные переживания и действия

персонажа, в особенности это относится к «Это я – Эдичке». Здесь и сцены физической близости, выписанные с подробностями, и откровенные размышления о насилии, которое так нравится рассказчику, и заветные думы о любви и т. д. [Геллер, 1980]. В «Истории его слуги» повествователь откровенничает: «...пока единственное, что мне остается, – это писательство и секс – эти единственные две сферы, в которых человек, если он смел, до сих пор еще может проявить себя более или менее свободно» [Лимонов, 2021, с. 288]. Эдичка как истый эксгибиционист выставляет напоказ своё тело и сокровенные мысли. А эксгибиционисту всегда нужен зритель, такой зритель появляется внутри текста в виде «читателя», к которому обращается рассказчик. «Личность Эдички наглядно доказывает, что солипсизм, эгоизм и эксгибиционизм вытекают друг из друга» [Синявин, 1982, с. 259]. В эксгибиционистском акте всегда субъект желает быть наблюдаемым, то есть происходит превращение субъекта в объект. «Моя внутренняя жизнь давно уже превратилась во внешнюю и наоборот...» – признается герой в «Дневнике неудачника» [Лимонов, 2007, с. 206].

«Опять потянулись нью-орктаймцы. Читатели х...вы. Сизифы с грузом», – наблюдает Эдичка и тут же добавляет: «Впрочем, читаю ее и я» [Лимонов, 1992, с. 237] (речь о газете «Нью-Йорк таймс»). Несмотря на всю ненависть к преуспевающим богачам-читателям (см. приведенную выше цитату), герой стремится к близости к ним, к тому, чтобы занять их место. Свое почти нищенское положение рассказчик считает вопиющей несправедливостью: «...я злился и мечтал, я думал о мире, о сексе, о женщинах и

мужчинах, о богатых и бедных. Почему один ребенок рождается в богатой семье, и с детства имеет все, чего бы ни пожелал, а другие... эти другие в моем представлении были люди вроде меня, те, к кому мир несправедлив» [Лимонов, 1992, с. 52]. Нельзя не заметить того, что в «Истории его слуги» Эдуард чрезмерно завидует своему хозяину миллионеру Стивену Грею, у которого работает камердинером.

Действительно, рассказчик желает стать «читателем», занять его позицию. На страницах лимоновских романов герой комментирует литературные произведения (от античных авторов до современных американских), выражает собственное отношение к писателям, литературным героям. В «Это я – Эдичке» он вспоминает «Фабрику» А. А. Блока (в тексте приводится полностью последняя строфа стихотворения), заключает: «И вот, идя на работу, возвращаясь с работы, я чувствовал себя таким нищим, одним из тех, кого провели. Моя родная русская литература не давала мне стать простым человеком и жить спокойно...» [Лимонов, 1992, с. 58].

Литература управляет жизнью Эдички. Именно внимательное прочтение упомянутого поэтического текста заставляет его уйти с должности помощника официанта: «Э, я не вполне доверял своей русской литературе, но я прислушивался к ее голосу, и она меня все-таки домучила. Постоянное “А в желтых окнах засмеются, что этих нищих провели”, под желтыми окнами я подразумевал Парк-авеню, Пятую и их обитателей, заставило меня однажды подойти к Фрэду-менеджеру и сказать ему: “Простите, сэр, но посмотрев на эту работу я пришел к выводу, что такая работа не для меня...”» [Лимонов,

1992, с. 58]. В «Истории его слуги» Эдуард вспоминает строчки Катулла, именно эти строчки кардинально изменяют психологическое состояние героя [Лимонов, 2021, с. 69]. В «Дневнике неудачника» герой читает, например, письма Че Гевары: «Дошел до последнего письма к родителям и до строчки о «маленьком солдате фортуны двадцатого века» – вдруг взрыв слез – брызги слез, одновременно с уколами во всех корнях волос на всем теле» [Лимонов, 2007, с. 137].

Рассказчик-герой романов Э. Лимонова подчеркивает, что является поэтом. Однако в романы не помещены его произведения (за исключением двух коротких стихотворных текстов в «Это я – Эдичке», написанных на случай и состоящих из семи строчек, например: «Тампакс / Елены Сергеевны / неиспользованный, / девочка моя могла вложить / его в пипку – у нее / смешно тогда торчала, висела / из пипки нитка» [Лимонов, 1992, с. 60]; четверостишия и двух строчек в «Истории его слуги» [Лимонов, 2021, с. 72, 101]; стихотворения в китайском стиле в «Дневнике неудачника» [Лимонов, 2007, с. 41]). Эксгибиционизм здесь поворачивается другой стороной. Рассказчик много говорит о собственной значимости в качестве поэта: «...человек я оказался избалованный славой подпольной, вниманием подпольной Москвы, России творческой, где поэт – это не поэт в Нью-Йорке, а поэт издавна в России все – что-то вроде вождя духовного, и с поэтом, например, познакомиться, там – честь великая» [Лимонов, 1992, с. 34-35], «Не мог же я ей объяснить, что в моей стране я был одним из лучших поэтов» [Лимонов, 1992, с. 45], «Русский парень, воспитанный в богемной среде.

«Поэзия, искусство – это высшее, чем можно заниматься на Земле. Поэт – самая значительная личность в этом мире». Эти истины внушались мне с детства» [Лимонов, 1992, с. 54] и т. д. Фактически в этих случаях Эдичка замещает воспринимающего его стихи, то есть читателя. В каком-то смысле субъект (рассказчик) делается объектом приложения усилий. Самоуничижительно (или иронически) отзывается о себе герой в «Истории его слуги»: «Видишь, какими пошлыми стереотипами я мыслю, читатель, какие банальные мифы питают мое воображение слуги» [Лимонов, 2021, с. 267]. Ещё более резко высказывается герой в «Дневнике неудачника»: «Одну рубашку сшить приятно порой, ну, страниц несколько отпечатать тоже возбуждительно – ишь, умею, вон как ловко выходит. Но чтоб всю жизнь?!» [Лимонов, 2007, с. 82]. Здесь Эдуард уже не гениальный поэт, а мастеровой от литературы, тем более не желающий всю жизнь заниматься литературным творчеством. Этому он противопоставляет политическую и террористическую деятельность: «Х...й вы меня господином писателем сделаете. А вдруг миллион заработаю – оружия на эти деньги куплю и подниму в какой-либо стране восстание» [Лимонов, 2007, с. 183]; «Ох, поэт Эдка. Вот это работа – правительства свергать. Изысканная, возбуждающая» [Лимонов, 2007, с. 195].

В «Истории его слуги» сделать осязаемым процесс создания произведения позволяют многократно упоминаемые в тексте указания на хронологическую дистанцию между произошедшими событиями и событием рассказывания о них: «Я тоже пишу это все «после бала»» [Лимонов, 2021,

с. 97], «Разглядывая это знаменательное событие из сегодняшнего дня, вижу, что свадьба была скучнейшая, но тогда истосковавшемуся по многолюдным сборищам Лимонову событие это показалось грандиозным и значительным» [Лимонов, 2021, с. 140], «Теперь я уже не употребляю этот жалобный прием, мне кажется, что он недостойн мужчины» [Лимонов, 2021, с. 143]. Несомненно, эта дистанция – одна из главных черт эпического произведения (см. например [Теория, 2004, с. 277-278]). Но одновременно такая акцентуация позволяет взглянуть на читаемый текст, как на искусственную конструкцию, возникающую по собственным законам, а это уже свойство метаповествования.

В «Дневнике неудачника» происходит тематизация процесса творчества. Проявляется она не только в том, что герой делится с читателем замыслами произведений, которые ему хотелось бы создать [Лимонов, 2007]. Первые фразы главки «Утро»: «Утром, сидя за листом бумаги, я подолгу гляжу в окно. Первая авеню в этой ее части, которую я могу обозревать, довольно пустынна. Редко можно увидеть больше одного прохожего за один взор. Тут я спотыкаюсь и ничего не могу больше придумать» [Лимонов, 2007, с. 206]. Герой признается, что не знает, как продолжить текст, но текст продолжается, словно бы намекая на иллюзии возникновения произведения на глазах читателя. Эту же иллюзию поддерживает и внешняя хаотичность выстраивания повествования в романе.

Таким образом, центральный герой в каждом из романов «Это я – Эдички», «Дневника неудачника», «Истории его слуги» одновременно и эксгибиционист, и вуайерист. Он выставляет

себя напоказ, без тени сомнения откровенно рассказывая о себе. При этом сам наблюдает, становится объектом подглядывания через своих представителей «читателей», обращения к которым включаются в текст. А читателю реальному предлагается переступить границу литературного произведения.

Заключение

Появление «читателя» на страницах исследуемых романов имеет временный характер, рассказчик находится в состоянии, когда как бы постоянно откладывает «метатекстуальность». Рассказчик нуждается в постоянном отсутствии-присутствии, мерцании читателя-собеседника. Тем самым поддерживается иллюзия балансирования на грани вымышленности-реальности изображаемого мира.

При этом возникает сопутствующая проблема автофикциональности произведения. Всё же романы Э. Лимонова

невозможно назвать автобиографическими в полном смысле слова. Сам автор предпочитал уклоняться от того, чтобы утвердительно заявлять о том, всё ли описанное действительно случилось с ним. Мерцающая метаповествовательность откликается и игрой с документализмом-псевдоментальностью. Автобиографический герой взывает к документальности, а элементы метаповествовательной техники превращают текст только в выстроенное вымышленное повествование.

Э. Лимонов выбирает определенную стратегию. В его романах метаповествование намекает на искусственность конструкции, но одновременно рассказчик конструирует повествование так, что натуралистичность и исповедальность становится классической характеристикой произведений (см. например [Боков, 1980; Вайль, 1982, с. 168]).

Библиографический список

1. Боков Н. Нарцисс на асфальте Нью-Йорка // Ковчег. 1980. №5. С. 94-95.
2. Вайль П. Современная русская проза / П. Вайль, А. Генис. Ann Arbor : Эрмитаж, 1982. 192 с.
3. Геллер Л. Приготовительные заметки к теории скандалов, авангарда и эротики в литературе на материале сочинения Э. Лимонова «Это я – Эдичка» // Ковчег. 1980. №5. С. 84-88.
4. Донде А. Эдуард, Эдик и Эдичка... // Лимонов Э. Палач. Москва : Журнал «Глагол», 1993. С. 289-305.
5. Зусева-Озкан В. Б. Историческая поэтика метаромана. Москва : Intrada, 2014. 488 с.
6. Корнилова Л. Последний романтик Эдичка // Ковчег. 1980. №5. С. 89-93.
7. Лимонов Э. Это я, Эдичка. Москва : Независимый альманах «Конец века», 1992. 335 с.
8. Лимонов Э. The Absolute Beginner, или Правдивая история сочинения «Это я – Эдичка» // Лимонов Э. Это я, Эдичка. Москва : Независимый альманах «Конец века», 1992а. С. 323-332.
9. Лимонов Э. Дневник неудачника, или Секретная тетрадь. Санкт-Петербург : Амфора. ТИД Амфора, 2007. 271 с.
10. Лимонов Э. История его слуги. Москва : Альпина нон-фикшн, 2021. 368 с.

11. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва : Искусство, 1970. 384 с.
12. Матич О. Эдуард Лимонов: история автора и его персонажа // Октябрь. 2013. №11. С. 173–178.
13. Синявин И. Купите Эдичку! // Russica-81. New York : Russica Publishers, Inc., 1982. С. 256–261.
14. Теория литературы: В 2 т. Т. 1: Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. Москва : Академия, 2004. 512 с.
15. Шкловский В. Б. Искусство как приём // Шкловский В. Б. О теории прозы. Москва : Советский писатель, 1983. С. 9-25.
16. Carden P. Edward Limonov's Coming Out // The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor: Ardis, 1984. Pp. 221-232.
17. Ryan-Hayes K. Limonov's «Eto ja – Edichka» and the Failure of an American Dream // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1988. Vol. 30, №4. Pp. 438-459.
18. Ryan-Hayes K. Limonov's «It's Me, Eddie» and the Autobiographical Mode // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1993. №1003. Pp. 1-37.
19. Simmons C. Edichka: A Butterfly with a Poet's Heart // Simmons C. Their fathers' voice. Vassily Aksyonov, Venedikt Erofeev, Eduard Limonov, and Sasha Sokolov. Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 1994. 218 p.
20. Waugh P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. London, New York: Routledge, 1984. 177 p.

Reference list

1. Bokov N. Narciss na asfal'te N'ju-Jorka = A daffodil on the New York asphalt // Kovcheg. 1980. №5. S. 94–95.
2. Vajl' P. Sovremennaja russkaja proza = Contemporary Russia prose / P. Vajl', A. Genis. Ann Arbor : Jermitez, 1982. 192 s.
3. Geller L. Prigotovitel'nye zametki k teorii skandalov, avangarda i jerotiki v literature na materiale sochinenija Je. Limonova «Jeto ja – Jedichka» = Preparatory notes on the theory of scandal, avant-garde and eroticism in literature based on E. Limonov's novel It's Me, Eddie // Kovcheg. 1980. №5. S. 84–88.
4. Donde A. Jeduard, Jedik i Jedichka... = Eduard, Edik, Edichka // Limonov Je. Palach. Moskva : Zhurnal «Glagol», 1993. S. 289–305.
5. Zuseva-Ozkan V. B. Istoricheskaja pojetika metaromana = Historical poetics of metanovel. Moskva : Intrada, 2014. 488 с.
6. Kornilova L. Poslednij romantik Jedichka = The last romantic Edichka // Kovcheg. 1980. №5. S. 89–93.
7. Limonov Je. Jeto ja, Jedichka = It's Me, Eddie. Moskva : Nezavisimyj al'manah «Konec veka», 1992. 335 s.
8. Limonov Je. The Absolute Beginner, ili Pravdivaja istorija sochinenija «Jeto ja – Jedichka» // Limonov Je. Jeto ja, Jedichka. Moskva : Nezavisimyj al'manah «Konec veka», 1992a. S. 323–332.

9. Limonov Je. Dnevnik neudachnika, ili Sekretnaja tetrad' = Diary of a Loser, or Secret notebook. Sankt-Peterburg : Amfora. TID Amfora, 2007. 271 s.
10. Limonov Je. Istorija ego slugi = His Butler's Story. Moskva : Al'pina non-fikshn, 2021. 368 s.
11. Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta = The structure of literary text. Moskva : Iskusstvo, 1970. 384 s.
12. Matich O. Jeduard Limonov: istorija avtora i ego personazha = Eduard Limonov: the story of the author and his character // Oktjabr'. 2013. №11. S. 173–178.
13. Sinjavin I. Kupite Jedichku! = Buy Edichka! // Russica-81. New York : Russica Publishers, Inc., 1982. S. 256–261.
14. Teorija literatury: V 2 t. T. 1: Tamarchenko N. D., Tjupa V. I., Brojtman S. N. Teorija hudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaja pojetika = Theory of Literature: In 2 vol. Vol. 1: Tamarchenko N. D., Tyupa V. I., Broitman S. N. Theory of literary discourse. Theoretical poetics. Moskva : Akademija, 2004. 512 s.
15. Shklovskij V. B. Iskusstvo kak prijom = Art as a technique // Shklovskij V. B. O teorii prozy. Moskva : Sovetskij pisatel', 1983. S. 9–25.
16. Carden P. Edward Limonov's Coming Out // The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor: Ardis, 1984. Pp. 221–232.
17. Ryan-Hayes K. Limonov's «Eto ia – Edichka» and the Failure of an American Dream // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1988. Vol. 30, №4. Pp. 438–459.
18. Ryan-Hayes K. Limonov's «It' s Me, Eddie» and the Autobiographical Mode // The Carl Vesk Papers in Russian and East European Studies. 1993. №1003. Pp. 1–37.
19. Simmons S. Edichka: A Butterfly with a Poet's Heart // Simmons S. Their fathers' voice. Vassily Aksyonov, Venedikt Erofeev, Eduard Limonov, and Sasha Sokolov. Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 1994. 218 p.
20. Waugh P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. London, New York: Routledge, 1984. 177 p.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024; одобрена после рецензирования 19.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 16.09.2024; approved after reviewing 19.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 008; 83.3(2Рос=Рус)6
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-119
EDN RACMWD

Автомиф Корнея Чуковского: жизненные и творческие стратегии

Татьяна Геннадьевна Шеметова

Доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы,
Университетская гимназия МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва
shemetovat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3342-8508>

Аннотация. В статье предлагается анализ формирования биографического мифа Корнея Чуковского в его дневниках и мемуарах. Внутренняя стратегия – быть всегда «против всех», которой придерживался Чуковский вопреки своей репутации конформиста, мягкого и неконфликтного человека, стала «порождающей моделью» его биографии. Биографический миф Чуковского строится на оппозиции благостного «дедушки Корнея» и беспощадного «белого волка», который может больно «кукусить» оппонента. Это автомиф, по которому строились жизнь и творчество писателя. Данная стратегия наиболее полно проявила себя в неопубликованном при жизни «Дневнике», где автор выражает бескомпромиссную позицию по многим личным, общественно-политическим и культурным вопросам. На примере трёх очерков из книги мемуаров «Современники» мы рассмотрели принципы мифологизации, последовательно использовавшиеся Чуковским в отношении значимых для него людей и событий. Важнейшими мифологемами являются образы И. Репина как «духовного отца», А. Блока как «живого гения», В. Маяковского как «провозвестника революции» и Куоккала как «духовной родины» писателя. В этой системе координат мифологизированные образы героев воспоминаний играют роль важных культурных ориентиров, по-разному повлиявших на самопрезентацию писателя. Чуковский как «литературный человек», разрабатывал свой собственный образ в соответствии с «порождающими моделями» авторитетных для него деятелей культуры. Герои воспоминаний (Репин, Блок, Маяковский и др.) позволяют понять пути, по которым Чуковский осуществлял мифологизацию собственного образа.

Ключевые слова: Корней Чуковский; биографический миф; автомиф; Илья Репин; Владимир Маяковский; Александр Блок; Куоккала

Для цитирования: Шеметова Т. Г. Автомиф Корнея Чуковского: жизненные и творческие стратегии // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 119-129. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-119>. <https://elibrary.ru/RACMWD>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

Korney Chukovsky's automyth: lifetime and creative strategies

Tatiana G. Shemetova

Doctor of philology, associate professor, department of foreign literature, Grammar school at Lomonosov Moscow State University, Moscow
shemetovat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3342-8508>

Abstract. The article analyzes the shaping of Korney Chukovsky's biographical myth in his diaries and memoirs. Chukovsky's inner strategy of always being “against everyone”, despite his reputation as a conformist, soft and non-conflicting person, became the “generating model” of his biography. Chukovsky's biographical myth is built on the opposition of the benevolent “Grandpa Korney” and the ruthless “white wolf” who can “bite” his opponent badly. This is an automyth, along which the writer's life and work were built. This strategy manifested itself most fully in the “Diary”, unpublished during his lifetime, where the author expresses an uncompromising position on many personal, socio-political and cultural issues. Taking three essays from the book of memoirs “Contemporaries” as an example, the author shows the principles of mythologization consistently used by Chukovsky in relation to people and events significant for him. The most important mythologemes are the images of Ilya Repin as a “spiritual father”, A. Blok as a “living genius”, V. Mayakovsky as a “herald of revolution” and Kuokkala as the writer's “spiritual homeland”. In this system of coordinates, the mythologized images of the heroes in the memoirs play the role of important cultural reference points that influenced the writer's self-presentation in different ways. Chukovsky, as a “literary man”, was developing his own image in accordance with the “generating models” of authoritative cultural figures. The characters of the memoirs (Repin, Blok, Mayakovsky, etc.) help to understand the ways in which Chukovsky mythologized his own image.

Key words: Korney Chukovsky; biographical myth; automyth; Ilya Repin; Vladimir Mayakovsky; Alexander Blok; Kuokkala

For citation: Shemetova T. G. Korney Chukovsky's automyth: lifetime and creative strategies. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 119-129. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-119>. <https://elibrary.ru/RACMWD>.

Введение

В 2023 г. исполнилось сто лет со дня выхода в печать двух знаменитых детских сказок Корнея Чуковского –

«Мойдодыр» и «Тараканище». Имя писателя прочно вошло в культурный код советского и постсоветского человека, в том числе благодаря тому, что в

текстах, написанных в писательском поселке Переделкино, он «виртуозно вписывает образ «дедушки Корнея» в мифологему «счастливого детства» [Шеметова, 2022, с. 69]. В 2022 г. именно он стал самым издаваемым автором в сегменте детской литературы, обогнав всех российских и зарубежных коллег. Его жизненный путь – от незаконнорожденного, социально ущемленного разночинца Николая Конейчукова до увенчанного лаврами советского писателя Корнея Чуковского – вызывает особый интерес у современных исследователей [Карлова, 1988; Кубайдулова, 2016; Шеметова, 2024]. Рассмотрим жизненную и творческую стратегию писателя, который называл своей «духовной родиной» не город Санкт-Петербург, где он родился, и не Одессу, где вырос, а дачный посёлок Куоккала, где в общении с интеллектуально близкими людьми началась его жизнь как профессионального литератора, а затем – выдающегося литературного критика серебряного века. После революции и Гражданской войны аналогом этого «потерянного рая» становится дачный писательский поселок Переделкино.

Методы исследования

Методологическую основу нашего исследования составили научные труды, проблематика которых связана с изучением сущности современного культурного мифа. Наличие мифологического компонента даже в самом объективном научном исследовании точно выражено в словах А. А. Потебни: «Как мифы принимают в себя научные положения, так наука не изгоняет ни поэзии, ни веры, а существует рядом с ними, хотя ведет с ними споры о границах» [Потебня, 1989, с. 182]. Тем не менее разграничение мифотворчества, основанного на

абсолютной вере, и мифологизации как сознательного процесса остается важной задачей для исследователя. Рассмотрение и анализ автобиографических мифологем в жизненной и творческой стратегиях Корнея Чуковского базировалось не только на трудах А. А. Потебни, где он выявляет проблему субъекта мифотворчества [Потебня, 1989], но и на исследовании А. Ф. Лосева, пишущего о мифологизме любой личности [Лосев, 2007]. Исследование не могло бы состояться без учёта опыта исследования писательских стратегий, воплощенного в книге Ю. М. Лотмана «Литературная биография в историко-литературном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)» [Лотман, 1992].

Результаты исследования

Отрывки из «Дневника» Корнея Чуковского начали публиковаться в 1990-е годы: сначала в журналах «Огонек» и «Новый мир», затем двухтомным изданием с некоторыми купюрами; наконец, в 2000-е годы выходит полный трехтомный текст, составленный и подготовленный внучкой писателя Е. Ц. Чуковской. В «Дневнике» находим признание в чувстве неполноценности, которое незаконнорожденный разночинец Николай Конейчуков, не смеявший назвать в обществе имя и фамилию своего отца, пронес через всю жизнь. Он должен был стать Николаем Левенсоном, если бы отец его признал, но брак интеллигента и крестьянки был в то время исключительным явлением. Уже став основоположником детской литературы, влиятельным критиком, ярким мемуаристом и авторитетным переводчиком, он записал: «Помню, как клоунски я просил даже при первом знакомстве – уже уса- тый – “зовите меня просто Колей”, “а я

Коля” и т. д. Это казалось шутовством, но это была боль. И отсюда завелась привычка мешать боль, шутовство и ложь – никогда не показывать людям себя – отсюда, отсюда пошло все остальное» [Чуковский, 1991, с. 62]. Вынужденный мимикрировать под стиль советской эпохи, Чуковский лишь в дневнике может отстраниться от сковывающей его роли детского писателя и вернуться к бескомпромиссному образу критика. Неслучайно знавший его в первые годы после революции Е. Шварц в одноименной статье метафорически назвал писателя «белым волком» [Шварц, 1989].

До революции Чуковский прославился как критик, блестяще остроумный, но беспощадный даже к безусловным авторитетам, умевший проникать в законы текста и понимать творческую психологию автора. Эти приёмы он использовал в сборнике мемуарных очерков «Современники: портреты и этюды» (1962). В основу сборника положен принцип бинарных оппозиций: Чуковский рисует портрет современника, а затем выворачивает его наизнанку, нарушая читательские ожидания. Среди прочих в книгу вошли мемуарные очерки о художнике И. Репине, поэтах А. Блоке и В. Маяковском, с которыми Чуковский близко общался во время своей дореволюционной жизни в Куоккале. Финский дачный городок Куоккала – предтеча писательских поселков: ленинградского Комарова и подмосковного Переделкина, поэтому для нашего исследования важно, как в текстах Чуковского зарождался образ местности, которая становится символом творчества, «местом силы» и притяжения для многих видных деятелей культуры серебряного века.

Мы выбрали три очерка из книги Чуковского «Современники», в которых наиболее явно видна связь «гениев» с «местом», которые повествуют о Репине, Блоке и Маяковском. В упомянутом выше очерке Е. Шварца «Белый волк» сказано, что эти три деятеля культуры были неприкосновенны для язвительной критики Чуковского, он уважал их настолько, что не сказал бы о них плохого, даже при благоприятных обстоятельствах [Шварц, 1989]. Тем не менее обратим внимание на то, как по-разному относится мемуарист к трём личностям, мифологизированным в русской культуре XX века. С Репиным он юнец-литератор, с Маяковским – маститый критик, с Блоком – трепетный поклонник.

Начнем с того, что Чуковский подал идею Репину написать книгу воспоминаний и по собственной инициативе стал его помощником и редактором. Характеризуя стиль Репина в книге воспоминаний «Далекое близкое», Чуковский отмечает «драматизацию» событий: любая бытовая сцена выглядит у художника ярко и контрастно. Надо отметить, что свои мемуары о Репине он строит по сходным принципам: это своеобразный роман, состоящий из девяти глав с заключением.

Вступление «микроромана» о Репине построено по законам художественности: присутствуют инверсии, лирические повторы, литоты и гиперболы. Вместе с тем в беллетризованную биографию Репина Чуковский вписывает автобиографический миф: рисует свою дачу с башенкой в Куоккале, куда приходит незнакомый человек, которого он поначалу принимает за посыльного, для передачи письма от знакомого [Чуковский, 2008]. Башенка с разноцветными стеклами и крутой лестницей, располагавшаяся в поселке

с непривычным для русского слуха названием, выглядит как сказочное место и подготавливает появление скромного «посыльного», который станет «волшебным спутником» героя и осветит всю его жизнь, как бы заменив отсутствующего отца.

Добродушный Репин из скромности забирается по крутой лестнице дачи Чуковского и передает записку от одного молодого писателя другому. Образ именитого художника строится на мифологических оппозициях. С одной стороны, мемуарист рисует застенчивого старика небольшого роста с обветренным лицом; с другой – Репин – титан, человек-событие, картинами которого увешаны залы Третьяковской галереи и Русского музея в имперском Санкт-Петербурге. Это знакомство – один значительнейших моментов в личном мифе Чуковского. Данную антитезу Чуковский закрепляет на уровне композиции, дважды повторив эпитет «великий» в названии первой главки («Великая любовь. – Великий гнев») и озаглавив вторую нарочито приземленно – «Репин в быту».

Наряду с беллетризацией главного героя-художника в тексте происходит мифологизация Куоккала как его места жительства. Из провинциального поселка, затерянного в финских дюнах, благодаря великому художнику и его знаменитым гостям, Куоккала превращается в образ новой «культурной столицы». Рассмотрим, как протекал процесс перехода из одного психологического состояния в другое. Сначала этот переход осуществляется на уровне пейзажа: летняя Куоккала роскошна и многолюдна, зимняя провинциальна и пуста. Как видим, описание Куоккалы с самого начала строится на антитезах (столица/пустыня, праздничная/хмурая), как и описание её гения

места – Репина («историческая личность»/ «простой человек»). Это бинарные оппозиции, лежащие в основе любого мифа.

Немаловажную роль играет главка «Репин в “Чукоккале”». В ней Чуковский знакомит читателя с одним из своих любимых детищ – рукописным альманахом «Чукоккала» (1914–1969) с автографами знаменитых писателей, иллюстрированными рисунками выдающихся художников своего времени. Название книги возникло из первых четырех букв псевдонима Чуковского, конец слова заимствован из названия местности, где он жил (дачный поселок Куоккала). Деятели искусства предстают в «Чукоккале» в необычных для себя юмористических амплуа. Например, «трагический тенор эпохи», как назвала Блока Ахматова, пишет комические стихи. К «больной, тихой Кассандре», как именовал Ахматову Мандельштам, последний приходит «наохотаться на весь месяц вперед» [Чукоккала, 1999, с. 59].

В ходе повествования «Чукоккала» из названия клеенчатой тетради превращается в наименование всего дома Чуковского, куда известные деятели культуры серебряного века приходят по воскресеньям, в то время как к Репину в «Пеннаты» – по средам. Благодаря этому хронотопу художник и писатель уравниваются в глазах читателя: теперь это не робкий юноша и великий художник, а два представителя творческой интеллигенции. Причем в ходе повествования духовный центр Куоккалы незаметно смещается из «Пеннатов» Ильи Ефимовича в «Чукоккалу» Корнея Ивановича. От коллоквиального восхищения мемуарист переходит к критике: например, упоминает о грубых фактических и

речевых ошибках Репина [Чуковский, 2008].

Композиция «микроромана» о Репине закольцовывается автомифом Чуковского: деревянный домишко с разбитыми стеклами обернулся «Чукоккалой» – жилищем известного литератора. Бедный нелепый «Коля» превратился сначала в «Корнея», а затем обрел фиктивное отчество – Иванович и благозвучную фамилию Чуковский. Одна из поклонниц критика предлагала считать имя писателя формой глагола: «Повелительное наклонение: «Корней!» заменяет старинный афоризм Козьмы Пруткина: «Смотри в корень!»» [Чукоккала, 1999, с. 122]. В свое время И. Бродский писал о псевдониме Анны Ахматовой как о ее первой поэтической удаче [Бродский, 1989]. В какой-то степени, это высказывание можно отнести и к псевдониму Чуковского: в нем, как и в имени вымышленного писателя Козьмы Пруткина, содержится юмор и мистификация. Глагол «корней» можно продолжить рядами однородных членов (веселей, молодедей и т. д.) – такое имя очень подходит остроумцу на язык литературному критику. Отчество образовано от самого распространенного русского имени. Фамилия на «-ский» апеллирует к классикам, от Белинского до Островского и Достоевского. Напомним, что настоящее имя писателя – Николай Эммануилович Корнейчук. Выбор псевдонима, ставшего после революции его настоящим именем, отчеством и фамилией [Лукьянова, 2007], свидетельствует о неординарной интуиции писателя и творческой работе над автомифом.

В свете тщательной заботы о создании своего «нового имени» мемуарист с изумлением рассуждает о репинском пренебрежении собственной славой.

Для пущего контраста, наряду с интеллигентской скромностью, Чуковский выделяет в образе Репина «титаническую гордость» – скрытое от посторонних понимание своего значения в русской культуре. Чуковский формулирует «алгоритм счастья» по Репину: совмещать строгость к себе и влюбленность в дело жизни, демократичность в быту и роскошь общения с лучшими людьми своего времени. Эта формула – главное «репинское наследство», которое Чуковский заберет с собой из Чукоккалы в другой писательский дачный поселок – Переделкино – вместе с рукописной «Чукоккалой», в которой собраны автографы лучших деятелей серебряного века.

Недалеко от «Пеннатов» Репина и «Чукоккалы» Чуковского располагались другие части дачной приморской местности – Озерки и Сестрорецк, куда критик часто плавал по заливу на собственной лодке. Они связаны в воспоминаниях Чуковского с именем и поэзией А. Блока [Блок в архиве Чуковского, 1987]. Мемуарист вспоминает шлагбаумы Финляндской железной дороги, за которыми было видно болото с прорытыми в нем канавами. Эти воспоминания превращают Чуковского едва ли не в героя одного из наиболее мифогенных произведений Блока – знаменитой «Незнакомки»: «И каждый вечер, за шлагбаумами, /Заламывая котелки, /Среди канав гуляют с дамами/Испытанные остряки» [Блок, 1997].

Одним из этих «испытанных остряков» вполне мог быть молодой популярный критик Чуковский, известный своей язвительностью. Как бы глазами «заламывающих котелки» богемных знакомых поэта Чуковский видит Сестрорецкий курорт с рестораном у самого берега и моторную лодку. В ней «неотразимо, неправдоподобно краси-

вый, в широкой артистической шляпе, загорелый и стройный Блок» катается по Финскому заливу со своими друзьями. По законам мифологизации, которым четко следует Чуковский в беллетризованных воспоминаниях, портрет красавца Блока, находящегося в полной гармонии с природой и окружающими людьми, должен обернуться своей противоположностью. И действительно, после этого описания особенно контрастно звучат приведенные на той же странице гневные строки, которые были написаны поэтом под впечатлением поездки: «Что сделали из берега морского/ Гуляющие модницы и франты? /Наставили столов, дымят, жуют, /Пьют лимонад. Потом бредут по пляжу, /Угрюмо хохоча и заражая/ Солёный воздух сплетнями» [Чуковский, 2013, с. 153].

Налицо мифологическая оппозиция: счастье, красота, радость существования/ «угрюмство», заражённый сплетнями солёный воздух. Где Блок настоящий? Какова цель Чуковского? Не хочет ли он вызвать недоверие читателя к искренности блоковской поэзии? Посеяв эту тень сомнения, мемуарист сразу берет Блока «под защиту» и объясняет, что победоносно счастливый вид Блока на Сестрорецком курорте объясняется поверхностным взглядом восхищенного поклонника, каким он тогда смотрел на своего кумира. Далее Чуковский подробно рассказывает о частых встречах с Александром Александровичем в Сестрорецке и Озерках – именно тех местах, которые поэт увековечил в знаменитых стихотворениях «Незнакомка» и «Над озером».

После революции, как пишет Чуковский в воспоминаниях, он вновь сблизился с поэтом во время совместной редакторской и организационной работы в издательстве «Всемирная ли-

тература». Блок, по его собственным словам, «из-за отсутствия воздуха» практически перестал писать стихи. Равнодушный к себе, отстраненный от людей, Блок опять вступает в оппозицию к Блоку – участнику «Чукоккалы», пишущему комические стихи. В мемуарах Чуковский рисует образ великого поэта, заливающегося мальчишеским смехом, и этой оппозицией закрепляет мифогенный образ «живого гения» [Чуковский, 1991].

Очерк о Маяковском, напротив, интересен тем, что в нём Чуковский принимает на себя роль знаменитого критика, привыкшего к заискиванию неизвестных поэтов, а поэту отводит роль молодого грубияна: «Он слушал меня не дольше минуты, отнюдь не с тем интересом, с каким слушают “влиятельных критиков” юные авторы» [Чуковский, 2012, с. 231]. Маяковский не захотел играть роль младшего, несмотря на одиннадцатилетнюю разницу в возрасте и значительно меньшую в то время известность. Более того, он взял авторитетный тон и заставил знаменитого критика и влиятельного переводчика почувствовать себя «подсудимым». В ходе этой беседы, по словам Чуковского, юный футурист оказался тонким знатоком поэзии Уитмена, подсказал профессионалу более точное слово для перевода: грубое «мясо» вместо интеллигентского «плоть», чем вызвал восторг мемуариста [Чуковский, 2012, с. 232].

Ю. Карабчиевский в своей книге «Воскресение Маяковского» подверг резкой критике жизненный выбор и художественный метод «первого поэта революции» и высказал сомнение относительно искренности Чуковского в очерке, посвященном ему. В частности, лукавство Чуковского он увидел в пересказанном выше диалоге о «мясе»:

«Корней Иванович, большой писатель, серьезный человек, сообщает нам, что в подлиннике было “мясо”, а не “плоть”, прекрасно зная (уж тут – никаких сомнений!), что в английском языке не существует двух разных слов для обозначения этих понятий! Есть одно слово: *flesh* – мясо, оно же *плоть*» [Карабчиевский, 1985, с. 78]. Зачем же Чуковский «обманывает» читателя? Карабчиевский полагает, что всему виной – сам поэт, последовательно создавший «систему лжи» из собственной поэзии и жизни. По его мнению, любой человек, взявшийся «читать о Маяковском, не ждал от автора никакой правды, а ждал очередной занятой легенды и заранее обещал не замечать противоречий» [Карабчиевский, 1985, с. 78].

Необходимость «занятой легенды» о поэте Карабчиевский приписывает «эманации личности» Маяковского, тем самым демонизируя её. Наша позиция состоит в том, что создание автомифа и мифологизация значимых событий и личностей – часть любой творческой деятельности, особенно поэтической. Биографический миф Чуковского о юном поэте строится на оппозициях: бедность/величавость, грубость/проницательность. Далее Чуковский описывает продолжившееся общение. Маяковский приезжает в Куоккалу, бывает на даче у влиятельного критика.

Описание дачи Чуковского в этом очерке довольно обыденно, без фиксации внимания на разноцветном остеклении и сказочной башенке. Исключением из «небрежного», но важного для автора описания является упоминание о соседстве с великим Репиным. Чуковский уже в другом статусе и образе, он чувствует свою значимость и состоятельность. Это человек, портрет которого в 1910 году написал сам Репин.

Его гонорары таковы, что он может арендовать дом рядом с великим художником, который так полюбил писателя, что предлагал выкупить арендованную им дачу на свои деньги. При этом он демократичен и общается с молодыми поэтами.

Маяковский же не только не имеет своего дома, но и ходит обедать и ужинать к своим более состоятельным знакомым, а стихи записывает на папиросных коробках. Это образ неудачника. Как можно скорректировать образ нищего грубияна с замашками вельможи? Надо нарисовать архетипическую картинку «поэт и море»: «Куоккала – на берегу Финского залива – песчаная, суровая, обильная соснами местность. Там, на пляже, торчат из воды валуны. Порою их совсем прикрывает волна, порою, когда море отхлынет, они лежат на песке неровной и длинной грядой. По этим-то камням и зашагал Маяковский, бормоча какие-то слова» [Чуковский, 2012, с. 237].

«Какие-то слова» – это будущая поэма «Облако в штанах». Маяковский, почти как сказочный Черномор, шагает по воде. Буря, как атрибут романтического героя очень к лицу и «по росту» Маяковскому, который превращается в великана на наших глазах: «Иногда он останавливался, закуривал папиросу, иногда пускался вскачь, с камня на камень, словно подхваченный бурей, но чаще всего шагал, как лунатик, неторопливой походкой, широко расставляя огромные ноги в “американских” ботинках и ни на миг не переставая вести сам с собою сосредоточенный и тихий разговор» [Чуковский, 2012].

Чуковский и сам был немаленького роста. Знаменитый певец Леонид Утёсов, знакомый Чуковского по Переделкину, сравнивал писателя с «высокой, красивой башней с серебристым купо-

лом», а он его в ответ называл «Утёсиком» [Воспоминания о Корнее Чуковском, 1977, с. 81]. Маяковский не должен был казаться Чуковскому особенно огромным. Тем не менее на этом этапе создания биографического мифа мемуаристу необходимо было противопоставить поэта обычным людям: «Пляж был малолюдный. Впрочем, люди и не мешали Маяковскому: он взглядывал на них лишь тогда, когда потухала его папироса и нужно было найти, у кого прикурить. Однажды он кинулся с потухшей папиросой к какому-то финну-крестьянину, стоявшему неподалеку на взгорье. Тот в испуге пустился бежать» [Чуковский, 2012, с. 237]. Образ чудовищного великана, бормочущего под нос непонятные слова, вскоре будет «уравновешен» образом знатока поэзии, который при случае может прочитать наизусть книгу стихов Блока или Ахматовой, да еще в том порядке, в котором они были напечатаны.

Резюмируя, можно сказать, что Чуковский в дневниках и беллетризованных мемуарах последовательно фиксирует конфликтные, неканонические стороны изображаемых характеров, выстраивая параллели между собой и другими выдающимися представителями русской культуры. Провоцируя и мистифицируя читателя, мемуарист добивается нового уровня постижения своей и чужой индивидуальностей. Становится понятно, почему в очерке его современника Евгения Шварца тридцативосьмилетний Чуковский

назван «белым волком» – беспощадным к себе и другим человеком [Шварц, 1989]. Симптоматично, что семидесяти-трехлетний Чуковский низко оценил прочитанный им в рукописи роман Б. Пастернака «Доктор Живаго», но при этом восторженно отзывался о его стихах и был единственным, кто осмелился поздравить опального писателя с Нобелевской премией и продолжить общаться с ним. Крайне скептически отнесся пожилой критик к стихам, которые читал ему в Переделкине молодой Бродский, но был одним из немногих, кто подписал письмо с просьбой о его освобождении из ссылки.

Заключение

Таким образом, биографический миф Чуковского строится на оппозициях переделкинского благостного «дедушки Корнея» («высокой башни с красивым серебристым куполом», по выражению Л. Утёсова) и беспощадного критика («белого волка», который может больно «укусить» оппонента, согласно развёрнутой метафоре в одноименном очерке Е. Шварца). В этой системе координат Куоккала играет роль «духовной родины», а образы Репина, Блока и Маяковского – важных культурных ориентиров, своеобразных «пророков» – по-разному повлиявших на мировоззрение писателя. Считавшая утерянной, возникшая из небытия рукописная «Чукоккала» – символ реализованного дара, спасенной в жестоких условиях XX века русской культуры.

Библиографический список

1. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем в 20-ти томах. Том II. Москва : Наука, 1997. 894 с.
2. Блок в архиве Чуковского / публ. и примеч. Чуковской Е. Ц. // Литературное наследство. Т. 92, кн. 4. Москва : Наука, 1987. С. 307–321.
3. Бродский И. А. Скорбная Муза / Пер. А. Колотова // Юность. 1989. № 6. С. 65–68.

4. Воспоминания о Корнее Чуковском. Москва : Советский писатель, 1977. 116 с.
5. Карабчиевский Ю. А. Воскресение Маяковского. Мюнхен : Страна и мир, 1985. 286 с.
6. Карлова Т. С. К. Чуковский – журналист и литературный критик. Казань, 1988. 144 с.
7. Кубайдулова А. Ю. Эскизы к литературным портретам в структуре дневника К. И. Чуковского // Филология и культура. Philology and culture. 2016. № 4 (46). С. 222-226.
8. Лосев А. Диалектика мифа. Москва : Академический проект, 2008. 303 с.
9. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-литературном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман, Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин : Александра, 1992. С. 365-376.
10. Лукьянова И. В. Корней Чуковский. (Жизнь замечательных людей). 2-е изд., испр. и доп. Москва : Молодая гвардия, 2007. 991 с.
11. Потебня А. А. Слово и миф. Москва : Правда, 1989. 627 с.
12. Репин И. Далекое близкое. Москва : Азбука, 2023. 528 с.
13. Чуковский К. И. Дневник. В 2 т. Т. 1: 1901–1929. Москва : Советский писатель, 1991. 583 с.
14. Чуковский К. И. Современники. (Жизнь замечательных людей). Москва : Молодая гвардия, 2008. 656 с.
15. Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5. Москва : Агентство ФТМ, Лтд., 2012. 480 с.
16. Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. Москва : Премьера, 1999. 400 с.
17. Шварц Е. Белый волк // Вопросы литературы. 1989. №1. С. 186-202.
18. Шеметова Т. Г. Литературные мифы // Лукичев А. Н., Шеметова Т. Г. Переделкино: история и мифы писательского городка. Вологда : Полиграф-Периодика, 2022. 215 с.
19. Шеметова Т. Г. Переделкино vs Комарово: писатели и литературные мифы. Москва : Издательские решения, 2024. 268 с.

Reference list

1. Blok A. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 20-ti tomah.= Complete collection of works and letters in 20 volumes. Tom II. Moskva : Nauka, 1997. 894 s.
2. Blok v arhive Chukovskogo = Blok in Chukovsky's archive / publ. i primech. Chukovskoj E. S. // Literaturnoe nasledstvo. T. 92, kn. 4. Moskva : Nauka, 1987. S. 307–321.
3. Brodskij I. A. Skorbnaja Muza = The sorrowful muse / Per. A. Kolotova // Junost'. 1989. № 6. S. 65–68.
4. Vospominanija o Kornee Chukovskom = Memories of Korney Chukovsky. Moskva : Sovetskij pisatel', 1977. 116 s.
5. Karabchievskij Ju. A. Voskresenie Majakovskogo = Mayakovsky's resurrection. Moskva : NC JeNAS, 2008. 320 s.
6. Karlova T. S. K. Chukovskij – zhurnalist i literaturnyj kriti = Chukovsky as a journalist and a literary critic. Kazan', 1988. 144 s.

7. Kubajdulova A. Ju. Jeskizy k literaturnym portretam v strukture dnevnika K. I. Chukovskogo = Sketches to literary portraits in the structure of K. I. Chukovsky's diary // *Filologija i kul'tura. Philology and culture*. 2016. №4 (46). S. 222–226.
8. Losev A. *Dialektika mifa = The dialectics of myth*. Moskva : Akademicheskij proekt, 2008. 303 s.
9. Lotman Ju. M. *Literaturnaja biografija v istoriko-literaturnom kontekste (K tipologicheskomu sootnosheniju teksta i lichnosti avtora) = Literary biography in the historical literary context (Toward a typological correlation between the text and the author's personality)* // Lotman, Ju. M. *Izbrannye stat'i: V 3 t. T.1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*. Tallin : Aleksandra, 1992. S. 365–376.
10. Luk'janova I. V. *Kornej Chukovskij. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej) = Kornej Chukovsky. (The life of remarkable people)*. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Molodaja gvardija, 2007. 991 s.
11. Potebnja A. A. *Slovo i mif = Word and myth*. Moskva : Pravda, 1989. 627 s.
12. Repin I. *Dalekoe blizkoe = Far near*. Moskva : Azbuka, 2023. 528 s.
13. Chukovskij K. I. *Dnevnik. V 2 t. T. 1: 1901–1929 = Diary*. In 2 vols. Vol. 1: 1901-1929. Moskva : Sovetskij pisatel', 1991. 583 s.
14. Chukovskij K. I. *Sovremenniki = Contemporaries*. Moskva : Molodaja gvardija, 2008. 656 s. (*Zhizn' zamechatel'nyh ljudej*).
15. Chukovskij K. I. *Sobranie sochinenij: V 15 t. T. 5: Sovremenniki; Prilozhenie = Collected works: In 15 vols. Vol.5: Contemporaries; Supplement / sost., komment. E. Chukovskoj*. 2-e izd., jelektronnoe, ispr. Moskva : Agentstvo FTM, Ltd., 2012.
16. Chukokkala. *Rukopisnyj al'manah Korneja Chukovskogo = Chukokkala. Kornei Chukovsky's handwritten almanac*. Moskva : Prem'era, 1999. 400 s.
17. Shvarc E. *Belyj volk = The white wolf // Voprosy literatury*. 1989. №1. S. 186–202.
18. Shemetova T. G. *Literaturnye mify = Literary myths // Lukichev A. N., Shemetova T. G. Peredelkino: istorija i mify pisatel'skogo gorodka. Vologda : Poligraf-Periodika, 2022. 215 s.*
19. Shemetova T. G. *Peredelkino vs Komarovo: pisateli i literaturnye mify = Peredelkino vs Komarovo: writers and literary myths*. Moskva : Izdatel'skie reshenija, 2024. 268 s.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024; одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.
The article was submitted on 17.09.2024; approved after reviewing 14.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-130
EDN RCUDKU

Региональный культурно-эстетический аспект поэзии С. А. Есенина

Ма Вэйхун

Доктор филологических наук, профессор, внештатный научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР, Чжэцзянский институт иностранных языков, г. Ханчжоу, КНР
921124053@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-1302-5509>

Аннотация. Исследование поэзии С. А. Есенина с точки зрения региональной культуры фокусируется на взаимодействии между региональной средой и творчеством Есенина, сосредоточено на изучении влияния природной и гуманистической среды на его творчество. Региональная среда оказывает влияние на многие аспекты творчества Есенина, такие как выбор тем, духовный склад, эстетический характер, а также на культурную психологию и ценностные ориентации самого поэта. Образы природного ландшафта Рязанской области, представленные в стихах Есенина, являются внешним проявлением региональности его творчества; забота о родном крае и сельской жизни – отражением его внутреннего регионального сознания, а ностальгия по детству и родному краю – важным способом помочь ему, найти духовную поддержку и обрести самоидентификацию и культурную идентичность. В эстетическом плане значимость региональности творчества Есенина заключается в том, что это не просто факсимиле природно-географической зоны, к которой принадлежит поэт, и не простое воспроизведение региональной культуры, с которой он себя идентифицирует, а поэтическая демонстрация мировоззрения, нравственных ценностей поэта, раскрытие русской образной картины мира и русского национального менталитета через эффективную интеграцию конкретной территории и способа выражения. В статье демонстрируется, как изучение поэзии Есенина с точки зрения региональной культуры позволяет исследовать его поэзию в аспекте регионального культурно-эстетического эффекта и определить влияние «поэтической географии» на истоки формирования творческих идей поэта.

Ключевые слова: региональность; региональная культура; региональный ландшафт; региональное сознание; культурная идентичность; культурная аккумуляция; С. А. Есенин

Для цитирования: Ма Вэйхун Региональный культурно-эстетический аспект поэзии С. А. Есенина // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 130-150. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-130>. <https://elibrary.ru/RCUDKU>.

Original article

Regional cultural and aesthetic aspect in S. A. Yesenin's poetry

Ma Weihong

Doctor of philology, professor, freelance researcher, Center for studying Russian-speaking countries (CSRC), Southwestern University, PRC Ministry of Education, Zhejiang Institute of Foreign Languages, Hangzhou, PRC.
921124053@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-1302-5509>

Abstract. The study of S. A. Yesenin's poetry from the point of view of regional culture focuses on the interaction between the regional environment and Yesenin's work, concentrating on studying the influence of the natural and humanistic environment on Esenin's work. The regional environment has an impact on many aspects of Esenin's work, such as the choice of themes, spiritual structure, aesthetic character, as well as on the cultural psychology and value orientations of the poet himself. The images of the Ryazan region's natural landscape in Yesenin's poems are an external manifestation of regionalism in his work; his concern for his native land and rural life is a reflection of his inner regional consciousness, whereas his nostalgia for the childhood and his native land is an important way to help him, to get spiritual support and to find his self-identification and cultural identity. In aesthetic terms, the significance of Yesenin's regionalism lies in the fact that it is not a mere facsimile of the geographical zone to which the poet belongs, nor a simple replication of the regional culture that he identifies himself with, but a poetic manifestation of the poet's worldview and moral values, as well as showing the Russian worldview and Russian national mentality through the effective integration of a particular territory and the mode of expression. The article demonstrates how studying Yesenin's poetry from the point of view of regional culture helps to investigate his poetry in the aspect of regional cultural-aesthetic effect and to determine the influence of "poetic geography" on the origins of the poet's creative ideas.

Key words: regionalism; regional culture; regional topography; regional mentality; cultural identity; cultural accumulation; S. A. Yesenin

For citation: Ma Weihong Regional cultural and aesthetic aspect in S. A. Yesenin's poetry. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4 (22): 130-150. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-130>. <https://elibrary.ru/RCUDKU>.

Введение

Неоспоримым и основополагающим фактом является то, что литературно-художественное творчество носит региональный характер. Региональность литературы отражает особенности и характеристики того или иного региона или места. Писатели и художники, а также их творения зависят от определенной местности, которая является

экологической средой литературного творчества и духовно-географическим пространством, в котором выстраивается личный и неповторимый стиль творца. Регион оказывает влияние на литературу через региональную культуру и определяет дух и характер выживания и развития сообществ в этом регионе, что делает его важным и глубоким источником литературы.

В истории русской литературы связь между региональной культурой и литературой очень тесная. Региональность – фон русской литературы и важная культурная черта современной русской литературы. Важные факторы, формирующие «национальное лицо», – это особенности климата и природного ландшафта, географическое положение России, а также быта и уклада жизни. И в древней, и в современной литературе региональность обогатила картину русской литературы своими характерными литературными нарративами. Необходимым условием существования национальной культуры как поликультурного сообщества является именно региональность как средство выражения национально-культурной психики и пробуждения национального духа. Таким образом, региональность – это не только основная точка зрения на российское общество и россиян, но и один из основных способов интерпретации русской литературы. Кроме того, анализ литературы с точки зрения региональной культуры может исправить недостатки интерпретационного подхода, оценивающего литературу исключительно с точки зрения временных и эволюционных измерений.

В творчестве С. А. Есенина ярко выражены региональные особенности, отражающие своеобразную связь автора с регионом. Изучение поэзии Есенина с точки зрения региональной культуры позволяет исследовать эстетику его поэзии, истоки формирования творческих идей поэта, а также получить более глубокое и точное представление о поэте и его творчестве.

1. Понятия «регион» и «региональная культура»

«Регион» – это «репрезентант историко- и культурогенеза» [Казакова,

2013, с. 22]. Поэтому, предваряя раскрытие понятия «региональная культура», обратимся к самой категории «регион». Термин «регион» имеет латинское происхождение и означает область, местность, страна, то есть определенная территория. В исторической традиции регион предстает как определенное жизненное пространство, сложившееся в процессе длительного исторического развития, как основы для проявления смыслов, выработки ценностей и, в конечном итоге, гармонизации социальной жизнедеятельности. «Из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, придают им общий характер, создающий живую связь... В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места. Таковы в России типы “ярославца”, “помора”, “сибиряка” и т. п.» [Сорокин, 1993, с. 210].

В современной научной литературе понятие «регион» широко используется в экономике, социологии, политологии, истории, культурологии и других общественных и гуманитарных науках, и в географии. «Как физико-географическое явление регион – значительная по размерам территория, ограниченная часть твердой поверхности Земли с присущими ей природными и антропогенными свойствами и ресурсами, характеризующаяся протяженностью (площадью) как особым видом “пространственного” ресурса, географическим положением и другими качествами» [Алаев, 1983, с. 50]. «Часть территории страны, обладаю-

щая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Это территория, отличающаяся какими-либо функциональными признаками» [Кистанов, 2002, с. 25]. В социологических исследованиях регион рассматривается как относительно обособленная часть более широкой социально-территориальной общности, образуя подсистему хозяйства, народонаселения, культуры, политики и прочих сторон жизни общества на основе принципов функционирования части территории [Белова, 1996]. В политологии регион трактуется как «...естественно-историческое пространство, в рамках которого осуществляется социально-экономическая и общественная деятельность проживающих в нем людей» [Чернышов, 2000, с. 127]. С культурологической точки зрения «...регион – самобытное социокультурное пространство, специфическая среда, обладающая уникальностью субъекта и обнаруживающая свои социокультурные и духовные потенциалы» [Ляпкина, 2012, с. 116]. Регион определяется как специфическое культурное образование, вписанное в общий «пейзаж», основу которого составляют однородная физическая среда и более или менее однородная экономика, составляющие каркас общественной жизни и общий фон исторического и нравственного развития [Волков, 2002]. В культурологической литературе понятие «регион» часто используется также в качестве аналога особого «мира» с присущим только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением. Китайский ученый Сюй Фэн всесторонне проанализировала понятие «регион», раскрыв его сущность и содержание, и

заявила, что регион, во-первых, – это региональное понятие с относительно стабильной пространственной формой, а региональной культуры, выходящей за рамки пространственной формы, не существует. Во-вторых, это культурное понятие, включающее в себя не только физико-географический ландшафт, но и народные обычаи, ритуалы, религиозные верования, диалекты и сленги и т. д., и в основе которого лежат сознание и ценностная ориентация коренного населения. В-третьих, это историческое понятие, которое представляет собой культурное воссоздание людей на основе наследования культурных достижений, созданных их предшественниками. Культура любого места – это культурная аккумуляция [徐凤, 2020, с. 8-9]. *Под регионом обычно понимается определенное региональное пространство, комплекс, сформированный под действием природных и гуманистических факторов.*

Культура той или иной местности неразрывно связана с природной средой, географическими условиями и экологической обстановкой в данной местности. Разные регионы имеют разную культурную экологию, соответственно, разные культурные экологии создают разные региональные культуры. Возникновение и существование региональной культуры прошло длительный исторический период, и ее главной особенностью является развитие в пределах определенной географической территории. Поэтому многие исследователи трактуют региональную культуру как результат особых социокультурных процессов в определенной историко-географической среде. В региональной культуре отражены как общие черты и закономерности развития общенациональной культуры, так и

собственные феноменальные особенности.

С. В. Корольков считает, что региональная культура – это культура, формирующаяся в границах определенной территории и географической среде, создающая устойчивые ментальные ориентиры и этнические ценности [Корольков, 2018]. А. В. Спиридонова полагает, что понятие «региональная культура» генетически связано с понятиями «этнос», «этническая культура» [Спиридонова, 2007]. О. Б. Фоминых рассматривает региональную культуру как специфическое социокультурное образование, для которого характерны не только внешние признаки (территориальная соотнесенность с ядром национальной культуры), но и внутренние особенности (традиции, ценности и т. д.) национальной культуры. «Приобретая определенную специфику, региональная культура, вместе с тем, сохраняет неразрывное единство с общенациональной культурой, локально трансформируя ее содержание. <...> Пространства регионального и национального культурного “миров” тесно связаны и взаимно пересекаются, но и в то же время полностью не совпадают, иначе нельзя было бы говорить о существовании региональной культуры» [Фоминых, 2010, с. 6-7]. И. Я. Мурзина утверждает, что региональная культура является своеобразной вариацией национальной культуры, сохраняя ее характеристики и обладая уникальными чертами. Она определяет отношение культур как связь общего и особенного, определяет ее специфичность как особую форму бытия – существования социума и человека в определенных пространственных координатах, которая опирается на историческую традицию, формирует систему

ценностей, продуцируя особый тип личности [Мурзина, 2022]. По мнению китайского ученого Ли Дунмэя, региональная культура – это многомерное понятие. Во-первых, как региональное понятие, она должна быть понятием с относительно независимой и стабильной пространственной и культурной формой. Во-вторых, регион, как понятие времени, поскольку он связан с историей, традициями и реальностью. В-третьих, региональная культура, как понятие сравнительное, должна анализироваться в рамках координат разных регионов. В-четвертых, региональная культура также трехмерна, на её поверхности – природная география или естественная экономика, на втором уровне – обычаи и этикет, институциональная культура и т. д., а на самом глубоком уровне – образ мышления человека, внутреннее осознание и системы ценностей. Поэтому при изучении региональной культуры ее следует рассматривать как органичное целое [李冬梅, 2011, с. 38]. Некоторые исследователи рассматривают региональное самосознание и коллективное сознание как важные признаки региональной культуры. Например, китайский исследователь Тянь Чжунъян считает, что «региональная культура» создается и развивается в населенных пунктах. Она берет за основу коллективное сознание, накопленное поколениями, и формирует сеть культурных форм, народных нравов и обычаев, религий, мифов, диалектов, включая природную экологию и этническую историю, и т. д., образует взаимосвязанную органическую систему [田中阳, 1993]. В. Н. Стрелецкий также считает важными индикаторами региональной культуры регионально специфические особенности материальной и духовной культуры и

региональное самосознание, которое формируется как результат самоотожествления людей с соответствующими территориями, что является следствием «укорененности культуры» как объективной предпосылки развития местного патриотизма, отражения привязанности территориально связанных людей к своей «малой родине» [Стрелецкий, 2002].

Из всего сказанного выше следует, что региональная культура – это широкое и сложное понятие. В целом *региональная культура обладает следующими основными характеристиками:*

1. Возникновение и существование региональной культуры проходит длительный исторический период и развивается в определенном географическом ареале.

2. Региональная культура – продукт общественно-исторического развития, это духовный темперамент и культурный характер с местными особенностями, постепенно формирующимися в процессе накопления истории в пределах определенного региона. Отличительными особенностями становятся феномены, несущие на себе «местный колорит».

3. Региональная культура является самостоятельным явлением, отражает аспект общенациональной культуры и оказывает влияние на общенациональную культуру.

4. Народные нравы и обычаи, система ценностей – это коллективное бессознательное, накопленное поколениями, ядро и душа региональной культуры. Иными словами, региональная культура – это не только ежедневные типы деятельности, такие как одежда, пища, жилище и средства передвижения в реальной жизни, но и метафизическое содержание, такое как

равнодействующая сила обычаев, характера, ценностных ориентаций и духовной направленности. Этот тип народной культурной психологии, отличающийся стабильностью, исключительностью и несовместимостью, принадлежит культуре глубокого уровня.

2. Влияние региональной культуры на творчество С. А. Есенина

Предметом литературной географии является взаимодействие литературного и географического пространств, в результате такого взаимодействия формируется литературно-географическое пространство [Калуцков, 2015]. Между литературной деятельностью и географической средой существует тесная связь: каждый человек рождается и вырастает в определенной географической среде, поэтому любая литература должна отражать ее черты. Каждый регион имеет свою уникальную культуру, историю, традиции и образ жизни, которые влияют на литературное творчество. «Влияние региона на литературу является всеобъемлющим, оно не ограничивается только природными условиями, такими как рельеф и климат, но и включает в себя различные факторы исторически сложившейся гуманистической среды, такие как историческая эволюция региона, этнические отношения, миграция населения, образование, обычаи и нравы, местный язык и т. д. И чем дальше, тем больше роль гуманистических факторов. Точнее говоря, влияние региона на литературу на самом деле осуществляется через промежуточное звено региональной культуры» [严家炎, 1994, с. 27]. Региональная культура – это культурный ген и культурные традиции литературного творчества. Можно сказать, что все литературные

произведения естественно окрашены региональной культурой. Например, в романе Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества» рассказывается о столетнем расцвете и падения Макондо, вымышленного городка на Карибском побережье, и саге о семи поколениях семьи Буэндиа, отражающем историю Латинской Америки на протяжении столетия потрясений. Действие большинства произведений китайского писателя Мо Яня проходит в его родном уезде Гао Ми провинции Шаньдун на востоке Китая, местная история, культура и деревенский быт и нравы послужили фоном для его творчества. Как видно, литературное значение региональности творчества заключается в том, что оно наделяет текст богатством сюжетов и гуманизмом, отражая и приобщая к духу человеческой общности, и таким образом, устанавливая связь между регионом, родным краем и миром.

Регион является отправной точкой почти всего литературного творчества. В процессе творчества писатели неизбежно демонстрируют культуру того или иного региона явно или неявно, что придает их произведениям особый региональный культурный колорит. Региональная культура также влияет на формирование эстетического сознания писателей, их эстетической личности и стиля. Каждый писатель является представителем той местности, где он вырос, провел свое детство, что в последствии определяет основное направление его творческой деятельности. «Территория в сильной степени определяет характер понятий, образов и слов у писателя с самого важного периода жизни – с детства и отрочества, когда первые случайные мотивы его будущих произведений уже проносятся в его творческом воображении»

[Золотарёв, 1920, с. 28]. Литературовед и географ Цзэн Дасин считает, что место, где писатель родился и вырос, – это место формирования географических генов и юношеских воспоминаний писателя, что является его «материнской культурой». Из-за мобильности писателя влияние региональной культуры, которую он воспринимает, часто бывает пестрым и сложным, но влияние родного края остается в его сердце, и родной край, как «материнская культура», является источником, из которого зарождается и расширяется его творчество [曾大兴, 2017]. Китайский писатель Лю Чжэньюнь сказал: «Самое большое влияние родного края на человека, во-первых, язык, а во-вторых, еда, и, конечно, важнее всего образ жизни жителей этого места, включая отношение к жизни, мировоззрение и методологию» [刘震云, 2020].

Китайская пословица гласит: «какие вода и земля, таких и людей они родят», смысл ее таков: разные условия окружающей среды, образ жизни и географический климат приводят к разным типам идеологии и культурным особенностям людей, живущих на разных территориях. Каждый человек живет в конкретном регионе, который несет в себе определенный культурный оттенок, конкретная региональная среда (включая природную и гуманистическую среду) неизбежно оказывает влияние на людей посредством содержащихся в ней гуманистических факторов, и это влияние незаметно и неощутимо.

С. А. Есенин родился на рязанской земле, в «стране березового ситца». Детство и юность будущего поэта прошли в селе Константинове, на берегу Оки, в крестьянской семье, в деревне с бескрайними полями, лугами и

нехитрым крестьянским бытом. «Рязанские поля, где мужики косили, где сеяли свой хлеб» («Мой путь», 1925) [Есенин, 2017, с. 217] стали колыбелью его поэзии. Именно там пробудился и его литературный талант, наполненный свежестью цветущих садов, красками закатов, парным коровьим молоком и вечерним собачьим лаем. Есенин с особой любовью относился к своей малой родине. От деревенской жизни и труженика-крестьянина передалась будущему поэту сыновняя привязанность к родной земле. Для поэта родная деревня в России – это нечто единое, родина для него – это, прежде всего, родной край, родное село. Муза поэзии Есенина – Рязанская область, точнее, сельские жители, сельские звуки и сельские чувства села Константиново, где он родился и вырос. Это душа и источник его поэзии. Лирика Есенина содержит большое количество знаковых элементов с региональными характеристиками: образы природного ландшафта, уникальные образы жизни и методы труда, именно в силу этой «родовой отметины» и наследования «кровной связи» с родной землей, сознательно или бессознательно в его творениях сформировались дыхание и атмосфера, присущие данному региону, что позволяет его произведениям в полной мере выражать свою региональность, наследственность и цельность с местным комплексом. В своих стихах Есенин пишет не только о внешней красоте Родины, но и о ее душе, о ее традициях, национальной самобытности, обычаях. По сравнению с естественной географической средой, гуманистическая среда региона оказывает влияние на творчество поэта более глубокое и непосредственное. Красота обильной и разнообразной региональ-

ной культуры освещается эстетическим сознанием поэта и одновременно развивает его личность, влияет на его чувства и эмоции, а в процессе эстетика души сливается с природой, с окружающим миром, что вызывает у него эстетический интерес к региональным особенностям. Таким образом, нетрудно понять, почему дискурсивная практика, поэтические ассоциации и поэтическое чувство Есенина неразрывно связаны с позицией «народа» (рязанского края) и демонстрирует уникальный эстетический стиль.

3. Регионально-эстетические аспекты в поэзии С. Есенина

Уникальная природно-экологическая и социально-гуманитарная атмосфера Рязанской области породила неповторимые жизненные эмоции и культурно-духовную основу Есенина, заложив основу для формирования его эстетического сознания. Региональная среда и региональная культура родного края не только является объективной реальностью, но и становится органичной частью литературно-художественной жизни Есенина. Есенин воспроизводит региональный ландшафт родного края поэтическим языком, выражает свое глубоко укоренившееся региональное самосознание и реализует свою идентичность через ностальгию по детству и тоску родному дому, а также защиту традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.

3.1. Поэтическое изображение региональных ландшафтов

«Региональный ландшафт (местный ландшафт) в широком смысле относится к земле и всем видимым объектам на ней. Выдающейся особенностью

ландшафта является его разнообразие и локальность» [曾大兴, 2017, с. 132-133]. Региональный ландшафт включает в себя, прежде всего, природный ландшафт и антропогенный ландшафт. Для писателей как природный, так и антропогенный ландшафт являются источником вдохновения для их творений, которые неотделимы от фундаментального и потенциального влияния географических факторов. С русской деревней и деревенской природой Есенин был связан с самого рождения («Родился я с песнями в травном одеяле. / Зори меня вешние в радугу свивали») («Матушка в Купальницу по лесу ходила...», 1912) [Есенин, 2017, с. 17]). Лучшее время в его жизни было проведено на лоне деревянской природы («Здесь по заре и звездам / Я школу проходил») («О пашни, пашни, пашни...», 1917-1918) [Есенин, 2017, с. 50]). Пейзажи средней России, «Рязанские поля, где мужики косили, где сеяли свой хлеб» стали для поэта вечным источником жизненных сил и вдохновения. С детства поэт впитал в себя дух и красоту родной природы:

Край любимый! Сердцу снятся

Скирды солнца в водах лонных

Я хотел бы затеряться

В зеленях твоих стозвонных («Край любимый! Сердцу снятся...», 1914)

[Есенин, 2017, с. 17].

Природа – всеобъемлющая, главная стихия творчества поэта Есенина. Он благодарит родную природу за ее красоту и, используя красочный язык в изображении гор, полей, растений, животных и смены времен года в малой родине, создает серию образов природных ландшафтов, содержащих региональные особенности: «Сыплет черемуха снегом...», «И, как белки, желтые весны будут прыгать по сучьям

дней», «в роще по березкам белый перезвон», «а у низеньких околиц звонно чахнут тополя», «по лощинам черных пашен – пряжа выснежного льна». В стихотворении «Край любимый! Сердцу снятся...» изображен типичный сельский пейзаж: скирды, межи и перемётки, резеда и кашка, болота, реалистически воспроизводится неброская среднерусская природа. Есенин с особой любовью относился к своей малой родине – селу Константиново. Константиново навсегда закрепилось в сердце поэта и являлось эталоном красоты. Константиново в восприятии и лирическом осмыслении поэта – это не просто его малая родина, это его духовный ориентир, часть России. Именно с любви к нему началась любовь Есенина к Родине в целом. Он говорил: «Моя лирика жива одной большой любовью к родине, чувство родины – основное в моем творчестве» [Есенин, 1990, с. 24]. Его чувство любви к Родине выражается не отвлеченно, а конкретно, в зримых образах, через картины природы, через картины родного пейзажа. «Природная и экологическая среда родного края, где родился писатель, оказывает примитивное, потенциальное и очень глубокое влияние на идеологию писателя, его образы мышления, жизни и эмоции, психологическую и духовную структуру, а также на то, как он осознает объективный мир, включая художественный талант, исходящий из внутренней жизни и эмоций и т. д.», и что позволяет «природной и экологической среде его родного края перестать существовать объективно, а стать органическими компонентами его литературно-художественной жизненной структуры. Они не изображают и не повествуют, а участвует в своеобразном слиянии ху-

дожественной жизни и эмоций» [韩鲁华, 韩云, 2009, с. 30]. Любовь к России не просто чувство, но и это жизненная философия, основная в есенинском миропонимании:

Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах

Птичий гомон и щебетню («Эта
лица мне знакома...»), 1923)

[Есенин, 2017, с. 17].

Опираясь на свою малую родину, Есенин разработал образную систему и творческий спектр с региональными особенностями, с помощью которых он выражает свои истинные эмоции и местные особенности, которые несут в себе чувство близости и глубокое осознание миссии, тесно связанное с самим собой и родной землей, формируя отношения равноправного диалога между своим внутренним миром и внешней природной средой.

«Есенин – создатель единственного в своем роде “древесного романа”» [Эпштейн, 1990, с. 247]. В лирике Есенина С. Городецкий почувствовал, «какая радость пришла в русскую поэзию» [Городецкий, 1926]. Действительно, в стихах Есенина мы чувствуем все цвета, звуки и запахи лесов, полей и лугов. Его сельский мир полон поэтичности и живописности, как Чистая земля, где есть река Ока, поля, травы, цветущие деревья, березовая роща, аромат черёмуховых веток, склоны оврагов, затоны тростника, алый цвет заката, низкий дом с голубыми ставнями. Поэт очень тонко ощущает своё кровное родство с русской природой («Говорят со мной коровы / На кивливом языке» («Я пастух, мои палаты...», 1914) [Есенин, 2017, с. 22]), уникально и возвышенно открывает тайны приро-

ды, стремится выразить волнующие его чувства через стихи:

Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!

Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез («Я по
первому снегу бреду...»), 1917)

[Есенин, 2017, с. 52].

Стихотворения наполнены любовью и восхищением поэта к родной природе, где уникальные деревья и земля превратились в метафору бесконечности жизни. Даже несмотря на то, что родной край «горевая полоса», заброшенный «пустырь», но какие бы невзгоды ни терзали Россию, красота ее все равно оставалась неизменной, благодаря дивной и чудесной природе.

Природная среда родного края, то есть пейзаж, вошедший в стихи Есенина, – это не только общий обзор природы, но и, что более важно, пейзажи с выдающимися индивидуальными особенностями, которые глубоко запечатлелись в его психике, и образ березы – один из них. Берёза – это сквозной образ творчества Есенина, который встречается во многих стихотворениях («Вот уж вечер. Роса...» (1910), «Тёмна ноченька, не спится...» (1911), «Берёза» (1913), «Чую радунцу божью...» (1914), «С добрым утром!» (1914), «Отговорила роща золотая...» (1924), «Мелколесье. Степи и дали...» (1925) и т. д.). Поэт описывает берёзу, словно это одухотворённое, живое существо: она «крестьянская девушка» с «золотистыми косами», в «холщовом сарафане», «Улыбнулись сонные березки, / Растрепали шелковые косы. / Шелестят зеленые сережки...», берёзка освещает возвращение поэта на Родину, освещает встречу с отчей землей, когда:

Устав таскаться
По чужим пределам
Вернулся я
В родимый дом.
Зеленокося;
В юбчонке белой
Стоит береза над прудом («Мой
путь», 1925)

[Есенин, 2017, с. 217].

Есенин рассматривает березу как своего рода культурный и жизненный образ. Берёза не просто дерево; это синоним красоты и гармонии, источник душевного покоя и умиротворения, символ духовной чистоты и возрождения, своего рода стремление земледельческих народов к неистощимой жизненной силе. Создание Есениным образа березы и раскрытие ее культурного духа возводят дерево из общеприродной характеристики в культурную. Широкое распространение берёз в регионах земледельческой культуры и созданные на их основе типичные культурные характеристики глубоко запечатлелись в памяти народа, составив прекрасную картину региональной культуры и интерпретировав её в своего рода духовную образность нации. По словам М. Эпштейна, «Береза во многом благодаря Есенину стала национальным поэтическим символом России. Поэзия Есенина (после Н. Некрасова и А. Блока) – самый значительный этап в формировании национального пейзажа» [Эпштейн, 1990, с. 248]. Есенин использует «образное мышление», которое само по себе образно и ярко, и это путь поэтического мышления, которое требует интеграции объекта и Я, чтобы мы могли вернуться к тому, что Мартин Хайдеггер называл «поэтическим», и вернуться к истинной природе человека, его духовному началу и изначальному облику

мира. Есенин певец природы России, природа России у Есенина – это нечто одухотворенное, живое, в его стихах ощущается «русский дух». Цянь Му, современный китайский историк и мыслитель, считает, что «... различия в культуре и духе разных регионов и этнических групп, по сути, заключаются в том, что природная среда, в которой находится каждая этническая группа, различна. Именно такого рода различия в природной среде оказывают непосредственное влияние на образ жизни людей и, делают культуру и дух каждой этнической группы разными» [张岱年, 1994, с.136].

3.2. Поэтическое представление регионального сознания

Региональное сознание проявляется как чувство идентичности поэта и его принадлежности к своему региону. Как вид сознания и концепции, такое познание региона должно быть наполнено субъективностью и эмоциональностью. Региональное сознание в творчестве Есенина проявляется в его внимании к родной земле и сельской жизни, а также в интерпретации сельской жизни и сельского бытия с помощью идеи народной культуры.

В мире творчества Есенина образ природы строится на ассоциациях из деревенского крестьянского быта, а мир человека раскрывается обычно через ассоциации с жизнью природы: «хаты – в ризах образа», «на плетнях висят баранки, / хлебной брагой льет теплынь», «пахнет яблоком и мёдом по церквам твой кроткий Спас», «отряхают старухи дулейки, / вяжут девки косицы до пят», «тихо, на корточках, в пятнах зари / слушают сказ старика косари», дед «с берестяной клюкой», а святой угодник Микола «в лапоточках, словно тень», обходит сёла и деревни,

чтобы «исцелить печаль забот». Для поэта человек и природа, животные и растения, земное и небесное – единое целое. Цветы, травы, птицы, домашние животные, растения сплетают единую ткань живописи деревенской, крестьянской России. Дорога, рябины, изба, печь, рощи, трава, солом – всё это принадлежит или крестьянскому быту, или сельскому пейзажу. Чувства и представления Есенина о народе не абстрактны, а образны, начиная с самых элементарных условий жизни. В стихотворении «В хате» (1914) каждая строчка наполнена деталями крестьянского быта: печурка, паз, ухват, заслонка, соха, хомуты, сени. В хате кипит жизнь – квохчут куры, «запевают обедню стройную петухи», «щенки кудлатые заползают в хомуты», старый кот крадётся к парному молоку, с ними вместе трудолюбивая мать. Есенин представляет незатейливый набор продуктов питания сельского человека: квас, яйца, молоко. Мир крестьянского уклада ему дорог и знаком, с этими поэтическими образами он связывал быт и нравы русской деревни.

Народная культура для Есенина – основа всего. Корни народной культуры берут свое начало в одежде, питании, жилище и транспорте, а также в самых основных факторах, обеспечивающих выживание человека. Есенин увидел необычайное в окружающем его мире обыденной крестьянской жизни, где все слито воедино: труд, праздник, вера и быт – все превращено в бытие, и все одухотворено. Уникальная природная среда Константиново породила неиссякаемую жизненную силу и простые народные нравы и обычаи живущих здесь людей, которые любят природу и простой образ жизни, а в гармоничном сосуществовании че-

ловека и природы у них сформировалось понимание жизни и стремление к добру. Основываясь на жизни крестьян, Есенин тесно связывает быт и нравы деревни, воплощая тем самым простое народно-крестьянское миропонимание, неотъемлемая основа которого заключается в органической связи человека с природой и с мирозданием вообще. Быт русского народа, православная вера, природные и исторические факторы формируют в его творчестве исконно национальный характер русского народа [Юлбарсов, 2022]. Деревня стала для Есенина религией. Мир деревни – это как бы храм с его гармонией земли и неба, человека и природы. Это не только трансценденция реальности, но и религиозная золотая вселенная, обращение в свою веру в высшем смысле. Как «поэт золотой бревенчатой избы», как поэт «с крестьянским уклоном», в своих стихотворениях Есенин отразил чаяния и надежды русского крестьянства, его своеобразный духовный мир.

Основной идеей поэтического творчества Есенина является утверждение духовного мира национальной самобытности, сформировавшегося еще в эпоху древней Руси. Природные ландшафты и сцены повседневной жизни, присущие русской деревне, предстают как эстетические ценности в творчестве Есенина, а также служат метафорой приверженности Есенина традиционным ценностям. Для художественной системы Есенина свойственно противопоставление города и деревни. Мир сельский – здоровый, чистый, полноценный, светлый и живой. Мир городской – больной, безжизненной, переполнен стеклом, камнем, сталью и своими хилыми обитателями. Город разрушает древний поэти-

ческий мир, нарушает гармонию между человеком и природой, он отступает от естественного жизненного уклада, становится неким символом бездушно-го технического прогресса, синонимом насилия над человеческим естеством. Стихотворение «Сорокоуст» (1920) – отпевание естественной, природной жизни народа в деревенской тиши. Поэт трагически переживает столкновение между деревней и промышленным городом. Особенно в условиях, когда урбанизация растет очень быстрыми темпами, деревня напоминает беспомощного жеребенка, который не может избежать своей участи: «Сдавили за шею деревню каменные руки шоссе», «Город, город, ты в схватке жестокой / Окрестил нас как падаль и мразь» («Мир таинственный, мир мой древний...», 1921). Изменения в деревне преобразили и деревню, и народ. Одновременно с разрушением природной экологии деревни в той или иной степени разрушается и ее гуманистическая экология, социальный строй деревни, образ жизни, отношения между людьми и традиционные обычаи также претерпевают тревожные изменения. Трагедия социального и технического прогресса заключается в том, что извечная связь человека с природой разорвана, и жизнь крестьянина больше не подчинена природе, а подчинена порядку и ритму, заданным извне. Поэт косвенно выражает противоречивые и сложные эмоции по отношению к конкретной истории, и основной образ является символическим. Подразумевается критика упадка человеческой этики и морали, а также озабоченность ухудшением экологической среды обитания человека, что отражает сильное чувство субъективности, защита деревни со всеми её традиционными

устоями, тревога за судьбу человечества гуманистический подход. Высшей нравственной ценностью Есенин считает народную мудрость. По мнению поэта, психологическая неуверенность человека в современном мире обусловлена утратой моральных жизненных опор [Есенин, 1990]. Обретение же этих опор лежит через возвращение к родным местам, к традициям отцов, к гармоничному сплетению с природой. Поэт рассматривает природную деревню в истории и культуре всего народа и показывает исторические и культурные традиции, принадлежащие конкретному региону, что делает региональность стихотворения глубоко и многогранно отраженной, расширяющей красоту смысла и напряженность стихотворений. Творчество Есенина панорамно отображает состояние бытия и темперамент крестьянина, боль и страдания крестьянской Руси, ее радость и надежду, стремление понять сложную судьбу своего народа, представляя настоящую, глубокую эмоцию, которая является своего рода естественным чувством народа, тесно связанным с землей, дающим ощущение близости и подлинности. Однако эти народные чувства – не только тоска Есенина по идиллическим сельским пейзажам и жизни, но и его приверженность традиционным ценностям.

3.3. Культурная идентичность в региональном пространстве

«Великая литература не может существовать отдельно от своей нации. И нация не может определить свои характеристики в отрыве от своей великой литературы» [陈恕, 2013, с. 79]. Иными словами, любое произведение, нарратив которого обязательно подчинен национальной культуре в целом, существует в той национальной куль-

туре, к которой оно принадлежит, и ни одна эстетическая личность не существует самостоятельно. Для какой-либо нации литературные нарративы, принадлежащие этой нации, играют важную референтную роль в воспроизведении и конструировании идентичности группы, к которой принадлежит сам художник. Это подводит нас к вопросу о культурной идентичности.

Культурная идентичность представляет собой осознание принадлежности человека к той или иной культурной общности путем самоотождествления с ее культурными образцами, установление духовной взаимосвязи между индивидуумом и конкретной культурой или культурным обществом, которая располагает общей системой символов и значений, а также ценностей, норм и правил поведения. «Культурная идентификация, являясь испытываемыми чувствами индивида внутри определенной культуры, воспитывает ценностное отношение индивида к самому себе, другим индивидам, социуму и обществу в целом» [Тараторин, 2020, с. 25]. «Культурная идентичность – это привычный образ мышления, который запечатлен в подсознании представителей той или иной нации. Культурная идентичность рассматривается обычно как отождествление (идентификация) личности с национальной культурой. Культурная идентичность всегда начинается с индивида, и на его путь идентификации с культурой влияет культурная среда, в которой он живет, так что может быть сформирована согласованность идентичности, придающая культурной идентичности групповой характер» [郑晓云, 2008, с. 84]. С точки зрения культурной идентичности, люди всегда находятся под влиянием многих куль-

тур на протяжении всей своей жизни и постепенно формируют свои собственные модели и содержание идентичности, но детство всегда является периодом, когда люди наиболее способны сформировать более стабильную и глубокую культурную идентичность, потому что «...культурная среда, в которой они живут, уже подсознательно и принудительно идентифицирует их с определенной культурой» [郑晓云, 2008, с. 84]. В поэзии Есенина существует большое количество людей, событий и предметов, которые свидетельствуют о процессе взросления поэта. Есенин нередко интерпретирует процесс саморазвития с помощью персонажей и событий из своих детских воспоминаний, включая взаимодействие между собой и другими, атрибутивные отношения между собой и группами, конфронтационные (или дружеские) отношения между собой и окружающей средой, а также природой, чтобы выразить самоограничение и приспособление к всеобъемлющим факторам среды обитания, а также процесс завершения самообразования в условиях бунта и конфронтации. Пробуждение индивидуального субъектного сознания проявляется главным образом в осознанном выборе поэтом культурной среды и культурной атмосферы после того, как он становится подростком. Для Есенина культурная идентичность начинается с поиска путей самоидентификации. Самоидентификация тесно связана с регионом, в котором живет поэт, с его национальной культурой и развитием страны, что является результатом самосознания поэта и в то же время формирует его истинное мировоззрение. Самоидентификация – это основной вопрос о том, «Кто я?», «Откуда я пришел?» и «Куда

я иду?» в философии. Человек не может жить без своей идентичности. Есенин с начала до конца уделял большое внимание проблеме самоидентификации, и в его стихах всегда раскрываются поиски и ответы поэта на вопросы о самоидентификации «кто я?» и культурной самобытности.

Культурная идентичность Есенина как поэта претерпела когнитивный процесс во времени и пространстве, который также можно назвать траекторией изменений: от боли «пересадки» в город к желанию «возвращения» на родину, а затем к «переосмыслению» жизни.

Покинув родной край и переехав в город, Есенин был глубоко впечатлен огромным разрывом между региональными культурами, что вызвало психологическую и эмоциональную фрустрацию и недоумение, и создало в его творчестве состояние переплетения, которое одновременно является противоречивым и проницаемым между различными культурными факторами, такими как новое и старое, современность и традиции, местность и открытость и т. д. Начало 1920-х годов стало непростым временем для Есенина. Поэт, живущий в городе, чувствует себя неуютно, он не знает, кто он, ни в том и ни в другом месте не ощущает себя «своим», и неспособность найти свое место в жизни мучила его, потому что он не понимал, «куда несёт нас рок событий».

В 1920-е годы Есенин написал цикл весьма противоречивых и наполненных горечью стихотворений. Стихотворный сборник «Москва кабацкая» (1924) – свидетельство острого душевного кризиса поэта и одновременно поиска выхода из него. Есенинский герой «воспринимается как образ само-

го поэта, реально существующего человека: читатель отождествляет создание и создателя» [Корман, 1982, с. 9]. Атмосфера в сборнике передает ощущение неразрешимых противоречий жизни, безысходного отчаяния, тоски, подчеркивает тяжесть существования поэта, боль, ощущение никчемности и бессмысленности своего существования. Лирический герой, как представитель «потерянного поколения», пытается найти утешение в пьянстве и разгуле, однако, не находит его там («...Заливаю глаза вином, / Чтоб не видеть в лицо роковое, / Что б подумать хоть миг об ином» («Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», 1922), «Стыдно мне, что я в Бога верил. / Горько мне, что не верю теперь...» («Мне осталась одна забава...», 1923)). В этот период его творчества мотив странничества усиливается и перерастает в мотивы изгойства, отверженности, босячества и хулиганства. Термин «странничество» имеет двойное значение: географическое и духовное. Это уход от своих родных, от своей языковой среды, необратимое отсечение человека от родных мест, человеческого «я» – от своего подлинного дома. Тоска странника неисцелима, неловкость странника заключается не только в том, что он покидает родной город, но и в том, что очень многое в современном мире напоминает о том, что ты странствуешь. Поэтому странник существует в промежуточном состоянии, не соединяясь с новым окружением и не отделяясь полностью от старого, а скорее пребывая в неопределенности. Есенин чрезвычайно ярко выражает духовное странничество, что является дилеммой выживания в промежутке между двумя культурами, между двумя эпохами в период великой исторической ломки.

Кризисное состояние духа обуславливается обострением внутренней дисгармонии личностного сознания. Есенин противопоставляет себя окружающему миру, ощущает «в развороченном бурей быте» («Письмо к женщине»), ощущает в нем свое одиночество, боль от непонимания. Поэт пытается понять себя, понять окружающий его мир, найти свое место в этом мире, хочет примириться с новой действительностью, вписаться в новую реальность и обрести идентичность. В. Хёсле видит возможные причины кризиса идентичности в «отрицании символов; распаде коллективной памяти, представляемой традициями; утрате веры в будущее; дисгармонии между описательными и нормативными образами себя; прерывности в истории» [Хёсле, 1994, с. 113]. Неудача в процессе адаптации к новому месту и обстановке, недостаток четкой личной идентичности могут привести к неуверенности в себе и чувству отсутствия дома во всем мире. Потеря идентичности чревата утратой психического равновесия, дискомфортом, девальвацией и асоциализацией личности. Разрыв с прошлым для Есенина был мучительным. Сожалея о «Руси крестьянской», «Руси уходящей», лирический герой Есенина не хочет отставать и от «Руси грядущей» («Русь бесприютная», «Русь уходящая», «Русь советская» (1924)). Однако, он горько осознал, что в своей стране «стал словно иностранец», что он уже не вписывается в новое общество, даже в родном доме он – совершенно чужой человек («Возвращение на родину», 1924), и понял, что, уехав в Москву, он утратил что-то для себя очень важное и дорогое, вернуть которое уже не в состоянии. Он очень болезненно ощущает полную оторван-

ность от своих корней, от всего того, на что раньше он мог опереться. Родина, отчий дом находятся только в своих воспоминаниях. В этом случае у поэта неизбежно возникает сильная ностальгия, тоска по родине. Ностальгия становится для поэта своего рода этической метафорой, милые, родные образы воскресают в памяти, навевая воспоминания о детстве, о родной стороне («Эта улица мне знакома...», 1923), поэт тоскует о прекрасном времени детства и юности, о родительском доме. Воспоминания о родине согревают душу и придают силы поэту в сложный период. Психология ностальгии побуждает поэта духовно возвращаться в родной край, позволяя страннику обрести свой духовный дом. Родной край стал своего рода духовным символом или олицетворением внутреннего комплекса возвращения. Важный путь достижения гармонии – это воспоминания о родном крае, и чрезвычайно важным фактором сохранения идентичности является память о прошлом. Есенин сопротивляется себя настоящему с помощью воспоминаний. В этом процессе, даже если он покинул район, где жил подростком, или окружающая среда, в которой он живет сейчас, полностью изменилась, и понятие «дом» стало понятием прошлого, он все равно способен найти духовную принадлежность и реализовать чувство идентичности через призму ностальгии в своих произведениях. В то же время режим «воспоминания» (или «памяти») используется для преодоления ограничений времени и пространства, а субъект воспоминания идеально соответствует реальной памяти по интуиции, сопровождаемой сложными эмоциями, такими как ностальгия и привязанность к родному дому. Этот эффект «отстра-

нённости» создает ощущение фрагментарности памяти и формирует важный аспект эстетического переживания в эстетике региональной поэзии.

В последние годы жизни Есенин предчувствовал свою смерть, в стихах 1924–1925 гг. («Отговорила роща золотая...», «Цветы мне говорят прощай...», «Мы теперь уходим понемногу...», «Несказанное, синее, нежное...» и т. д.) поэт подводит итог своей жизни и творческого пути, размышляет о собственной ушедшей молодости, о смысле человеческой жизни, о позиции человека в мире. Молодость с ее задором и размахом безвозвратно ушла, но поэт ни о чем не сожалеет. Жизнь пронеслась разгульно и несерьезно, но он с достоинством и мудростью принимает то, что подготовила ему судьба, благодарит жизнь за, что было и то, что, возможно, еще будет:

Будь же ты во век благословенно,
что пришло процветать и умереть
(«Не жалею, не зову, не плачу...»,
1922) [Есенин, 2017, с. 217, 69].

Коротка человеческая жизнь, но бессмертна душа, она продолжает жить в вечности, тоска по утраченной молодости перевоплощается в благословение всему живущему. Есенин прошел путь от крайностей, от мятежности к покою. Он познал истинный смысл жизни в ее понимании и переосмыслении.

Заключение

Изучая поэзию Есенина в рамках региональной культуры, мы не просто анализируем региональный характер его поэтических тем, но, что более важно, анализируем яркий региональный культурный колорит, раскрываемый в поэтических текстах, включающий жизненный опыт и эмоции, образ мышления, связанные с проживанием в регионе. Воображение, память и цен-

ностные суждения о регионе, а также традиции и гуманистические ценности, присущие региону, – все это имеет множество значений, связанных с регионом, культурой, историей и эпохой. Природные и антропогенные ландшафты, запечатленные в стихах Есенина, отражают его индивидуальный стиль и эстетические интересы, которые являются результатом взаимодействия его жизненного опыта, географических особенностей родного края и национальных впечатлений. Есенин «в своем творчестве отобразил многие аспекты русского национального характера, его души, его самосознания и поведения, его прошлого, настоящего и будущего, поиски им национального духовного идеала» [Эвентов, 1978, с. 58].

Пересмотр классики региональной литературы в эпоху глобализации приведет к совершенно новому пониманию деревенских идиллических образов: родная земля несет в себе то, чего не хватает в современной действительности, и становится эстетическим объектом ностальгии, своего рода памятью и символом возвращения души домой [刘英, 2010]. Основной идеей поэтического творчества Есенина является утверждение духовного мира национальной самобытности, которая сложилась еще в эпоху древней Руси. Высшей нравственной ценностью Есенин считал народную мудрость. По мнению поэта, психологическая неуверенность человека в современном мире обусловлена утратой моральных жизненных опор. Обретение же этих опор основывается на возвращении к родным местам, к традициям отцов, к гармоничному сплетению с природой. В то же время поэт подчеркивает самоидентификацию и национальную принадлежность через изображение идил-

лического сельского общества и создание уникальный вклад Есенина в русскую сельской народной культуры. Это поэзию.

Библиографический список

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. Москва : Мысль, 1983. 350 с.
2. Белова В. Я. Социокультурная методология анализ российского общества. История как феномен культуры // Рубеж. 1996. № 8–9.
3. Городецкий С. М. О Сергее Есенине. Воспоминания // Новый мир. 1926. № 2. 12.08.2012. URL: <https://esenin.su/o-esenine/vospominaniia/gorodetskii-sergei-o-sergee-esenine-vospominaniia-publikatsiia-1926-g>. (дата обращения: 11.04.2024).
4. Есенин С. А. Из статьи « О себе». Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Москва : Советская Россия: Современник, 1990. 480 с.
5. Есенин С. А. Полное собрание сочинений в одном томе. Москва : АЛЬФА КНИГА, 2017. 719 с.
6. Золотарёв С. А. Писатели-ярославцы: Ярославский край как один из культурных центров России: И. З. Суриков. А. Ф. Иванов-Классик. С. Я. Дерунов. Ярославль : Изд-во Ярослав. с.-х. и кредит. союза кооперативов, 1920. 80 с.
7. Казакова Г. М. Регион как социокультурный феномен. Москва : Изд-во НОУ УРАО, 2013. 163 с.
8. Калуцков В. Н. Литературная география как научный предмет и как учебная дисциплина // Вестник Московского университета Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 67–79.
9. Кистанов В. В. Региональная экономика России : учебник / В. В. Кистанов, Н. В. Копылов. Москва : Финансы и статистика, 2002. 584 с.
10. Корман Б. О. Литературоведческие термины по проблеме автора. Ижевск : Удмуртский государственный университет, 1982. 19 с.
11. Корольков С. В. Этнорегиональная культура: определение понятия // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 4. С. 43–46.
12. Ляпкина Т. Ф. Континуум культуры региона // Континуум культуры регионов. Коллективная монография. Санкт-Петербург : Эйдос, 2012. 637 с.
13. Мурзина И. Я. Региональная культура: репрезентации и возможности изучения // Управление культурой. 2022. № 1. С. 11–17.
14. Волков Ю. Г. Регионоведение: учеб. пособие. Ростов-на-Дону : Феникс, 2002. 416 с.
15. Спиридонова А. Проблема взаимодействия универсального и локального в региональной культуре Забайкалья // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007;(33). С. 246–249.
16. Сорокин П. А. Система социологии. Т. 2. Москва : КОЛОС, 1993. 688 с.
17. Стрелецкий В. Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Серия географическая. 2002. № 4. С. 18–28.
18. Тараторин Е. В. Культурная идентичность как важный ценностно-смысловой компонент самосознания народа в условиях глобализации // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2020. № 1 (4). С. 24–27.

19. Фоминых О. Б. Региональная и провинциальная культура: некоторые характеристики // Время культуры в региональном пространстве: сборник научных трудов. Курган : Изд-во Курганского государственного университета, 2010. 158 с.
20. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–113.
21. Чернышов А. Г. Регион: границы политического пространства // Регион как субъект политики и общественных отношений : материалы семинара (Саратов, 25–28 авг. 1999 г.). Москва : Изд-во Московский общественный научный фонд, 2000. С. 125–136.
22. Эвентов И. С. Сергей Есенин. Ленинград : Просвещение, 1978. 128 с.
23. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной...: Система пейзажных образов в русской поэзии. Москва : Высшая школа, 1990. 302 с.
24. Юлбарсов Ф. Б. Поэтика национального характера в творчестве С. А. Есенина // Молодой ученый. 2022. № 18 (413). С. 557–559.
25. 陈恕.爱尔兰文学[M].北京:外语教学与研究出版社, 2013.
26. 韩鲁华, 韩云.地域文化与作家审美个性及风格——路遥、陈忠实、贾平凹文学创作比较论之一[J].西安建筑科技大学学报(社会科学版), 2009 (02): 29-36.
27. 李冬梅.地域文化视野中的 90 年代女性城市小说[D].吉林大学, 2011.
28. 刘英.全球化时代的美国文学地域主义研究[J].国外文学, 2010(02): 25-32.
29. 刘震云.不能忘记的河边一幕[N].北京晚报·五色土, 2020-07-23.
30. 田中阳.论区域文化对当代小说艺术个性形成的影响[J].中国文学研究, 1993(03): 67-72.
31. 徐凤.文化生态视域下的甘肃民间故事研究 绪论[M].兰州:兰州大学出版社, 2020.
32. 严家炎.区域文化: 研究二十世纪中国文学的重要视角[J].中国文化研究, 1994(06): 26-29+4.
33. 张岱年.中国文化概论[M].北京:北京师范大学出版社, 1994.
34. 郑晓云.文化认同论[M].北京:中国社会科学出版社, 2008.
35. 曾大兴.文学地理学概论[M].北京:商务出版社, 2017.

Reference list

1. Alaev Je. B. Social'no-jekonomicheskaja geografija: ponjatijno-terminologicheskij slovar' = Social economic geography: a conceptual-terminological dictionary. Moskva : Mysl', 1983. 350 s.
2. Belova V. Ja. Sociokul'turnaja metodologija analiz rossijskogo obshhestva. Istorija kak fenomen kul'tury = Sociocultural methodology analyzing Russian society. History as a cultural phenomenon // Rubezh. 1996. № 8–9.
3. Gorodeckij S. M. O Sergee Esenine. Vospominanija = About Sergei Yesenin. Memories // Novyj mir. 1926. № 2. 12.08.2012. URL:<https://esenin.su/o-esenine/vospominaniia/gorodetskii-sergei-o-sergee-esenine-vospominaniia-publikatcia-1926-g.> (data obrashhenija: 11.04.2024).
4. Esenin S. A. Iz stat'i «O sebe». Sobranie sochinenij = From the article “About Myself”. Collected works: v 2 t. T. 1. Moskva : Sovetskaja Rossija: Sovremennik, 1990. 480 s.

5. Esenin S. A. Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome = Complete works in one volume. Moskva : AL"FA KNIGA, 2017. 719 s.
6. Zolotarjov S. A. Pisateli-jaroslavcy: Jaroslavskij kraj kak odin iz kul'turnyh centrov Rossii: I. Z. Surikov. A. F. Ivanov-Klassik. S. Ja. Derunov = Writers of Yaroslavl: Yaroslavl region as one of the Russian cultural centers: I. Z. Surikov. A. F. Ivanov-Klassik. S. Ya. Derunov. Jaroslavl' : Izd-vo Jaroslav. s.-h. i kredit. sojuza kooperativov, 1920. 80 s.
7. Kazakova G. M. Region kak sociokul'turnyj fenomen = The region as a sociocultural phenomenon. Moskva : Izd-vo NOU URAO, 2013. 163 s.
8. Kaluckov V. N. Literaturnaja geografija kak nauchnyj predmet i kak uchebnaja disciplina = Literary geography as a scientific subject and as an academic discipline // Vestnik Moskovskogo universiteta Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. 2015. № 4. S. 67–79.
9. Kistanov V. V. Regional'naja jekonomika Rossii = Russian regional economy : uchebnik / V. V. Kistanov, N. V. Kopylov. Moskva : Finansy i statistika, 2002. 584 s.
10. Korman B. O. Literaturovedcheskie terminy po probleme avtora = Literary terms on the author's problem. Izhevsk : Udmurtskij gosudarstvennyj universitet, 1982. 19 s.
11. Korol'kov S. V. Jetnoregional'naja kul'tura: opredelenie ponjatija = Ethnic regional culture: the concept definition // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. 2018. № 4. S. 43-46.
12. Ljapkina T. F. Kontinuum kul'tury regiona = Cultural continuum of the region / Kontinuum kul'tury regionov. Kollektivnaja monografija. Sankt-Peterburg : Jejdos, 2012. 637 s.
13. Murzina I. Ja. Regional'naja kul'tura: reprezentacii i vozmozhnosti izuchenija = Regional culture: representations and possibilities for studying // Upravlenie kul'turoj. 2022. № 1. S. 11–17.
14. Volkov Ju. G. Regionovedenie = Regional studies : ucheb. posobie. Rostov-na-Donu : Feniks, 2002. 416 s.
15. Spiridonova A. Problema vzaimodejstvija universal'nogo i lokal'nogo v regional'noj kul'ture Zabajkal'ja = The problem of interaction between the universal and the local in Transbaikal regional culture // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2007;(33). S. 246–249.
16. Sorokin P. A. Sistema sociologii = The system of sociology. T. 2. Moskva : KOLOS, 1993. 688 s.
17. Streleckij V. N. Geograficheskoe prostranstvo i kul'tura: mirovozzrencheskie ustanovki i issledovatel'skie paradigmy v kul'turnoj geografii = Geographical space and culture: worldviews and research paradigms in cultural geography // Izvestija RAN. Serija geograficheskaja. 2002. № 4. S. 18–28.
18. Taratorin E. V. Kul'turnaja identičnost' kak vazhnyj cennostno-smyslovoj komponent samosoznanija naroda v uslovijah globalizacii = Cultural identity as an important value-semantic component of people's self-awareness in the context of globalization // Kul'tura v evrazijskom prostranstve: tradicii i novacii. 2020. № 1 (4). S. 24–27.
19. Fominyh O. B. Regional'naja i provincial'naja kul'tura: nekotorye harakteristiki = Regional and provincial culture: certain characteristics // Vremja kul'tury v regional'nom prostranstve: sbornik nauchnyh trudov. Kurgan : Izd-vo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. 158 s.

20. Hjosle V. Krizis individual'noj i kollektivnoj identichnosti = Individual and collective identity crisis // Voprosy filosofii. 1994. № 10. S. 112–113.

21. Chernyshov A. G. Region: granicy politicheskogo prostranstva = Region: boundaries of political space // Region kak sub#ekt politiki i obshhestvennyh odnoshenij : materialy seminara (Saratov, 25–28 avg. 1999 g.). Moskva : Izd-vo Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond, 2000. S. 125–136.

22. Jeventov I. S. Sergej Esenin = Sergei Yesenin. Leningrad : Prosveshhenie, 1978. 128 s.

23. Jepshtejn M. N. Priroda, mir, tajnik vselennoj...: Sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj poezii = Nature, the world, the secret place of the universe...: The system of landscape images in Russian poetry. Moskva : Vysshaja shkola, 1990. 302 s.

24. Julbarsov F. B. Pojetika nacional'nogo haraktera v tvorchestve S. A. Esenina = National character poetics in S. A. Yesenin's works // Molodoj uchenyj. 2022. № 18 (413). S. 557–559.

25. 陈恕.爱尔兰文学[M].北京:外语教学与研究出版社, 2013.

26. 韩鲁华, 韩云.地域文化与作家审美个性及风格——路遥、陈忠实、贾平凹文学创作比较论之一[J].西安建筑科技大学学报(社会科学版), 2009 (02): 29-36.

27. 李冬梅.地域文化视野中的 90 年代女性城市小说[D].吉林大学, 2011.

28. 刘英.全球化时代的美国文学地域主义研究[J].国外文学, 2010(02): 25-32.

29. 刘震云.不能忘记的河边一幕[N].北京晚报·五色土, 2020-07-23.

30. 田中阳.论区域文化对当代小说艺术个性形成的影响[J].中国文学研究, 1993(03): 67-72.

31. 徐凤.文化生态视域下的甘肃民间故事研究 绪论[M].兰州:兰州大学出版社, 2020.

32. 严家炎.区域文化: 研究二十世纪中国文学的重要视角[J].中国文化研究, 1994(06): 26-29+4.

33. 张岱年.中国文化概论[M].北京:北京师范大学出版社, 1994.

34. 郑晓云.文化认同论[M].北京:中国社会科学出版社, 2008.

35. 曾大兴.文学地理学概论[M].北京:商务出版社, 2017.

Статья поступила в редакцию 19.09.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 19.09.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-151
EDN XVGJMH

**Образный мир мифологии Востока
в русской литературно-художественной традиции**

Николай Николаевич Иванов

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. Исследованная в статье историко-литературная, историко-культурная проблематика обусловлена современными гуманитарными запросами: знание национально-культурных систем, связей и отношений между ними может использоваться для объяснения настоящего, прогнозирования будущего, развития связей, налаживания диалога между людьми, народами и государствами. Мифология – то основание, на котором строится любая национально-государственная система, поэтому без ее изучения невозможно понять и Восток, и Русский мир. Цель, задачи работы включены в следующий филологический, историко-культурный контекст: обрисовать мифопоэтические, отчасти исторические, гуманитарные причины свойственного русской национальной традиции давнего влечения к Востоку; осмыслить образы мифологии Востока применительно к русской фольклорной, литературной традициям, определить Восток не как административно-географическое пространство, а как определённую сущность, синтезируемую из контекста культурологом, философом, мифем; востребованную человеком, сформированным в знаково-ценностном поле русского языка. В статье пересмотрены многие сложившиеся стереотипы, проанализировано место, значение, роль знаковых образов, мотивов мифологии Востока для русского фольклора, литературы Средневековья, интеллигентского сознания рубежа XIX – начала XX столетий, показано, как эти мотивы оказались не только восприняты русским фольклором, литературой Средневековья, художественным сознанием Серебряного века, литературой неореализма, но и обрели в них новое качество, получили определённую самостоятельность в виде субъектов русской национальной традиции. В статье показана роль образного мира мифологии Востока для русского искусства, духовного мира русского человека и переосмыслен значительный массив отдельных памятников и произведений, особое место уделяется рассмотрению роли философом Н. Рериха в контексте проблемы осмысления роли Азии для России.

Ключевые слова: образный мир мифологии Востока; востокоцентризм; русский фольклор; литература Средневековья; неореализм; миф; мотив; архетип

© Иванов Н. Н., 2024

Для цитирования: Иванов Н. Н. Образный мир мифологии Востока в русской литературно-художественной традиции // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 151-166. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-151>. <https://elibrary.ru/XVGJMH>.

Original article

**The image world of Oriental mythology
in the russian literary and artistic tradition**

Nikolai N. Ivanov

Doctor of philology, professor at the department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. The historical, literary and cultural problematic investigated in the article is conditioned by modern humanitarian demands: the knowledge of national-cultural systems, attitudes and relations between them can be used to explain the present, to predict the future, to develop links, and to establish a dialog between people, nations and states. Mythology is the foundation on which any national state system is built, so, without its analysis, it is impossible to understand both the East and the Russian world. The aim and the objectives of the work are included in the following philological, historical and cultural context: to outline the mythopoetic, partly historical and humanitarian reasons for the long-standing attraction to the East inherent in the Russian national tradition; to conceptualize the images of Oriental mythology in relation to Russian folklore and literary traditions; to define the East not as an administrative and geographical space, but as a certain entity, synthesized from the context of culturologemes, philosophemes and mythemes, required by a person shaped in the sign-value field of the Russian language. The article reconsiders many established stereotypes, analyzes the place, significance and the role of iconic images and motifs of Oriental mythology for Russian folklore, for literature of the Middle Ages, for the intelligentsia's mentality at the turn of the XIX - early XX centuries. The author shows how these motifs were not only accepted by Russian folklore, literature of the Middle Ages, by artistic minds of the Silver Age and by neorealism literature, but also acquired new qualities and gained a certain independence as subjects of the Russian national tradition. The article shows the role of the Oriental mythology figurative world for Russian art, for the spiritual world of the Russians and reinterprets a large number of certain artifacts and works. A special attention is paid to the role of N. Roerich's philosophemes in the context of understanding the role of Asia for Russia.

Key words: figurative world of Oriental mythology; Orientcentrism; Russian folklore; literature of the Middle Ages; neorealism; myth; motif; archetype

For citation: Ivanov N. N. The image world of Oriental mythology in the Russian literary and artistic tradition. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 151-166. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-151>. <https://elibrary.ru/XVGJMH>.

Введение

Духовное состояние нации – концепт не устаревающий. Его актуальность определяют национальные традиции, духовный опыт, историческая память, зафиксированные в мифологии, фольклоре, в культуре устной и письменной, в литературе. Творческая интеллигенция дала свои варианты осмысления духовного состояния: на рубеже XIX-XX столетий наблюдается востокоцентризм, современный Русский Мир в поисках идентичности смотрит на Восток в его пересечениях с русской культурой.

В данной работе мифология Востока – это отдельные стороны мифологических систем Индии Китая, Монголии, Тибета, российского Алтая [Индийская мифология, 1980; Китайская мифология, 1980], их образы, архетипы, сюжеты и мотивы в контексте творческой рецепции в волшебных сказках, былинах, героическом эпосе, древнерусских повестях, сочинениях писателей, поэтов рубежа XIX – начала XX столетий, середины века XX.

В работе предложена концепция метафизики русской мысли через Восток. В русской традиции первая встреча с Востоком не имеет временной конкретной исторической точки; былины Владимирского цикла свидетельствуют, что, например, Волх и его дружина «путь туда» знали; эта дорога имеет не географические, а мистические ориентиры: мотивы начальных времён, ухода, поисков чудесной страны, обретения и утраты.

В чём состоял магнетизм Востока, что ожидал открыть в нём русский человек, насколько оправдались его ожидания? Восток и его мифология воспринимались, переосмысливались по законам художественным, создавался

русский миф, типологический образ Востока, варьируемый в указанных жанрах. Описание означенного процесса в его глубинных движениях, мотивах, архетипах, ключевых образах, характеристиках; изучение предания и повествования, прототипов и образов Востока, типологии, вариантов – центральная задача данной работы; в ней сделана попытка восполнить существенные, на наш взгляд, пробелы в исследовании очерченной проблематики.

Мотивы, архетипы мифологии Востока в русском фольклоре, литературе: философские и эстетические основы

Мифология Востока в русском фольклоре и литературе Средневековья. Трагедия Афанасия Никитина и её глубинные причины

В русском фольклоре, литературе Средневековья мотивы, архетипы мифологии Востока, преимущественно Индии, конструируют прообраз легендарных земель, подобных Ирию, Беловодью, Опоньскому царству и другим, синонимичным Земле Обетованной, Невидимому Граду, Иному Царству русского фольклора [Трубецкой, 2003]. Это миры запредельные, иррациональные, неизведанные, потому ещё более желаемые и желанные. Пространство Востока духовно-мистическое; как отражение Неба на Земле оно давало русскому человеку иллюзию познания неземных тайн, получения или хотя бы созерцания одним глазом бесчисленных сокровищ, волшебных существ и сказочных дев, перенесения туда, где нет зимы и вечное лето. Однако Восток, Индия имеют и другую, по ту стороны границы счастья, сакральную сущность: это идущее от истоков Бы-

тия единство всего живого, родство растений, птиц, зверей и людей. Единство закреплено мифологиями, религиями, обрядами и ритуалами, бытом, всем строем жизни человека Востока, но антиномично русскому, европейцу, христианину.

Русское национальное сознание адаптировало Восток. Объект в виде системы мотивов, архетипов, мифологем впитывался и усваивался постепенно, но в этом процессе сам подвергся творческой переработке, так далёкая Япония, до которой старообрядцы физически не дошли, стала прототипом Опоньского царства их легенд. Национальная память, фольклор, литература Средних веков выработали традицию, актуализированную второй раз в конце XIX – начале XX века: достаточно назвать образы Беловодья в поэзии Н. Клюева, Китежа, Азии в прозе М. Пришвина, отдельные рассказы И. А. Бунина, поэму А. Блока «Скифы», лирику В. Хлебникова. Время проверило стойкость означенных мотивов.

Повествования, устные предания идеализируют Индийскую землю. Наиболее ярким в этом плане является памятник XII века «Сказание об Индийском царстве», или «Сказание об Индии богатой». Земля Индийская населена диковинными полулюдьми-полузверьями-полуптицами, безгранична власть её царя. В списке А. Н. Веселовского, повторяющем список XV века Кирилло-Белозёрского монастыря, эта картина детализирована. Индийский царь говорит: «Есть у меня птица ногой, вьет себе гнездо на 15 дубов. Есть <...> птица финикс, свивает себе гнездо на нов месяц и приносит от огня небесного и сама зажигает гнездо своё <...> 500 бо лет живёт. А посреди моего царства идёт

река эдем из рая <...> нет в моей земле ни татя, ни разбойника, ни завидлива человека, занеже моя земля полна всякого богатства. А нет в моей земле ни ужа, ни жабы, ни змеи, а хотя и войдёт, тут же и умрёт» [Хрестоматия по древней русской литературе, 1955, с. 168].

Возможно, первый из повернувшихся на Восток персонажей русского фольклора – это былинный Волх (Вольга) Всеславьевич, покоритель «Индийского царства славного». Вольга архаичен и наделён древними мифопоэтическими связями с Матерью Землёй, природой, зооморфным героем-первопредком. Княжна Марфа Всеславьевна зачала Волха от Змея, то ли сидя на камне, то ли на змея наступив. Следовательно, Волх – получеловек-полузверь, но постоянный его облик – людской; зооморфное начало в образе дополнено антропоморфным. От Змея-отца он унаследовал хитрость, ум, оборотничество (талант трансформации плоти), понимание языка птиц и зверей. Обратным был и его дед по матери – князь Всеслав Полоцкий, прозванный Вещим, или Чародеем. Благодаря таким талантам Вольга одолел индийского царя Салтыка Ставрुльевича, завоевал его царство и, женившись на уже бывшей жене царя Елене Александровне, сам стал царём. Конечно, семь тысяч его дружинников берут в жёны индийских девушек, все получают несметные богатства.

Судьбу Волха определили мотивы чудесного рождения, получения даров. Волх-ребёнок соответствует архетипу чудесного отрока: воинскую атрибутику знал на втором часу жизни, грамотой и науками овладел в семь лет, магией – в десять, подобрал дружину – в двенадцать, в пятнадцать – войско из одногодков. В этом же архетипе и

умный не по летам младенец Христос, и герой русской «Повести о Дмитрие Басарге и сыне его Борзосмысле», дошедшей в списках XVII века¹.

Пропустив этап развития, выделим связь Волха с первоэлементами природы: месяц, земля, синее море, звери, птицы, рыбы. Формальная причина сражения Волха с Салтыком – оборона Киева как центра христианского мира; глубинная же имеет звериные основы – доказать своё превосходство в главном испытании. И Волх его достойно прошёл, поочередно оборачиваясь волком, соколом, горностаем, мурашиком. Поединок Волха и царя индейского близок другой былинной битве – Ильи и Соловья Разбойника, преградившего дорогу в столичный Киев-град. Илья и Волх архетипичны, сюжетные мотивы их сражений типовые: защита христианства от антагонистов-индуистов.

Индуизм имеет органические истоки: подобно птицам, полулюди-полуптицы селятся на деревьях, деревья соединяют землю и небо, растения и животных, питают птиц плодами и соками земли. Дом Соловья находился на 7 дубах; на 15 дубах был дом птицы Финикс в «Сказании об Индийском царстве». Речка Смородина омывает корни дубов и усиливает род Соловья, в котором все сплетены кровными, кровосмесительными связями; этика индуизма разрешает (не табуирует) братьям и сёстрам быть супругами [Барлен, 1993]. Соловей – полужверь-полуптица-получеловек; дитя Востока – Одихмантьев сын. Звуковая аналогия позволяет допустить, что Одихмантий – это индуистский жрец брахман, передавший сыну живучесть, власть над всем, что ползает, бегает и летает. Брахман наделён субстанциями не только существа, но и состояния.

Индия заняла центральное место и в памятнике второй половины XV века «Путешествие Афанасия Никитина». Никитин повествует о трагедии, вызванной неразрешёнными противоречиями между своим и чужим: русский человек наблюдал, как Русская земля замещалась в нём землёй Индийской.

Никитин первый, вероятно, открывший Индию ещё до португальцев европеец. По одним данным, хождение заняло шесть лет: с 1466 по 1472 год [Хрестоматия по древней русской литературе, 1955, с. 212]. Изначально начинание было коммерческим, но мы усматриваем в нём и навеянный фольклором сокровенный мотив: желание повторить успех былинного новгородца Садко – успешного торговца, мореплавателя, путешественника. Садко – персонаж вымышленный, Никитин – реальное лицо, но былины убеждают, потому что имеют модальность достоверности. Садко был и в Индийской земле, и в подводном царстве у морского царя не забывал о богатстве. Отдельные эпизоды истории Садко ассоциируются с мотивами баллады Гёте «Лесной царь», наполненной фольклорными образами. Лесной царь, Erlkonig, привлекает случайных встречных в лесу рассказами о драгоценных камнях и прекрасных цветах на морском берегу, о золотых одеждах его матери. Но ещё желаннее, нежели сокровища, дочери Лесного царя, которые на берегу морском поют и танцуют [Иванов, 2020]. Садко прельщает Чернава, дочь царя морского, её нужно угадать, идентифицировать. Интуиция новгородца не подвела, в одном из вариантов этого сюжета содержится намёк на состоявшуюся близость Садко и Чернавы. Мифопоэтический мотив не будет полным, если не раскроется в троичности,

и здесь на помощь приходит Одиссей (Улисс) у чародейки-колдуньи Цирцеи.

Текст Никитина динамичен благодаря мотивам дороги, хождения с семантическими коннотациями преодоления и выбора. Текст рефлексивен, изобилует всяческими деталями, вплоть до бытовых: услуги и цены в столичном Делийском султанате, где жил Никитин. Фантастические раскраска, атрибутика, экзотика Индийской земли в сочинении тверского купца импонируют русскому читателю. Индия – мир утопический, Индия – соблазн, которому трудно противостоять. Афанасий подробно излагает бытовые подробности, секреты индийской кухни, он восхищён сказочной архитектурой, техникой резьбы по камню, уникальным филигранным исполнением множества фигур людей, животных и растений на культовых столбах, зданиях, фасадах индуистских храмов [Хрестоматия по древней русской литературе, 1955, с. 214]. Ещё более его поразили сюжеты, сцены, смыслы и ритуалы, запечатлённые в резьбе, более древней, чем христианство. Никитин прикоснулся к иным, не христианским, философии, концепции человека и Мира. Вот что узрел он в храме Будды в «Первоти» и рядом: «А бутхана же велми велика, есть с пол-Твери, камена, да резаны по ней деяния Бутовья <...> как Бут чудеса творил <...> являл многими образы: первое человеческим образом являлся, другое человек, а нос слонов, третье человек, а виденье обезьянино, в четвёртые человек, а образом лютого зверя, являлся им всё с хвостом, а вырезан на камени, а хвост через него сажень <...> да у бутханы бреются старья жёнки и девки, а бреют на себе все волосы <...> в бутхане же Бут вырезан ис камени

<...> да хвост у него через него <...> а гузно у него обвязано ширинкою, а виденье обезьянино <...> а жонки Бутовья наги вырезаны и с соромом, а з детьми. А перед Бутом же стоит вол велми велик, а вырезан из камени из чёрного, а весь позолочен, а целуют его в копыто, а сыплют на него цветы, и на Бута сыплют цветы» [Хрестоматия по древней русской литературе, 1955, с. 216, 217].

Афанасия потрясло как мировоззрение индуизма, увековеченное в скульптурах и на храмовых стенах, так и отношение индийского народа к сакральной стороне бытия, отсутствие запретов, какой-либо цензуры: мир и человек взаимопроникают во всех сферах и формах, вплоть до интимных. Зооморфность тождественна антропоморфности, человек и тварь едины; божества сопровождают людей во всём: Будда с носом слона, с лицом обезьяны, с хвостом, в образе лютого зверя. Целование вола в копыто – поклонение обожествлённому скоту; люди строят мост на Цейлон, стройкой руководит Царь обезьян, обезьяны и люди вместе таскают камни; в XXI веке умершего тигра хоронят с почестями, украшают цветочными венками, как человека высшей касты; нельзя корову ударить палкой, из храма выгнать крыс. Продукт подобных отношений: мифические полулюди-полузвери-полуптицы, но для индуистов, буддистов миф конкретен и материален. В этом ряду и упоминавшийся былинный антипод Русского Мира – сын брахмана Соловей.

Фигуры людей, животных, растений на индуистских скульптурах, рисунках не имеют чётких контуров в виде костей, мышц, но текучие и плавные, словно наполненные живительной

влажгой корни, ветви; деревья охватывают храмы, буквально вырастают в них; всюду детальный растительный орнамент, гармонирующий с растениями настоящими, и непривычные, подчас неприемлемые для европейца аллегории, символы оплодотворения, роста. Таковы они и в пронизанном кровосмесительством доме Соловья. «А жонки Бутовы наги вырезаны и с соромом, а з детьми» [Хождение за три ... , 1948]. Жёны пришли поклониться Будде, их много, детей ещё больше; европейского понятия стыда нет. Что это напоминает? Когда Илья приторочил к седлу побеждённого Соловья, дети, братья и сёстры, жёны и мужа долго вопили и бежали за конём, умоляя русского вернуть им отца. В былине модальность реальности, и Афанасий поддался ей.

Русскому человеку явилась, но не открылась одна из главных тайн Восточной мифологии – птица Феникс, в «Сказании» и у Афанасия именуемая «Финикс». Это дева-птица, полуптица-полуженщина, как Соловей – полужверь-полуптица-получеловек. Дом Феникса на 15 деревьях в «Сказании»; дом Соловья – на 7 дубах. Феникс – стихия женская, Соловей – мужская. Обе птицы охватывают человека со всех сторон, властвуют над его телом и разумом. Обе наделены звериной силой жизни, но в иерархии Феникс выше Соловья, потому что помимо тела и разума она прельщает ещё и душу мужчины, тогда как Соловей никого влюбить в себя не может, его грубые энергии построены на подчинении объекта.

Феникс может восседать на чудесном камне ярко-красного цвета – яхонте, который находится в центре моря. Аналогии: легендарный «белгорюч» камень Алатырь русских вол-

шебных сказок, былин; остров Брунхильды из германского эпоса «Песнь о нибелунгах». Вода и камень – стихии-антиподы (первая – женская, вторая – мужская). Камень разбивает волны, вода точит камень, а над ними возвышается Феникс.

Пение птицы несказанно красиво, её неземной голос завораживает; как не вспомнить сирен античной мифологии и Одиссея. Магичен и свист Соловья, ему подчинялось всё, что движется. От этого раздирающе-пронизывающего звука стал спотыкаться подобный боевому слону даже богатырский коня Ильи. Механизм власти Феникса подразумевает очарование, соблазн женской красотой, сон. Феникс реализует мотивы сна, вечного покоя, рефрена пения птицы: «Спать, спать». Пение – звуковой аналог того, что визуально представлено в резьбе по камню: зыбкость, неопределённость, скольжение, вибрации, перетекание. Феникс управляет людьми, владея их снами; во сне разум отключается, память слабнет. На уровне глубинном, ментальном сон влечёт забвение, потерю памяти, утрату себя, культурно-религиозно-национальной идентичности, размывание личности, смещение миров. Забывая мир свой, герой переходит в мир чужой. Как ни исхитрялся Афанасий, но экзотическую кухню принял, в иноземное платье облачился; допускаем, что примирился он и с верой магометанской, и с индуизмом. Никитин йогой не занимался, ведические мантры не читал, но православные молитвы на тюркских наречиях читать пробовал. Вряд ли он выдержал бы шесть лет в земле Индейской, не согласившись или не уступив, не отступив. Отчасти культурно-национальную, религиозную идентичность он утратил. Принятие

чужого системного языка уже само по себе есть акт духовно-интеллектуальной капитуляции, опускания глаз долу еще до битвы. Мотивы границы и преодоления запрета стали сущностной составляющей трагедии А. Никитина.

Что привёз Афанасий из Индийской земли, что обрёл он в итоге? Ничто, но величайшее разочарование, крушение финансовое и духовное, личностную катастрофу. Индуизм построен на кармической основе; карма тяготеет к искуплению, оно же – к нирване. В этой сфере духовного познания Никитин не добился ничего и нирваны не достиг, хотя провёл в Индии далёкой более шести лет. Его миф о царствах Востока разбился; у интеллигентов XX века, писателя М. Пришвина, художника, публициста, путешественника Н. Рериха, нет. Никитин не сумел переключиться с одной мировоззренческой системы на другую, усвоить вектор самопознания в индуизме, который, как и буддизм, является религией пассивного созерцания; христианство же как религия сострадания предполагает активность.

В начале XX века М. Горький, имея в виду симпатии Л. Н. Толстого к буддизму, поделился с Е. П. Пешковой соображениями о том, что ему, Горькому, ненавистна проповедь буддийских идей в стране, насквозь пропитанной фатализмом, а в статье «Две души» приписал русскому человеку восточные качества: созерцательность, фатализм, пассивное отношение к действительности [Горький, 1918].

Индия, поглотив Никитина, не стала ему духовной родиной, землёй Обетованной, в отличие от называвшегося уже Н. Рериха, которому, как и его жене, детям, стала. В Индийское цар-

ство устремились знаковые представители русского фольклора, культуры: былинные Волх, Садко, историческое лицо Афанасий Никитин. Волх царство покорил и разбогател, Садко разбогател и вернулся, Никитин ни покорил, ни разбогател, он умер на пути домой, в Смоленске, не дойдя самую малость до родной Твери. И в этом мы усматриваем мотивы доли, судьбы, кармы, почти как по Горькому.

В Мумбаи, штат Махараштра, в 2002 году усилиями русского посольства и Российского центра науки и культуры был открыт памятник Афанасию Никитину. В 2008 году на берегу третьего моря, Чёрного, в Феодосии (Кафа) установлен ему памятник, который автор данной статьи имел возможность рассмотреть. В современной Индии помнят и чтят Никитина, изучают русскую культуру по его книге, но ещё видят в ней и себя глазами человека другого мира, что является важным механизмом национального самопознания и бытия.

Пути к Сердцу Азии в русском неореализме; величайший интуитивист Н. Рерих

Огромный когнитивный и художественный опыт русского фольклора, литературы Средневековья в освоении мифологии, культуры Востока был востребован философией, культурой, искусством века Серебряного с учётом его художественных и онтологических реалий: И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт, А. Блок и его поэма А. «Скифы» (1918) с знаменитым эпитафием из В. Соловьёва «Панмонголизм! Хоть имя дико, но нам ласкает слух оно»; Н. Клюев, В. Хлебников, ушедший на Восток Н. К. Рерих, в 2024 году исполняется 150 лет со дня рождения [Иванов, 2022].

Сострадание и созерцание

Предельно субъективны Горьковские оценки русской истории, народа. Основа их в том, что монгольская кровь будто бы взрастила худшие национальные качества: фатализм, отсутствие воли к действию, разбросанность, пустая трата, разрушительные выплески здоровых сил. Эти качества Горький передал многим героям своих произведений; назовём рассказы «В ущелье», «Ледоход», «Женщина», Автобиографическую трилогию, Окуровскую дилогию, роман «Форма Гордеев», повесть «Жизнь Клима Самгина» [Иванов, 2023]. Позиция центральных персонажей названных сочинений не сострадательная, но пассивно созерцательная, как в даосизме, буддизме, индуизме. Свои открытия в форме злорадной иронии М. Горький презентовал А. В. Луначарскому: мироощущение фаталистическое преобладает «у лучших представителей нашей литературы», а в качестве примера сослался на Л. Н. Толстого. Аргументом Алексею Максимовичу послужил фольклор, который весь «пропитан фатализмом», таково учение о судьбе, Долях, Горе-Злочастье и «общее, всюду в сказках и песнях выраженное убеждение в том, что воля человека – бессильна в борьбе с окружающими её таинственными и непобедимыми волями <...> Тут – как бы борьба двух кровей: арийской-славянской, побуждающей к возрождению и слиянию с Западом, и монгольской – отравленной фатализмом, стремящейся к покою» [Переписка М. Горького. Т. 1, с. 441, 442].

Деятельную позицию Горький продекларировал в суждениях о святых. Ему импонируют не созерцательные, молящиеся в монастырях, скитах, но действующие святые; в этом ряду ока-

зался активный из сострадания христианин – Святой Николай, совершавший поступки: усмирять море и вызывая бурю, спасал от смерти невинно осуждённых.

Привлекательнее монгольских оказались арийские, западные стороны русской души: творческая активность, красивая ясность внутреннего мира. Правда, Алексей Максимович не возражал относительно напоминаний ему о его же симпатиях к Востоку [Шуган, 2023]. В книге 1 журнала «Восток» за 1922 год опубликован дружеский шарж Максима Пешкова, сына Горького. Максим изобразил отца в восточном наряде, едва ли не в обломовском халате. В библиотеке московского Дома-музея Горького много книг буддийской тематики [Личная библиотека, 1981]. В этом же доме имеется значительная коллекция японских, китайских статуэток, скульптур, раритетных предметов, в разное время подаренных писателю или собранных им; коллекция нэцкэ Горького была едва ли не самой крупной в Москве. Один японский шкафчик в спальне, другой в кабинете, очень немаленький, четыре полки плотно и со вкусом, любовью уставлены разными любопытными вещами. Вот лишь малая их часть: поэт Госиса, богиня Гуань-инь, коллекция нэцкэ в кабинете. На рабочем столе в кабинете писателя: японский карп из розового кварца, часы, божество Дарума, Куй-синь, японская обезьянка. И ни одной вещицы как атрибута активного запада.

Современники Горького, М. Пришвин, А. Н. Толстой, не согласились бы с его нарративами об отравленной фатализмом русской крови; они давали иные повороты восточной темы.

В период гимназической молодости М. Пришвин с товарищами убежал в

Азию, настолько захватывающим оказался этот образ Земли Обетованной. Беглецов выгнали из гимназии с волчьим билетом; чтобы продолжить образование, Пришвин вынужден был уехать в Сибирь, в Тюмень, к дяде по матери [Пришвин. Наши берега ...]. Позднее Пришвин этот навеянный легендами порыв определил как этап личностного становления, идеализировал его. «Вопрос о действительности и легенде мне был поставлен ещё в детском моём путешествии в фантастическую Азию <...> в глубине души я берегу свою Азию <...> потому и метался из стороны в сторону, чтобы в конце концов доказать реальность своей Азии» [Пришвин, 1956, 1957. Т. 4, с. 245]. Азия Пришвина – это мифопоэтическая сокровенная страна, иное царство, Беловодье, которое старообрядцы искали и на Севере, и на Востоке, и на территории современного Китая. Закономерно, что среди пришвинских художественных типов встречаются и кочевник-монгол, и китаец [Иванов, 2022]. Первый – в повести «Чёрный араб», второй – в повести «Жень-Шень». Общеизвестно, что обе повести стали наиболее сильными у Пришвина в художественном, философском аспектах.

Лес, степь открывали героям-интеллигентам Пришвина новое содержание жизни и новые глубины духовного мира, землю обетованную под небом на земле. В повести «Чёрный Араб», в очерках «Адам и Ева», «Солёное озеро» Пришвин обобщил впечатления от поездки в степи за Иртыш, в Среднюю Азию, состоявшейся в 1909 году. «Степной оборотень» – так хотел назвать он повесть [Пришвин. Письмо А. М. Ремизову ...]. Вспомним Волха-оборотня: трансформировал

плоть, зная первоестество, родство человека и звериного царства – птиц, волков, лошадей. Работал с плотью и Фауст, но шёл от латинской, халдейской мудрости. Ландшафт повести Пришвина выдержан в восточной мифопоэтической колористике: за бескрайними степями на территории современной Киргизии проступила библейская «страна Ханаанская», «настоящая пустыня», где «земля без людей и трава лежит серо-красная <...> За этой пустыней текут семь медовых рек; там не бывает зимы; там будет вечно жить Чёрный Араб» [Пришвин, 1982-1986. Т. 1, с. 532]. Географически маркируя свой Восток, Пришвин, пусть и не дословно, повторил поэтику сказаний об Индии: семь медовых рек, не бывает зимы. Повествователь обернулся не европейцем культурным, но легендарным Чёрным Арабом. Он возвращается не из Лейпцига, не из Града Невидимого Китежа у Светлого озера, куда совершили паломничество утончённые эстеты Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, но из духовной столицы ислама Мекки, и проводник у него – пастух, кочевник Исак, архаичный человек, сознание которого сформировано не книгой, а природой, мифом, преданием. В своё время Афанасий Никитин плотно общался с мусульманами Делийского султаната.

«Народные мудрецы» Пришвина – типы экзотические: Исак, Лувен. Первый – степной кочевник. Второй – китаец из Дальневосточной тайги: учитель, знахарь, колдун; он погружён в тайны зелёного мира и размышляет о человеке в духе, стилистике буддизма [Пришвин. Родники Берендея, 1977]. Фауст и Лувен – антиподы. Один – книжный мудрец; другой – от народной культуры. Но самым сильным до-

стижением китайца являются самосозерцание, «хитрая наука»: понимание шума ветра и движения воды, знание языка птиц и зверей, наконец, влияние на людей и природу. Такие дары воплощают былинный Волх, славянский властелин растительного царства Велес. Типологически близкий по функциям персонаж выведен в цикле стихов и сказок А. Н. Толстого «Приворот», там он фигурирует как «звериный царь».

Допускаем, что влечение русской творческой интеллигенции первой половины XX века к столь необычным типам объясняется желанием дополнить христианскую ценностную парадигму восточной – исламской и буддийской, индуистской.

Исключительно редки обращения к мифологии Востока в сочинениях, статьях, переписке, автобиографиях А. Н. Толстого, но перед смертью и он открыл сакральное знание. Один эпизод бытовой, другой – творческий; они объединяют поведение и подсознание писателя, их же объединяют мотивы жизни и смерти. В январе 1935 года А. Толстой перенёс сердечный приступ. Безграмотное лечение представителями официальной медицины едва не закончилось трагически; Толстого исцелил легендарный доктор Н. Н. Бадмаев методами медицины тибетской. Детали изложены в письме А. Толстого М. Горькому [Переписка А. Н. Толстого. Т. 2, с. 196, 197].

Другой эпизод: в дневнике Л. И. Толстой отмечены предсмертные «вещие» сны Толстого. А. М. Крюкова связала их с «нереализованными» замыслами, «не воплотившимися» образами, что теснились в «разгорячённом страданиями» мозгу писателя [Крюкова, 1989, с. 139]. «Сегодня большое

событие. Один народ с Алтая, очень красивый <...> празднует и катает всех на санях, быстро, как ветер <...> Это сон. Длинный красивый сон. В нём большой смысл. Очень сложный <...> Я слышу, как шумят токи воздуха, которые поднимаются очень высоко вверх <...> И наверху очень, очень высоко едва слышно холодный голос говорит иногда Слово» [Крюкова, 1989, с. 140]. Возможно, нереализованный замысел А. Толстого связан с этим большим и очень сложным смыслом, о котором мы никогда не узнаем. Фраза писателя монтируется с идеями Е. И. Рерих о зарождении новой цивилизации на Алтае.

Сердце Азии.

Величайший интуитивист Н. Рерих

Живопись, публицистика, дневники Н. Рериха созвучны нашим заключениям о Востоке, Азии и России. Мифы, образы Индии захватили Рериха ещё в детстве, как в детстве же М. Пришвина увлекла Азия. «От самого детства наметилась связь с Индией <...> картина, изображавшая какую-то величественную гору и всегда особенно привлекавшая моё внимание <...> знаменитая Канченджунга <...> К сердцу Азии потянуло уже давно <...> Имена Пржевальского и Потанина <...> Весь эпос монгольский, уже не говоря о сокровищах Индии, всегда привлекал <...> Дядя Елены Ивановны <...> отправился в Индию, затем он появился в прекрасном раджпутском костюме на придворном балу в Питере и опять уехал в Индию. С тех пор о нём не слышали» [Рерих Н. Листы дневника, 1995, с. 65, 66].

Осознанное творчество Рериха на темы Азии начинается с 1905 года: картины, очерки, увлечение Рамакришной, Вивеканандой. С 1923 года он

и Елена Ивановна (супруга) объехали главные достопримечательности Индии. В 1930-е годы, уже в Индии, Рерих определил её роль для себя и роль Азии для России.

Рерих полагал, что Восток – понятие не географическое, но относительное, мифологически-культурная субстанция. «Пределы Азии тоже очень неопределённые. Это давно уже замечено <...> Условная граница по Уралу потом расплывается в несказуемую неопределённость. Было время, когда по неведению и неразумению считалось неуместным называть себя азиатами» [Рерих Н. Листы дневника, 1995, с. 65]. За строку «Да, азиаты мы» в поэме «Скифы» Рерих назвал А. Блока прозорливым. «Как же мы не азиаты, когда сокровищница русская, вся Сибирь неизведанная, сохранённая, занимает большую часть Азии» [Рерих Н. Листы дневника, 1995, с. 65].

Рерих развил те архетипичные образы Индии, Востока, которыми наполнены былины о Волге, Илье, Садко, сочинение Никитина. Идею связи культур, религий России и Востока несут живописные полотна на темы славянского фольклора, литературы, иллюстрации агиографических сюжетов. На многих картинах православные храмы с крестами имеют контуры строений откровенно монгольских, буддийских. Таковы и очерки, эссе Рериха о русском фольклоре, литературе, писателях, культуре, архитектуре: Псков. Зарождение легенд. Русскость. Беловодье. Лада [Рерих Н. Листы дневника, 1995].

«Русь в древнейшие времена уже внимательно слушала сказания мудрых восточных гостей. Сношения с Востоком были гораздо глубже, нежели западники старались это представить. Уже не говоря о восточной сущности

Византии и о всех сокровищах восточно-русских, даже в изобразительных искусствах Европы <...> можно находить прямые влияния азиатские. Сердце Азии является как бы и сердцем мира <...> Поищем внимательно и найдем ко многому истоки все-таки в Азии» [1937 г.] [Рерих Н. Листы дневника, 1995, с. 65].

На одной из картин Н. Рериха Пантелеймон Целитель, подобно доктору Н. Бадмаеву, собирает травы не на просторах русской долины, а в Монголии. Позднее Рерих часто размышлял об индийских медицинских трактатах, о подтверждении народных практик современным ему научным знанием, об интересе в Советской России к искусству целительства у народов Востока. «Вчера мы читали об учреждении особого правительственного комитета для исследования индусской народной медицины. Заветы Аюр-Веды, столь еще недавно осмеянные, оживают <...> В Москве основывается Институт Изучения Тибетской Медицины, западные ученые нашли чрезвычайно знаменательные указания среди древних китайских заветов <...> И древняя знахарка, варившая зелье из жаб, нашла себе оправдание в современной науке» [Рерих Н. Листы дневника, 1995, с. 76].

Связи, переключки устанавливались не из частного интереса; в 1920–1930-е годы это была тенденция: верилось, что раскрепощение труда, научные открытия, расширение возможностей сознания позволят изменить жизнь, создать нового человека. Для воплощения утопии многое предпринималось как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Одной из ключевых фигур, инициатором ряда начинаний стал М. Горький, романтически увлечённый идеей Человека и его потенций, которые ещё предстоит рас-

крыть. При его непосредственном участии, благодаря авторитету в высших эшелонах власти, был создан Институт Человека, научно прорабатывавший возможность преобразования плоти не в художественном, а в медико-биологическом ракурсе. Подобный мыслительный прорыв на пустом месте был невозможен. Требовалось не только экспериментально подтверждённое новое знание, но и традиционное, мистическое старое. Не исключено, что поиск такого знания был одной из причин путешествий Рериха по Индии, Тибету, Гималаям.

Круг широчайших представлений Рериха о Востоке охватывал как инволютацию и парапсихологию, так и расширение сознания. Рерих искал конкретные людские типы, воплотившие бы столь чудесные дары. «Сколько говорилось и писалось о тончайших энергиях, постепенно улавливаемых человечеством!» [Рерих Н. Листы дневника, 1995, с. 76].

После смерти М. Горького Н. Рерих оставил о нём воспоминания, написал два очерка, «Горький», 1936, «Голос Горького», 1941 [Рерих Н. Из литературного наследия, 1974]; всё – в Индии. Если Горький открыл в Рерихе представителя русско-славянско-монгольского типа и того самого кочевника-монгола, о котором он писал много и настойчиво, и назвал его величайшим интуитивистом современности, то подтверждается ли это с другой стороны, со стороны Рериха, взглядом издали? Рерих отметил интуитивизм самого Горького и его способность к расширению сознания, возможностям человека. Горький продемонстрировал это, поделившись давним воспоминанием о жизни на Кавказе в начале своего литературного пути, когда он встретился с индусом, а тот, по прось-

бе Горького, показал ему виды индустриальных городов, но никаких городов не было, было лишь расширенное сознание загипнотизированного М. Горького. «Говорили о йогах, о всяких необычайных явлениях, родиной которых была Индия. Многие из присутствовавших поглядывали на молчавшего Горького, очевидно, ожидая, что он как-нибудь очень сурово резюмирует беседу. Но его заключение было для многих совсем неожиданным. Он сказал, внутренне осветившись: “А все-таки замечательные люди эти индусы!”» [Рерих Н. Листы дневника, 1995, с. 21].

Заключение

Дополнение, корректировка, уточнение научных представлений о национально-культурных связях и отношениях между мифологией Востока и русским фольклором, литературой Средневековья и даже прозой неореализма, русским искусством первых десятилетий XX столетия – таковы основные научные результаты данной статьи. Установление связей, типологических переключек оказалось возможным благодаря апелляции к глубинным основаниям русской национальной ментальности и ещё более глубоким, живущим в мифологическом универсализме схождениям Русского Мира и Востока. На уровне более широко, что наиболее значимо, состоялось осмысление и обобщение многих наблюдений автора по линии рецепции русской фольклорной, литературной традицией мифологии Востока. Использование методов функционального, структурно-семантического, мотивного, контекстного анализа, аксиологического и других позволило прочертить многообразие переключек, подчас антиномичных, между столь далеко расположенными друг от друга про-

странствами, эпохами, между различными персоналиями.

Мы постарались обрисовать историко-культурные причины влечения русской традиции к мифологии, культуре Востока; уточнить коннотации понятия Восток: не административно-географическое пространство, а определённая сущность, синтезируемая из контекста культурологом, философом, мифем; сущность, востребованная человеком, сформированным в знаково-

ценностном поле русского языка. В статье разведены понятия Востока как мифа и мифологии Востока, в рамках которой структурированы ключевые образы, архетипы, мотивы, воспринятые русским фольклором, литературой Средневековья, позднее – интеллигентским художественным сознанием Серебряного века, литературой неореализма, и показана их роль для русской художественной традиции, духовного мира русского человека.

Примечание

¹Как невыносимо тяжело давалась учёба отроку Варфоломею из «Жития Сергия Радонежского».

Библиографический список

1. Барлен Д. Русские былины в свете тайноведения. Калуга : Духовное познание, 1993. 72 с.
2. Горький А. М. Две души // Горький А. М. Статьи. 1905–1916. Петроград : Парус, 1918. 212 с. С. 174–187.
3. Иванов Н. Н. Рецепция культурологом Запада и Востока в русской литературе рубежа XIX – начала XX столетий // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 2 (16). С. 100–116.
4. Иванов Н. Н. Типы и образы национальной культуры в прозе русского неореализма : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 235 с.
5. Иванов Н. Н. Царство «небесно-земное, духовно-плотское: рецепция мотивов Гёте в творческой эволюции М. Пришвина / Н. Н. Иванов, Л. И. Зимина // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2. С. 43–48.
6. Индийская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия : [в 2 томах]. Т. 1. Москва : Советская энциклопедия, 1980. 672 с. С. 526, 527.
7. Китайская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия : [в 2 томах]. Т. 1. Москва : Советская энциклопедия, 1980. 672 с. С. 653–661.
8. Крюкова А. М. Алексей Николаевич Толстой. Москва : Московский рабочий, 1989. 142 с.
9. Личная библиотека А. М. Горького в Москве / Описание в двух книгах. Москва: Наука, 1981.
10. Переписка А. Н. Толстого : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1989.
11. Переписка М. Горького : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1986.
12. Пришвин М. М. Наши берега / из книги «Искусство как образ поведения» ЦГАЛИ. ф. 2569 / Н. Н. Замошкина / . оп. 1. ед. хр.535. л. 3.
13. Пришвин М. М. Письмо А. М. Ремизову. 21 ноября 1909 г. ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд Ремизова. № 634. оп. 1. ед. хр.175.

14. Пришвин М. М. Родники Берендея. Повести и рассказы. Москва : Советская Россия, 1977.
15. Пришвин М. М. Собрание сочинений : [в 6 томах]. Москва : Гослитиздат, 1956, 1957.
16. Пришвин М. М. Собрание сочинений : [в 8 томах]. Москва : Художественная литература, 1982–1986.
17. Рерих Н. К. Из литературного наследия / под ред. М. Т. Кузьминой. Москва : Изобразительное искусство, 1974. 534 с.
18. Рерих Н. К. Листы дневника. II том (1936 – 1941). Москва : БИСАН-ОАЗИС, 1995. 288 с.
19. Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. Москва : Лепта-Пресс, 2003. 316 с.
20. Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472 гг. / под ред. акад. Б. Д. Грекова и чл.корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, Москва ; Ленинград : Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948, 65 с.
21. Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв. / сост. Н. К. Гудзий. Москва : Учпедгиз, 1955. 544 с.
22. Шуган О. В. Восток в жизни и творчестве М. Горького. Москва : ИМЛИ РАН, 2023. 440 с.

Reference list

1. Barlen D. Russkie byliny v svete tajnovedenija = Russian epic poems in the light of mystery studies. Kaluga : Duhovnoe poznanie, 1993. 72 s.
2. Gor'kij A. M. Dve dushi = Two souls // Gor'kij A. M. Stat'i. 1905–1916. Petrograd : Parus, 1918. 212 s. S. 174–187.
3. Ivanov N. N. Recepcija kul'turologem Zapada i Vostoka v russkoj literature rubezha XIX – nachala XX stoletij = Reception of Western and Eastern culturologemes in Russian literature at the turn of the XIX – XX centuries / Mir russkogovorjashhih stran. 2023. № 2 (16). S. 100–116.
4. Ivanov N. N. Tipy i obrazy nacional'noj kul'tury v proze russkogo neorealizma = Types and images of national culture in the Russian neorealism prose : monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 235 s.
5. Ivanov N. N. Carstvo «nebesno-zemnoe, duhovno-plotskoe: recepcija motivov Gjote v tvorcheskoj jevoljucii M. Prishvina = The kingdom of “ heavenly-worldly, spiritual-bodily”: the reception of Goethe's motifs in M. Prishvin's creative evolution / N. N. Ivanov, L. I. Zimina // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2020. № 2. S. 43–48.
6. Indijskaja mifologija = Indian mythology // Mify narodov mira. Jenciklopedija : [v 2 tomah]. T. 1. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1980. 672 s. S. 526, 527.
7. Kitajskaja mifologija = Chinese mythology // Mify narodov mira. Jenciklopedija : [v 2 tomah]. T. 1. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1980. 672 s. S. 653–661.
8. Krjukova A. M. Aleksej Nikolaevič Tolstoj = Aleksej Nikolajevič Tolstoy. Moskva : Moskovskij rabochij, 1989. 142 s.
9. Lichnaja biblioteka A. M. Gor'kogo v Moskve = A.M. Gorky's personal library in Moscow / Opisanie v dvuh knigah. Moskva: Nauka, 1981.

10. Perepiska A. N. Tolstogo = A.N. Tolstoy's correspondence : [v 2 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1989.
11. Perepiska M. Gor'kogo = M. Gorky's correspondence : [v 2 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986.
12. Prishvin M. M. Nashi berega = Prishvin M.M. Our shores / iz knigi «Iskusstvo kak obraz povedenija» CGALI. f. 2569 /N. N. Zamoshkina /. op. 1. ed. hr.535. l. 3.
13. Prishvin M. M. Pis'mo A. M. Remizovu. 21 nojabrja 1909 g. OR GPB im. M. E. Saltykova-Shhedrina. Fond Remizova. № 634. op. 1. ed. hr.175 = Prishvin M. M. A letter to A. M. Remizov. November 21, 1909. The Saltykov-Shchedrin State Public Library. Remizov Fund. No. 634. inventory 1. storage unit 175.
14. Prishvin M. M. Rodniki Berendeja. Povesti i rasskazy = Berendei's springs. Stories and tales. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1977.
15. Prishvin M. M. Sobranie sochinenij : [v 6 tomah] = Collected works: [in 6 volumes]. Moskva : Goslitizdat, 1956, 1957.
16. Prishvin M. M. Sobranie sochinenij : [v 8 tomah] = Collected works: [in 8 volumes]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1982–1986.
17. Rerih N. K. Iz literaturnogo nasledija = From literary heritage / pod red. M. T. Kuz'minaj. Moskva : Izobrazitel'noe iskusstvo, 1974. 534 s.
18. Rerih N. K. Listy dnevnika. II tom (1936 – 1941) = Pages of the diary. II volume (1936 – 1941). Moskva : BISAN-OAZIS, 1995. 288 s.
19. Trubeckoj E. N. Tri ocherka o russkoj ikone. «Inoe carstvo» i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke = Three essays on the Russian icon. “Other Kingdom” and its seekers in the Russian folk tale. Moskva : Lepta-Press, 2003. 316 s.
20. Hozhdenie za tri morja Afanasija Nikitina 1466-1472 gg. = Afanasy Nikitin's Voyage Beyond the Three Seas 1466-1472 / pod red. akad B. D. Grekova i chl.korr. AN SSSR V. P. Adrianovoj-Peretc, Moskva ; Leningrad : Izd. i 1-ja tip. Izd-va Akad. nauk SSSR, 1948, 65 s.
21. Hrestomatija po drevnej russkoj literature XI – XVII vv. = A Reader in ancient Russian literature of the XI-XVII centuries / sost. N. K. Gudzij. Moskva : Uchpedgiz, 1955. 544 s.
22. Shugan O. V. Vostok v zhizni i tvorcestve M. Gor'kogo = The East in M. Gorky's life and work. Moskva : IMLI RAN, 2023. 440 s.

Статья поступила в редакцию 20.09.2024; одобрена после рецензирования 18.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.
The article was submitted on 20.09.2024; approved after reviewing 18.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 821.581
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-167
EDN XWKGTU

**Русская школа востоковедения и выдающиеся синологи
о постижении китайской словесности и культуры**

Лань Хаофан¹, Владимир Иванович Аннушкин^{2✉}

¹Аспирант, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва.

²Доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, г. Москва.

¹18742048979@163.com, <https://orcid.org/0009-0009-4085-5867>

²annushkin1620@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-3121-4215>

Аннотация. В настоящем исследовании проводится анализ этапов эволюции российского китаеведения, охватывающий временной промежуток от первой половины XIX века до начала XX века. Методология исследования предполагает анализ трудов трех выдающихся сиологов: Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева и В. М. Алексеева, а также дальнейший анализ научных течений, следующих из их значимых вкладов в развитие китайской культуры, языка и российского китаеведения. Начиная с XVIII века в России активно использовались прямые переводы с китайского и маньчжурского языков для анализа словесных и культурных текстов Китая. Систематические исследования охватывали широкий спектр аспектов, включая, но не ограничиваясь классической литературой, народной культурой, конфуцианством, даосизмом и религиозными убеждениями. В результате этого плодотворного научного труда появилось значительное количество монографий, охватывающих разнообразные сферы исследования. Однако несмотря на широкий диапазон этой активности, следует отметить, что формирование научных школ, посвященных китаеведению, удалось полноценно завершить только в XX веке. Этот период придал новый импульс развитию уникального научного направления в России, выраженного в формировании концептуальных и методологических подходов к изучению китайской культуры и языка. В свете вышеописанных усилий российское китаеведение предстает как сложная историческая динамика, где традиции, заложенные выдающимися учеными, сыграли ключевую роль в формировании фундаментальных научных принципов. Одновременно становление китаеведения стало результатом гармоничного сочетания исследовательского усилия, методологической эволюции и научного наследия, оставив важный след в академическом наследии России.

© Лань Хаофан, Аннушкин В. И., 2024

Ключевые слова: китаеведение; синологи; словесность; история китаеведения; китайская культура; Россия; Китай

Для цитирования: Лань Хаофан, Аннушкин В. И. Русская школа востоковедения и выдающиеся синологи о постижении китайской словесности и культуры // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 167-179. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-167>. <https://elibrary.ru/XWKGTU>.

Original article

**Russian school for Oriental studies and prominent sinologists
on learning chinese literature and culture**

Lan Haofang¹, Vladimir I. Annushkin²✉

¹Postgraduate student, A.S. Pushkin State Russian Language Institute, Moscow.

²Doctor of philology, professor, department of Russian literature and intercultural communication, A.S. Pushkin State Russian Language Institute

¹18742048979@163.com, <https://orcid.org/0009-0009-4085-5867>

²annushkin1620@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3121-4215>

Abstract. The present study analyzes the evolution of Russian Chinese studies, covering the period from the first half of the XIX century to the beginning of the XX century. The methodology of the study involves analyzing the works of three prominent sinologists: N. Ya. Bichurin, V.P. Vasiliev and V.M. Alekseev, as well as further analysis of scientific trends arising from their significant contribution to the development of Chinese culture, language and Chinese studies in Russia. From the XVIII century onwards, direct translations from the Chinese and Manchu languages have been actively used in Russia to analyze Chinese verbal and cultural texts. Systematic studies covered a wide range of aspects including but not limited to classical literature, popular culture, Confucianism, Taoism, and religious beliefs. This scholarly endeavor has resulted in a significant number of monographs covering a variety of research areas. However, despite the wide range of this activity, it should be noted that the formation of scientific schools for Chinese studies was only completed in the XX century. This period gave a new incentive to the development of a unique scientific direction in Russia, which was the formation of conceptual and methodological approaches to studying Chinese culture and language. In light of the efforts described above, Chinese studies in Russia appear as a complex historical dynamics where the prominent scholars' traditions play a key role in shaping the fundamental scientific principles. At the same time, the formation of Chinese studies is the result of a harmonious combination of research effort, methodological evolution and scientific heritage, which greatly influenced the Russian academic heritage.

Key words: Chinese studies; sinologists; literature; history of Chinese studies; Chinese culture; Russia; China

For citation: Lan Haofang, Annushkin V. I. Russian school for Oriental studies and prominent sinologists on learning Chinese literature and culture. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 167-179. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-167>. <https://elibrary.ru/XWKGTU>.

Введение

Вне всякого сомнения, русская словесность, как и культура в целом, значительно обогатились словесно-культурными связями не только с Западом, но и с Востоком, а русский язык, по словам А. С. Пушкина, «перемчивый и общежительный», многое взял и впитал от восточной мудрости и конкретных текстов, которые осваивали, прежде всего, российские ученые-китаеведы. Целью нашей работы является исследование влияния и обогащения русской культуры и словесности в целом в результате контактов с классической китайской литературой, которая, конечно, имеет исключительное своеобразие, не всегда понятное рядовому читателю. Безусловно, это процесс взаимообразный, потому что каждая культура обогащается в результате подобных связей и основная задача при этом – показать реальный, отличимый смысл текстов другой национальной культуры, не приписывая ей черт культуры родной. Именно такой позиции придерживались выдающиеся российские китаеведы, стремившиеся охватить в полной мере всю китайскую классическую словесность (литературу) во всем многообразии ее жанров.

Вопрос «Восток и Россия» представляет собой важный аспект в развитии человеческой цивилизации и остается актуальным более тысячи лет, начиная с возникновения русской государственности. Особое значение в исторических взаимоотношениях России с восточными народами и в углублении понимания русскими Востока придается Китаю – «многовековому, многомиллионному, связанному с нами узами той дружбы, которою в будущем может обеспечиваться мир всего мира, на благо живущих в нем племен и

народов» [Георгиевский, 1890, с. 271]. Как отметил А. С. Мартынов, «Китай и Россию, с точки зрения взаимодействия народов и обществ, можно рассматривать как части гигантского геополитического целого на материке Евразии. Эти части – два наиболее крупных очага земледелия, которые, подобно двум чашам весов, непосредственно примыкают к длинному коромыслу – бескрайнему поясу евразийских степей и пустынь, протянувшихся от Карпат до Великой Китайской стены. Именно вхождение в этот гигантский геополитический комплекс и сформировало в обеих странах на протяжении многих веков основные структуры их внутри- и внешнеполитического бытия – борьбу поля со степью» [Мартынов, 1995, с. 168].

Россия занимает свое место на Евразийском континенте, и ее уникальное положение обусловлено географическими особенностями, что придает ей двойственную евразийскую идентичность. В ходе исторического развития эта особенность только усиливалась. В 988 году н. э. Россия приняла православие в качестве государственной религии и освоила христианскую культуру, став частью европейского культурного пространства. Позднее, в период с 1240 по 1480 год, Русь была подвергнута монгольскому владычеству, что привнесло значительное влияние восточной культуры. Это влияние монголов охватило все сферы общественной жизни, длительное время определяя ее характер. Таким образом, культурные традиции России выражают евразийский дуализм в результате взаимодействия европейских и восточных культурных влияний.

Именно вследствие этой евразийской двойственности в культурной традиции Россия всегда признавала высокую значимость как восточной, так и западной культур, проявляя готовность воспринимать влияние с обеих сторон. Яркими примерами этого служат реформы Петра I в начале XVIII века, которые начались с полной западнизации, но затем произошел активный переход к изучению Востока, особенно китайской культуры. Это время считается зарождением российского китаеведения как научной области изучения китайской словесности, если под словесностью понимать «все произведения искусства слова: устное народное творчество и книжность, письменная литература, охватывает все науки о языке и литературе – грамматику и лексикологию, историю и теорию литературы, стилистику и риторiku и другие науки» [Альбеткова, 2000, с. 9].

С начала XVIII века, в связи с потребностью в интенсивном взаимодействии между двумя странами, особенно в период правления Петра I и императора Канси из династии Цин, происходили частые обмены, способствовавшие возникновению и развитию российского китаеведения. Уже с начала XVII века между Россией и Китаем начались обмены посланниками и персоналом, и некоторые из них оставили документированные свидетельства. Правда, интерес к Китаю часто носил экзотический характер, то есть Китай воспринимался как экзотическая страна с довольно странными обычаями, может быть, мудрыми и глубокими, но не вполне понятными европейцам, особенно при постижении не только китайской художественной литературы, но и китайской словесной действи-

тельности того или иного исторического времени [Аннушкин, 2023].

После зарождения русского китаеведения его первоначальное развитие происходило медленно, и потребовалось примерно сто лет, чтобы достичь зрелости. В период с начала первой половины XIX века до начала XX века, в истории русского китаеведения выделяются три эпохальные фигуры: Н. Я. Бичурин (1777–1853, первая половина XIX века), В. Васильев (1818–1900, вторая половина XIX века) и В. М. Алексеев (1881–1951, первая половина XX века). После В. М. Алексеева наступил четвертый период, когда научными исследованиями в области китаеведения занялась целая группа ученых, вышедших из школы В. М. Алексеева.

В предстоящем развернутом исследовании будет проведен систематический анализ исторического развития российского китаеведения, в котором мы воспользуемся четырьмя четко выделяемыми периодами в качестве вертикальных осей анализа. В контексте данной аналитической структуры мы планируем детально исследовать основные характеристики каждого периода, что позволит нам более глубоко рассмотреть ключевых ученых и их наиболее значимые труды в каждом из периодов. Целью такой организации является выявление траектории распространения китайской словесности и культуры в России, а также более глубокое понимание русскими учеными китайской словесности и культуры.

Российское китаеведение: история формирования

23 марта 1741 года синолог И. К. Россохин впервые переступил порог Академии наук, «заложил основы российского китаеведения, положил

начало изучению истории Китая, его географии и традиционной философии и культуры» [Суходолов, 2019, с. 12]. Однако следует отметить, что этому событию предшествовали усилия многих людей в России, посвятивших себя деятельности по ознакомлению и распространению сведений о Китае. История взаимоотношений между Китаем и Россией прослеживается с конца XV века, когда Русское государство, ядром которого стала Москва, начало активно устанавливать контакты с Китаем. Самые ранние письменные свидетельства об этом процессе находятся в «Хождении за три моря» русского купца Афанасия Никитина, где тот пишет о Китае: «А делают там фарфор и все дешево...» Афанасий Никитин различает разные области Китая: «Хатай» – это Северный Китай, «Чин», «Мачин» – Южный Китай [Хождение за три ... , 1948, с. 65].

На рубеже XVII-XVIII вв. Российское государство превратилось в Российскую империю. В ее внешнеполитических интересах в Азии, на Дальнем Востоке, экономических связях с внешним миром особое место приобретает Китай, ставший в этот период могущественной Цинской империей, властители которой считали, что не имеют себе равных в Поднебесной [Мясников, 2017]. Для установления прямых контактов с Китаем и изучения возможностей экономической и политической экспансии Российская империя заняла активную позицию в отношениях с китайским правительством. Приблизительно в конце правления династии Мин и начале династии Цин российские чиновники начали предпринимать усилия для получения информации о Китае из первых рук. В целях ускорения процесса подготовки

кадров и углубления знаний о Китае Россия также привлекала ученых-китаеведов с Запада.

В 1724 году Петр I издал указ о создании Императорской академии наук (Петербургской академии наук) и пригласил в нее немецкого востоковеда Байера. Байер был назначен членом академии для помощи России в адаптации результатов западноевропейской синологии к российскому контексту. Но он «не сделал даже попыток, живя среди русских, изучить русский язык и подготовить себе преемника, хотя Устав Академии наук к этому обязывал всех академиков» [Скачков, 1966, с. 163].

Кроме того, посольства и миссии, направленные царским правительством в Пекин, выполняли двоякую функцию. С одной стороны, они осуществляли знакомство китайского населения с политическим и культурным положением России с ориентацией на миссионерские цели распространения восточно-православной веры. С другой стороны, миссии были поручены «задачи сбора сведений о всех дорогах в Китай, о торговле внутри страны, и возможности торговли России с Китаем» [Скачков, 1977, с. 19]. Этот подход явился пионерским этапом в истории раннего русского китаеведения, способствуя формированию первого поколения русских сиологов.

С одной стороны, китайские литературные памятники, такие как «Беседы и суждения» («Лунь Юй»), «Учение о Середине» («Чжун юн»), «Юань ши» (содержит в себе хронологическое изложение событий царствования императоров династии Юань, одной из 24 династических историй Китая, составлена Сун Лянме в 1370 году во время династии Мин, состоит из 210 свитков) и другие, впервые были

переведены на русский язык религиозными миссиями. С другой стороны, они использовали методы современных европейских научных исследований для расширения представлений о Китае, проведения исследований, формулирования обобщений и составления сводок. Эти методы основывались на непосредственном контакте с оригинальной китайской литературой и обществом.

Основные научные достижения первых русских синологов касались обширного объема переводов, аннотаций и сбора разведывательной информации. Например, И. К. Россохин, первый русский синолог, перевел «Канон трех иероглифов» («Сань-цзы-цзин»), «Тысячесловие» («Цянь-дзы-вынь») и «Двадцать четыре сяо» (двадцать четыре героя древнего Китая, известных своим почтительным отношением к родителям). Его рукописи были востребованы в образовательных целях. Другой синолог, А. Л. Леонтьев, перевел «Четверокнижие» («Сышу»), «Канон трех иероглифов» («Сань-цзы-цзин»), «Великое учение» («Да сюэ») и «Учение о Середине» («Чжун юн»). Он также участвовал в переводе шестнадцатитомника «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска в восьми знаменах состоящего» («Бацзи тунчжи») в сотрудничестве с И. К. Россохиным. После смерти И. К. Россохина в 1761 году А. Л. Леонтьев самостоятельно завершил перевод четвертого, пятого, восьмого до шестнадцатого тома и редактировал семнадцатый том (аннотированный). В этом труде рассказывалось о том, кто такие маньчжуры и как они завоевали Китай.

Период Н. Я. Бичурина

В первой половине XIX века российская китаеведческая наука постепенно эволюционировала в самостоятельную дисциплину, события этого периода *выделяются двояко: во-первых*, формируется группа китаеведов, обладающих обширными знаниями и ведущих многопрофильные исследования; *во-вторых*, сама основа китаеведческих исследований перемещается от стадии простого перевода к активному сбору материалов, переводу произведений, последующему глубокому анализу и исследованиям, что в результате приводит к целому ряду академических открытий.

Ключевой фигурой этого периода становится Н. Я. Бичурин. В 1807 году Н. Я. Бичурин был назначен главой девятой русской православной религиозной миссии в Пекине, и в 1808 году он прибыл в Пекин, где прожил 14 лет. За это время «правилом жизни Бичурина был постоянный, ежедневный, упорный труд» [Денисов, 2007, с. 93], он подробно изучил китайский, монгольский, маньчжурский и тибетский языки, создал ряд двуязычных словарей, многоязычных лексиконов и грамматик китайского языка, а также перевел обширное количество китайских классических произведений и текстов. Начальные исследования Бичурина фокусировались на географии, истории и этнической принадлежности северного и северо-западного Китая, в основном включая сбор и перевод китайских книг и историко-географических материалов различных династий, а также их аннотации с собственными наблюдениями и впечатлениями, таких как «Описание Тибета. В нынешнем его состоянии. С картой дороги от Чен-ду до Лхассы, ч. I-II»,

«Историческое обозрение ойратов или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом», «История первых четырёх ханов из дома Чингисова», «История Тибета и Хухунов». Его переводы, такие как «Китай в гражданском и нравственном состоянии», «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», «Статистическое описание Китайской империи», демонстрируют исследовательские достижения Н. Я. Бичурина в области государственного устройства Китая и общих национальных условий. Кроме того, он перевел «Четверокнижие» и «Троесловие с литографированным китайским текстом» («Саньцзы-цзин»), интегрируя перевод с глубоким анализом и проницательными аннотациями.

Своим неутомимым трудом Н. Я. Бичурин «прорубил окно» на Восток [Родионов, 1991, с. 21]. Результаты его китаеведческих исследований обладают непреходящей ценностью, постоянно развиваются и многократно переиздаются его последователями. Его другое произведение «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии» систематизировано и отредактировано последующими поколениями китаеведов, такими как профессор Ленинградского университета Л. Н. Гумилев, и опубликовано в 1960 году.

Период В. П. Васильева

Создание кафедры китайского языка на Восточном факультете Казанского университета в 1837 году является значимым событием, поскольку оно сопровождалось переносом ракурса синологии из сферы деятельности Русской православной духовной миссии в Пекине в Казань. С момента назначения В. П. Васильева преподавателем китайского и маньчжурского языков в

1851 году начался период, который можно охарактеризовать как Васильевский этап развития русской синологии. В данный период сформировалась российская китаистика, что привело к первому подъему переводов и освоению текстов китайской культуры. Результатом этого процесса стали значительные труды, в которых академически изучались различные аспекты китайской лингвистики и культуры. Следует отметить, что в 1855 году Восточный факультет Казанского университета был закрыт в связи с изменениями в политической обстановке и реорганизацией учебных заведений. Преподаватели и студенты были переведены в Санкт-Петербургский университет, и этот переход оказал сильное влияние на дальнейшее развитие русской китаистики.

В. П. Васильев родился в 1818 г. в Нижнем-Новгороде, в 1834 г. поступил на восточное отделение филологического факультета Казанского университета, в 1837 г. он окончил университет и приступил к работе над кандидатской диссертацией, защитив её в 1837 г. на тему буддийского сочинения «Хутухту Декгэду Алтан Гэрэльту Судур-ногодун Эркету Хаган» [Скачков, 1977], защита диссертации привлекла внимание научного сообщества к В. П. Васильеву. В 1839 г. В. П. Васильев был отправлен в составе двенадцатой духовной миссии в Пекин, ему поручалось изучение литературы, истории, географии и статистики, религии, наук и искусства, торговли и промышленности Китая, Тибета, Маньчжурии и Монголии «как в настоящее время, так и в предшествовавший период» [Обозрение хода ... , 1852, с. 55].

Исключительное направление научных достижений В. П. Васильева – история буддизма в Китае и Индии. В

трактовке В. П. Васильева буддизм – «удивительнейшая и громаднейшая мистификация, какую когда-либо видело человечество» [ЖМНП, 1900, с. 69]. Среди его значительных работ следует выделить «Буддизм, его догматы, история и литература, ч. I. Общее обозрение», «Религия Востока, Конфуцианство, Буддизм и Даосизм», «Буддийский терминологический словарь. Махавьютпатти», «Обозрение Буддийской литературы». В области языка и литературы В. П. Васильев написал «Очерки истории китайской литературы» и создал сопутствующие «Материалы по истории китайской литературы. Лекции», перевел ряд произведений, включая «Шицзин», а также составил несколько словарей для изучения языка, таких как «Маньчжурско-русский словарь» и «Анализ китайских иероглифов». «Очерки истории китайской литературы» являются первым в мире обзором истории китайской литературы, который состоит из трех частей. Первая часть – введение, в котором речь идет об основе и условиях возникновения китайских документов. Во второй (главной) части можно найти подробные комментарии к конфуцианству, буддизму и даосизму в Китае. Третья – посвящена технологиям и художественной литературе [Ван Ичань, 2019]. Монография В. П. Васильева вызвала значительный отклик в российской академической общественности и послужила основой для последующих образовательных и исследовательских инициатив российских синологов. Её содержание насыщено разнообразными темами, охватывающими широкий спектр дисциплин, что делает её типичным примером ранних исследований в области российской синологии

и обобщением научных достижений того времени.

В середине XIX века отечественная синология проявила интерес к китайскому фольклору и героическому эпосу, проведя целый ряд исследований в данной области. Важным результатом стал труд «Мифические воззрения и мифы китайцев», написанный учеником выдающегося академика В. П. Васильева, профессором восточного факультета Санкт-Петербургского университета С. М. Георгиевским. В данном трактате детально анализируется происхождение китайских мифов и их характеристики, раскрываются архаические мифологические сюжеты, зародившиеся и распространенные на территории Китая. Кроме того, исследована идеологическая основа создания и распространения мифологических сюжетов в Древнем Китае. Древние китайские образы императоров, такие как Фу Си, Шэн Нун, Хуанди, Яо, Шун и другие, появились из мифологического восприятия китайцев и стали частью народной мифологии. Впоследствии Конфуций умело использовал эти мифологические образы, придавая им идеализированный характер правителей. Это придало народным мифам философский смысл и усложнило исследования китайских мифов для синологов. Такой эволюционный путь поднесения мифов к уровню философии создал сложные проблемы для исследователей, требующие глубокого анализа взаимодействия мифологии и философии в китайской традиции.

Отметим, что выдающийся русский писатель Лев Толстой также придавал серьезное внимание изучению китайской культуры, истории и философии. С начала 1880-х годов Л. Н. Толстой регулярно обращался к трудам Конфуция, Мэн-

цзы, Лаоцзы, Моцзы и других мыслителей, создавая собственные переводы и комментарии, в частности, к «Дао дэ цзин» («Книга пути и достоинства»). Кроме того, он писал сочинения с комментариями о Конфуции и Лаоцзы.

Период В. М. Алексеева

Если Н. Я. Бичурин «познакомил» Россию и Европу с Китаем, его историей и культурой, то В. П. Васильев и его школа создали реальную научную основу для их всестороннего изучения [Пиков, 2020]. В первой половине XX века, в период В. М. Алексеева, русское китаеведение претерпело значительное трансформационное воздействие, выявив новаторские идеи относительно поставленных задач, целей и методологии исследования. В. М. Алексеев внес существенный вклад в комплексное развитие как русского, так и советского китаеведения, став общепризнанным основоположником нового этапа советской китаеведческой науки. Его труды и наставническая деятельность выступили в качестве катализатора для формирования «Алексеевской школы», в рамках которой ряд исследователей активно сотрудничал и обогащал общенациональное китаеведческое наследие.

За пять десятилетий активной научной деятельности В. М. Алексеев создал переводы обширного корпуса китайской литературы с множеством трактатов. В качестве президента Академии наук он получил прозвище «Ханьлинь», не только в силу своего высокого положения, но также за счет признания его в качестве ведущего синолога китайскими коллегами. В соответствии с изложением его собственной концепции, «надо под синологией разуместь научную теорию китайского культурокомплекса и его вы-

разителя – китайского языка, теорию, которая непременно соединена с овладением этим последним на предмет свободного исследования всех китайских источников, она не замкнута в самой себе, а располагается по линиям мировой науки о природе и человеке» [Алексеев, 1982, с. 120], иными словами, это объединение дисциплин, посвященных Китаю, китайской культуре, а также китайскому языку и письменности. Дополнительно В. М. Алексеев проявлял большой интерес к сравнительным исследованиям культуры и философии Востока и Запада. Его убеждение заключалось в том, что «востоковедение, как все прочие науки, требует общения с миром и знания иностранных языков» [Алексеев, 1982, с. 193].

В период с 1906 по 1909 год, молодой Алексеев, обучаясь в Китае, принимал уроки у китайского учителя и изучал трудные китайские классические произведения. Как и большинство начинающих изучать китайский язык, он часто понимал каждый знак буквально, но не мог понять его значение. В таких случаях он обращался за советом к своему китайскому учителю, чьи разъяснения часто превосходили его ожидания. Учитель цитировал множество текстов и приводил примеры из контекста, подчеркивая тем самым скрытый смысл своих слов. Это обучение позволило В. М. Алексееву взглянуть шире на вопрос изучения китайской литературы. Он решил выбрать одно из самых труднопознаваемых произведений китайской классической литературы – «Китайскую поэму о поэте. Стансы Сыкун Ту», и решительно стремился освоить его. Он тщательно изучал «Пэйвэнь юнь фу» (крупнейший китайский фонетический словарь

XVIII в.), анализируя значения каждого слова и рассматривая, как они использовались в предыдущих произведениях. Записи о выражениях, которые он выбирал для каждого знака, не только помогали ему понять оригинал, но и служили важным материалом для примечаний к тексту. Иногда он обращался к словарям, таким как «Словарь Канхи» и «Сыку цюаньшу» (полное собрание классических произведений различных династий), чтобы найти ответы. После нескольких лет упорного исследования, он наконец завершил этот трудоемкий проект, который характеризует его как исследователя.

«Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту» разделена на две части, в первой из которых проводится анализ истории, содержания, художественных приемов и места этой «Поэмы» в китайской и мировой литературе. Также рассматриваются вопросы введения в издания «Поэмы», анализа комментаторов, явлений подражания и английских переводов. Освещаются личность Сыкун Ту, исторический контекст его эпохи, его опыт и биографический материал, а также характер его личности поэта. В заключение рассматривается методологический подход к данной поэме. Вторая часть представляет собой перевод и комментарии к «Поэме», включая переводы как прямой, так и вольный. Это уникальное сочетание анализа, экзегезы и перевода является оригинальным вкладом в область китаеведения.

В сфере китайской культуры В. М. Алексеев уделяет особое внимание «дао» и «вэнь» в контексте даосской мысли. По его мнению, «“дао” – это правило, являясь абсолютной истиной, находящейся вне человеческого достижения, всё же изучалось на основе своего предвечного состояния и шло

почивать на одном из людей, или человек есть третья стихия мира после неба и земли, а “вэнь” – культура, образование, просвещение, литература» [Алексеев, 1978, с. 56]. В китайской традиции толкования понятий «дао» и «вэнь» совпадают с объяснениями в русской традиции понятия *слово*, которое воплощает в себе идею *Слова-Логоса*, равнозначную идее Бога, Божественного сотворения мира и человека, который наделяется даром слова [Аннушкин, 2009].

Сам В. М. Алексеев уделял значительное внимание переводам, среди которых выделяются «Избранные рассказы Ляо Чжэя». Он выделял несколько основных типов персонажей в повести, подчеркивая художественный стиль и литературные приемы произведения. После ухода В. М. Алексеева из жизни, его неопубликованные исследования были представлены общественности его дочерью и учениками в трех сборниках: «Китайская литература», «Китайская народная картина: Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях» и «Наука о Востоке». Эти три сборника отражают достижения В. М. Алексеева в области китаеведения с позиций филологии, этнографии, истории, поэтики, фольклора, эстетики, а также теории и практики перевода.

Заключение

В своем раннем становлении российское китаеведение прошло постепенную и зрелую эволюцию, завершившуюся через столетие. С первой половины XIX века до начала XX века в сфере китаеведения выделяются три выдающихся ученых – Н. Я. Бичурин, В. П. Васильев и В. М. Алексеев, чьи влиятельные труды оставили в науке китаеведения неизгладимый след.

С начала XVIII века в России при исследовании китайских философских, исторических и культурных текстов активно использовались непосредственные переводы с китайского и маньчжурского языков. Эта традиция переводов и исследований просуществовала более двух веков, охватывая широкий спектр материалов и принося значительные результаты. От классической литературы до народной культуры, от конфуцианства и даосизма до религиозных убеждений и т. д. – все эти аспекты были предметом тщательного и всестороннего изучения, порождая множество монографий, включая исследования по языкам и культурам этнических меньшинств Китая.

Китайский язык, принадлежащий к гетерогенной индоевропейской семье, с его уникальной иероглификой и независимо развитой цивилизацией, рассматривается в Европе как один из наиболее практичных для представителей на мировой арене. Без глубокого понимания китайских традиций и современной духовности трудно оценить в полной мере поразительный прогресс в производстве материальных благ, который мы отмечаем в Китае начала XXI века. Этот прогресс подчеркивает выдающийся вклад китайской цивилизации и тесно связан с активными усилиями российского Китаеведения на протяжении последнего столетия.

Библиографический список

1. Алексеев В. М. Китайская литература. Москва : Наука, 1978. 595 с.
2. Алексеев В. М. Наука о Востоке. Москва : Наука, 1982. 535 с.
3. Альбеткова Р. И. Русская словесность: от слова к словесности. Учеб. для 7 класса общеобразоват. учреждений. Москва : Дрофа, 2000. 301 с.
4. Аннушкин В. И. Словесность как наука – искусство – творчество: из прошлого в будущее // Русская словесность. 2023. № 5. С. 73–82.
5. Аннушкин В. И. Язык и жизнь. Книга о русском языке – речи – слове. Москва : Русская школа, 2009. 320 с.
6. Ван Ичань. Переводы и исследования китайской классической прозы в России (XVIII–XX века) // Проблемы востоковедения. 2019. № 2. С. 75–81.
7. Георгиевский С. М. Важность изучения Китая. Санкт-Петербург : тип. И. Н. Скороходова, 1890. 271 с.
8. Денисов П. В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2007. 93 с.
9. ЖМНП, 1900, номер 7, отд. IV, с. 69.
10. Мартынов А. С. Россия и Китай: сходство наследия – общность судьбы // Звезда. 1995. № 10. С. 167–176.
11. Мясников В. С. Россия и Восток. Становление отечественного Китаеведения // Перспективы. Электронный журнал. 2017. № 1. С. 20–39.
12. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год / Сост. орд. проф. Карлом Фойгтом. Казань : Унив. тип., 1852. С. 50–56.
13. Пиков Г. Г. Формирование исторического подхода к изучению азиатских кочевников в трудах В. П. Васильева (1818–1900) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 151–156.

14. Родионов В. По пути к храму // Н. Я. Бичурин (Иакинф). Ради вечной памяти: поэзия, статьи, очерки, письма / сост., предисл. и коммент. В. Г. Родионова. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1991. С. 3–22.

15. Скачков П. Е. История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв. (краткий очерк) // Международные связи России в XVII и XVIII вв. Москва : Наука, 1966. 163 с.

16. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. Москва : Наука, 1977. 206 с.

17. Суходолов А. П. И. К. Россохин: Иркутское начало российского китаеведения и маньчжуроведения / А. П. Суходолов, В. А. Василенко, Ю. В. Кузьмин // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3. № 2. С. 7–16.

18. Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472 гг. / под ред. акад Б. Д. Грекова и чл.корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, Москва ; Ленинград : Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948. 65 с.

Reference list

1. Alekseev V. M. Kitajskaja literatura = Chinese literature. Moskva : Nauka, 1978. 595 s.

2. Alekseev V. M. Nauka o Vostoke = Science about the East. Moskva : Nauka, 1982. 535 s.

3. Al'betkova R. I. Russkaja slovesnost': ot slova k slovesnosti = Russian literature: from word to literature. Ucheb. dlja 7 klassa obshheobrazovat. uchrezhdenij. Moskva : Drofa, 2000. 301 s.

4. Annushkin V. I. Slovesnost' kak nauka – iskusstvo – tvorcestvo: iz proshlogo v budushhee = Literature as science - art - creativity: from the past to the future // Russkaja slovesnost'. 2023. № 5. S. 73–82.

5. Annushkin V. I. Jazyk i zhizn'. Kniga o russkom jazyke – rechi – slove = Language and life. A book about the Russian language - speech - word. Moskva : Russkaja shkola, 2009. 320 s.

6. Van Ichan' Perevody i issledovanija kitajskoj klassicheskoj prozy v Rossii (XVIII–XX veka) = Translations and studies of Chinese classical prose in Russia (XVIII–XX centuries) // Problemy vostokovedenija. 2019. № 2. S. 75–81.

7. Georgievskij S. M. Vazhnost' izuchenija Kitaja = The importance of studying China. Sankt-Peterburg : tip. I. N. Skorohodova, 1890. 271 s.

8. Denisov P. V. Slovo o monahe Iakinfe Bichurine = A tale of Monk Iakinf Bichurine. Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2007. 93 s.

9. ZhMNP, 1900, nomer 7, otd. IV, s. 69.

10. Martynov A. S. Rossija i Kitaj: shodstvo nasledija – obshhnost' sud'by = Russia and China: similarity of heritage - common destiny // Zvezda. 1995. № 10. S. 167–176.

11. Mjasnikov V. S. Rossija i Vostok. Stanovlenie otechestvennogo kитаеведения = Russia and the East. Evolution of Russian Chinese studies // Perspektivy. Jelektronnyj zhurnal. 2017. № 1. S. 20–39.

12. Obozrenie hoda i uspehov prepodavanija aziatskih jazykov v Kazanskom universitete za desjatiletie s 1842 po 1852 god = Overview of the progress and successes

of teaching Asian languages at Kazan University in the decade from 1842 to 1852 / Sost. ord. prof. Karlom Fojgtom. Kazan' : Univ. tip., 1852. S. 50–56.

13. Pikov G. G. Formirovanie istoricheskogo podhoda k izucheniju aziatskih kochevnikov v trudah V. P. Vasil'eva (1818-1900) = Developing a historical approach to studying Asian nomads in V. P. Vasiliev's works (1818-1900) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2020. № 66. S. 151–156.

14. Rodionov V. Po puti k hramu = On the way to the cathedral // N. Ja. Bichurin (Iakinf). Radi vечноj pamjati: poezija, stat'i, ocherki, pis'ma / sost., predisl. i koment. V. G. Rodionova. Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1991. S. 3–22.

15. Skachkov P. E. Istorija izuchenija Kitaja v Rossii v XVII i XVIII vv. (kratkij ocherk) = The History of studying China in Russia in the XVII and XVIII centuries (a short review) // Mezhdunarodnye svjazi Rossii v XVII i XVIII vv. Moskva : Nauka, 1966. 163 s.

16. Skachkov P. E. Ocherki istorii russkogo kitaevedenija = Essays on the history of Chinese studies in Russia. Moskva : Nauka, 1977. 206 s.

17. Suhodolov A. P. I. K. Rossokhin: Irkutskoe nachalo rossijskogo kitaevedenija i man'chzhurovedenija = I. K. Rossokhin: The Irkutsk origins of Russian Chinese and Manchu studies / A. P. Suhodolov, V. A. Vasilenko, Ju. V. Kuz'min // Rossijsko-kitajskie issledovanija. 2019. T. 3. № 2. S. 7–16.

18. Hozhdenie za tri morja Afanasija Nikitina 1466-1472 gg. = Afanasy Nikitin's Voyage Beyond the Three Seas 1466 1472 / pod red. akad B. D. Grekova i chl.korr. AN SSSR V. P. Adrianovoj-Peretc, Moskva ; Leningrad : Izd. i 1-ja tip. Izd-va Akad. nauk SSSR, 1948. 65 s.

Статья поступила в редакцию 21.09.2024; одобрена после рецензирования 16.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 21.09.2024; approved after reviewing 16.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2024 – № 4 (22)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 22,5 п. л., 12,75 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 232. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 12.12.2024

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44